

Гай Юлий
Орловский

Ричард Длинные Руки
В западне

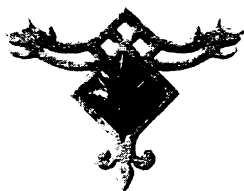
Гай Юлий Орловский

Длинные Руки
В западне

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ригард Длинные Руки
 Ригард Длинные Руки — божь Гостюда
 Ригард Длинные Руки — палачин Гостюда
 Ригард Длинные Руки — сеньор
 Ригард де Амаларф
 Ригард Длинные Руки — властелин прех замков
 Ригард Длинные Руки — виконт
 Ригард Длинные Руки — барон
 Ригард Длинные Руки — гра
 Ригард Длинные Руки — граф
 Ригард Длинные Руки — бургграф
 Ригард Длинные Руки — ландграф
 Ригард Длинные Руки — пфальцграф
 Ригард Длинные Руки — оберланд
 Ригард Длинные Руки — коннетабль
 Ригард Длинные Руки — маркиз
 Ригард Длинные Руки — фюрграф
 Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
 Ригард Длинные Руки — майордом
 Ригард Длинные Руки — маркграф
 Ригард Длинные Руки — лаутграф
 Ригард Длинные Руки — фрейграф
 Ригард Длинные Руки — виландграф
 Ригард Длинные Руки — раугграф
 Ригард Длинные Руки — конунг
 Ригард Длинные Руки — герцог
 Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
 Ригард Длинные Руки — фюрст
 Ригард Длинные Руки — курфюрст
 Ригард Длинные Руки — протестфюрст
 Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
 Ригард Длинные Руки — граф
 Ригард Длинные Руки — князь
 Ригард Длинные Руки — эрцфюрст
 Ригард Длинные Руки — рейхсфюрст
 Ригард Длинные Руки — князь
 Ригард Длинные Руки — принц-консорт
 Ригард Длинные Руки — вице-принц
 Ригард Длинные Руки — эрцпринц
 Ригард Длинные Руки — курпринц
 Ригард Длинные Руки — эрцпринц
 Ригард Длинные Руки — принц короны
 Ригард Длинные Руки — френдинц
 Ригард Длинные Руки — принц-регент
 Ригард Длинные Руки — король
 Ригард Длинные Руки — король-консорт
 Ригард Длинные Руки — монарх
 Ригард Длинные Руки — империалист
 Ригард Длинные Руки — принц императорской линии
 Ригард Длинные Руки — император
 Ригард Длинные Руки — Властелин Батровой Звезды Зла
 Ригард Длинные Руки. Ригард и Великие Маны

Ригард Длинные Руки. В западне

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки

В западне

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использован коллаж
художника *В. Коробейникова*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Ричард Длинные Руки. В западне : [фантастический роман] / Гай Юлий Орловский. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-04-092771-5

Хорошие люди слабее плохих, потому правитель не может быть плохим или хорошим, он должен быть таким, каким требует быть обстановка. Но как остаться победителем в исполинской империи, что богаче и развитее завоевателей и где правят Великие Маги?

Женщины Ричарда предлагают свои варианты...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092771-5

© Орловский Г.Ю., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Часть первая

Глава 1

Сэр Робер, преодолевая брезгливость христианского рыцаря, поддержал за локоть измученного мага, но тут же отодвинулся, передав его Максусу. Тот настолько поглощен своей армией, что может забыть перекреститься перед обедом, такому все равно, кому помочь устоять на ногах, лишь бы воевал на нашей стороне.

— Маркус, — сказал я, — пандус!

В сияющем голубизной небе возник багровый диск, мгновенно разросся во все стороны. На землю пал зловещий отсвет от нависшего плоского днища, лица воинов показались окровавленными.

Из обшивки быстро и бесшумно выдвинулся широкий трап, лишь секунду спустя возникло расширяющееся, наподобие диафрагмы, отверстие.

Кони всхрапнули и отступили, а толстый зловеще-красный край широкого трапа ударился в землю у их копыт. Бобик запрыгнул на пандус первым, опережая арбогастра, а я повернулся в седле к боевым соратникам. На их суровых лицах сильнейшая тревога, я напомнил себе, что это моя тревога отражается

на их лицах, мне пора научиться держаться сурово и непреклонно.

— Продолжайте, — велел я. — Ничто нас не! И никто. Мы должны, несмотря и невзирая!.. Нас ведет сам Господь, потому сим победиши. Мы как лягушки, прыгнувшие в колодец, воды много, но обратной дороги нет... Карл, у вас на обратный перелет сил не очень, потому дуйте в... корабль. Да, Маркус как бы корабль, хоть не плавает и даже не ходит. А вы тут продолжайте и ждите, но все равно работайте.

Макс, выказывая уважение к старшим, пусть этот старший всего лишь презренный маг, а он — герцог Максимилиан фон Брандесгерт, помог Карлу-Антону подняться по трапу. Входить в Багровую Звезду Зла не стал, бодро сбежал по трапу, а там с ходу прыгнул в седло своего такого же бодрого и поджарого, как он сам, коня.

Я вскинул руку в прощании. Арбогастр простучал копытами по красному настилу навстречу путающе багрово-красному отверстию в обшивке, с неровными и почти зазубренными краями.

Едва мы оказались в Багровой Звезде, за нашими спинами потемнел и пропал солнечный свет. Я оглянулся, в обшивке уже ни следа только что исчезнувшей двери, ровная красная поверхность то ли металла, то ли перестроенного камня.

Карл-Антон в полном бессилии опустился на пол и бесстрашно привалился спиной к багровой стене. Даже не среагировал, что в ней медленно прокатываются пологие волны, возникают утолщения и впадины, иногда нечто булькает и даже поскрипывает, даже не повел глазом.

Бобик потыкал его носом, дыхание чародея все еще с хрипами, лицо предельно усталое, вид измученный, я с сочувствием вспомнил, что старикам на отдых времени нужно побольше, чем нам.

Арбогастр некоторое время стоял, задумчиво рассматривая гостя, потом тряхнул гривой, оглянулся на Бобика, тот все еще пытается растормошить чародея, тот не реагирует, и могучий жеребец медленно пошел в глубь тоннеля, которого еще утром не было.

Чародей попытался улыбнуться, но получилась гримаса.

— Что-то болит? — спросил я участливо.

— Нет, — ответил он сипло, — переоценил силы... Магия с возрастом все точнее, но слабеет...

— Сейчас будем на месте, — заверил я. — Зейс и остальные помогут? Или как-то я?.. Кстати, у меня новые амулеты. Может, какие-то пригодятся?

— Император двинулся к столице, — напомнил он настойчиво. — Надо успеть...

— Уже, — ответил я. — Маркус!.. Давай к месту, с которого сюда...

Ничто не изменилось, я закрыл глаза и как можно тщательнее вызвал в памяти место в полумиле от ворот столицы королевства Монтегю и самой империи, Солнечного Города. Там мы загружали армию для броски в империю Клонзейд, оттуда неподвижный Маркус пугал своим видом как жителей всего города, так и великого комплекса зданий дворца Генриха Третьего.

Как только картинка в моем мозгу стала предельно четкой, я успел какими-то фибрами уловить, что огромная масса Маркуса за долю секунды сместилась в пространстве на тысячи миль.

Карл-Антон спросил сипло:

— Что-то... произошло?

— Ощутили? — ответил я. — Поздравляю. У меня шкура толще... Ага, вон скачут... Быстро же!

Маркус завис на высоте где-то в четверть мили. Сквозь широкое панорамное окно отчетливо видна роскошная столица Жемчужной империи. Широкая и хорошо утоптанная дорога к ней с высоты смотрится как посыпанная мелом, а по ней в сторону столичных врат скачут блистающие сталью всадники.

С нашей высоты отряд выглядит широким потоком сверкающей на солнце ртути. Подумал, что впервые вижу местных с головы до ног в доспехах. Мелькнула ревнивая мысль, что оружейники здесь квалифицированное наших северных.

Вслед за всадниками с большим отрывом тяжело катят несколько роскошных карет, обремененных тяжестью блистающих на солнце огромных гербов из золота, массивных украшений, где даже спицы сверкают серебром и золотом.

Карл-Антон сказал хрипло:

— На моих глазах первый и второй заслоны людей Норберта просто смели!.. Сэр Ричард, я не видел, чтобы хоть один из стражей императора упал с коня! А схватка была жестокой!..

— Маркус, — сказал я в сильнейшем волнении, — участок дороги... сразу за воротами... точно так же, как последнюю башню Магов... хоть там и не башня, но все равно...

Я чувствовал, как трепещет мое сердце, во рту стало сухо, а Карл-Антон проговорил с трудом:

— У них защита, сэр Ричард. Что-то очень мощное! Я попытался пробить, но выдохся... едва осталось на скачок к вам.

Укрытые кольчугами кони скачут со страстью и с яростным напором, странное ощущение, словно в седлах один человек в двух сотнях тел.

Маркус что-то медлит, я сказал громко:

— Как уничтожал Башни... точно так же, точно так!.. прямо по дороге, размер тот же... будто там башня, а ее нужно уничтожить... На ту же глубину...

Передние всадники в виду ворот города начали замедлять бешеный галоп, а сторожевые гвардейцы, как только увидели конницу императора, поспешно распахнули обе створки.

На дороге блеснула яркая вспышка, словно сотни яростных молний, на мгновение затмив солнечный свет, ударили из каменных плит вверх в небо.

Разом взлетела пыль, что моментально укрыла почти весь отряд плотным облаком.

Последние ряды всадников торопливо натянули поводья, поднимая коней на дыбы и заставляя пятиться от расширяющегося облака пыли.

Карл-Антон проговорил измученно:

— Задержит?

— Боюсь, — пробормотал я, — еще как задержит. Как в стену лбом...

Пыль начала опускаться, снизу прорезались острые клинки оранжевого огня. Неожиданно тут же взметнулись клубы черно-сизого дыма. Я невольно задержал дыхание.

Медленно открылся чудовишный провал с черными обугленными краями. Карл-Антон охнул при виде все еще кипящей лавы, быстро остывающей, почти белая, затем желтая, красная, багровая, покрывается коричневой коркой, в трещины светит оранжевым, словно коркой накрыто жидкое солнце.

Трое всадников сумели удержать коней на краю пропасти. Даже не пятились, а резко повернулись и понеслись обратно в сторону замерших на месте карет.

— Это же, — проговорил Карл-Антон, — чудовищно... какая мощь...

— Не ковыряйтесь в ране, — проговорил я с трудом. — Да это чрезмерное проявление силы... но в цейтноте раздумывать некогда, а когда утопаешь, то и за змею схватишься...

Он оторвал зачарованный взгляд от страшного зрелища, повернул голову в мою сторону.

— Чрезмерное проявление силы?.. Ваше величество, что за дурь?.. Сила никогда не бывает чрезмерной. Хорошо, успели, а если бы нет?.. Еще минута, войска императора вошли бы в город!

— Да, — ответил я, сам ощутил, что хватаюсь за соломинку, — пришлось бы сдаваться либо сжигать город... Хотя что я несу?.. Ладно, подождем, ход за ними.

Он медленно и с осторожностью посмотрел по сторонам.

— Похоже, с Маркусом язык находите все лучше?.. Раньше здесь было настолько чудовищно, даже ваши закаленные воины бледнели...

— Да, — ответил я, — понемногу притираемся друг к другу. Пока император раздумывает над ответным ходом, давайте отдохнем и перекусим. Прямо здесь и перекусим.

Он внимательно смотрел, как прямо из воздуха возникли две фарфоровые тарелочки, влажно шлепнулись по ломтю жареного мяса. Из стены рядом неожиданно начал выдвигаться красный бугристый выступ.

Я кое-как примостил на нем свою тарелочку. Выступ медленно расширился, бугорки разошлись по поверхности, Карл-Антон с осторожностью поставил и свою тарелку.

— Не ожидал, — сказал он пораженно.

— Я тоже, — признался я. — Конечно, очень желал нечто подобное, но чтоб такой отчетливый отклик... гм...

— Будьте осторожны, — проговорил он. — Не зарывайтесь.

— Я не только осторожный, — признался я, — я даже трусоватый. Друзьям такое не брякну, но вы не рыцарь, к тому же человек пожилой, поймете... Я семь раз отмеряю, прежде чем сделать шаг, да и тогда в такое влипаю...

Когда я создал две чашки с кофе, выдвижной столик стал чуть шире. Карл-Антон покачал головой, глаза расширились в изумлении.

— Он начинает чувствовать вас.

— Надеюсь, — ответил я. — Возьмите эти пирожные. Это не магия, но все-таки чудо кулинарии.

Он взял чашку и заварное пирожное, посматривал со странным интересом.

— А почему бы вам не совершенствоваться?

— В магии? — уточнил я. — Это тупик. Хотя и даст временный успех. Нет, дорогой алхимик, сейчас именно вы на верном пути. Алхимия — это уже наука. В коконе. Но уже.

Он медленно смаковал, я видел, как силы вливаются в его измученное тело, глаза начинают блестеть ярче, а согбенная спина начинает распрямляться.

— Там переговоры, — напомнил он. — Смотрите, возле карет оживились...

Я скосил взгляд в окно, по обе стороны от карет сгрудился отряд конницы уже без доспехов, кони рослые, отборные, под яркими попонами, с украшенной драгоценными камнями сбруей, а всадники в достаточно богатой одежде, что, впрочем, не мешает им быть, например, дворцовыми слугами.

Из далекого темного зева выкатили, а сейчас торопливо останавливаются, три роскошнейшие кареты: одна сверкает золотом, даже ободы колес блестят, вторая полегче, да и кони не такие могучие звери, идут свободнее, помахивают гривами. Третья вся в торжественно-черном, только по краям стильно отделана серебром и золотом.

Карл-Антон пробормотал:

— Император рассчитывал не просто пережить катаклизм, а выйти в дикий мир в полной силе. Видите, с ним отборная гвардия. Лучшие из лучших.

— Человек всегда надеется, — обронил я. — Но императору в самом деле повезло. Никого даже не задавило.

Он спросил осторожно:

— Выйдете встречать?

— Погожу, — ответил я. — Кто знает, что у таких красивых в рукаве. Шарахнут, не глядя... никакой Маркус не защитит! Пусть свыкнутся с мыслью, что я в состоянии всю их империю превратить в пыль и дым.

Он зябко повел плечами.

— Даже я не могу свыкнуться.

К каретам помчались трое уцелевших всадников. Один даже голову засунул в окошко, двое слушают рядом, жестикулируют, сообщают о случившемся оставшимся в остальных каретах.

Карл-Антон понаблюдал, я видел, как после бифштекса, пирожных и большой чашки крепкого кофе лицо слегка порозовело, а в покрасневших глазах появился здоровый блеск.

— Пусть поговорят, — сказал он, — это хорошо. После того как тот рабочий добрался до них и сообщил, как мог, что стряслось, там совещались долго. Думаю, были разные варианты, насчет как выйти и как себя вести.

— Похоже, — заметил я, — решение приняли неверное.

— Теперь и сами наверняка поняли, — сказал он.

— Дадим время пересмотреть, — согласился я. — Корректировать на ходу не умеют, имперская машина слишком уж громоздкое дело, но, думаю, сейчас что-то изменится.

— Уже видят, — сказал он, — что уничтожить можете всех, но не делаете этого. С учетом этого и решат... Видите, как все поглядывают наверх? Багровая Звезда еще то зрелище...

— Уже предупреждены рабочими, — напомнил я. — Иначе бы разбежались... Подождем, время с нами.

Далеко за спиной раздался легкий хруст, Карл-Антон в испуге дернулся, развернулся с резвостью подростка. В прямом тоннеле, что все больше начинает походить на коридор, арбогастр с азартом сгрызает выпуклости из стены.

— Что это... он?

Я отмахнулся.

— Похоже, Маркус начинает подкармливать мою лошадку. Ощутил, что тот любит, вот и подсовывает... Хорошо еще, Бобика не балует.

Он снова повернулся к окну, на этот раз даже безбоязненно уперся в красную бутристую стену, а я по-

думал, что отваги старику не занимать. Или это не отвага, а ясное понимание, что Багровая Звезда не навредит.

— Зашевелились, — предупредил он.

Внизу от группы вышедших из карет отделился один, очень яркий и в дорогой шляпе с роскошным белым пушистым опереньем, остальное сверху не рассмотреть.

Он жестом согнал одного из всадников на землю, поднялся в седло. Ему передали большой флаг с кистями и золотым шитьем, он тут же направил коня шагом по дороге в сторону провала.

— Маркус, — сказал я, — давай ниже... Еще, еще... Теперь зависни. В смысле, просто остановись в данной точке пространства...

За всадником попробовали увязаться еще двое, но он властным жестом остановил их, а когда огромная багровая масса сверкающего металла опустилась почти к самой земле, эти двое сами заставили коней попятиться.

Всадник вскинул руку и что-то прокричал, судя по его виду, повелительное и не терпящее отказа. Двое развернули коней и помчались обратно к каретам.

Глава 2

Днище Маркуса нависло над землей на высоте ярдов десять, не больше, страшное ощущение для тех, кто внизу, все чувства кричат, что эта гора вот-вот обрушится, не может вот так висеть и не упасть с грохотом...

Я сосредоточился и, мысленно наметив небольшую щель в обшивке на краю с днищем, начал ее медленно раздвигать с таким усилием, словно раздираю обшивку руками.

Сердце колотится, не часто удается вот так мысленным усилием передать с первой попытки, что нужно Маркусу сделать, помимо простых «вверх-вниз».

В проеме я появился, держась за край, не столько из страха выпасть с высоты, хотя и такое опасение есть, больше на случай, если со стороны людей императора что-то задумано.

Всадник сразу же помахал флагом и прокричал:

— Переговоры!.. Переговоры!..

Я ответил сурово:

— Мальчик, ты не император.

Он прокричал:

— Его императорское величество Герман Третий, властелин восемнадцати королевств...

Я прервал:

— Я уже понял, о ком речь. Что там дальше?

Он запнулся, явно в самом деле намеревался проговорить весь титул, а в него обычно включаются все владения, но, молодец, сориентировался и договорил:

— ...приглашает вас, кем бы вы ни были, на переговоры!

— Принимаю, — ответил я и добавил громко: — Только сперва отдам приказ сжечь здесь все, если вдруг мне прищемят хотя бы пальчик. Багровая Звезда испепелит на сотню миль как во все стороны, так и вглубь. Отдам это распоряжение и сразу выйду!

Всадник крикнул торопливо:

— Я все передам!.. Что сказать?

— Изволью выслушать вашего императора, — сказал я холодно. — Так и передай.

Он поспешно развернул храпящего в ужасе коня, за моей спиной Карл-Антон сказал нетвердым голосом:

— Держитесь, ваше величество. Вам разговаривать с императором... урожденным.

Я переспросил:

— И что?

Он ответил после паузы:

— Герман Третий родился наследником престола, ваше величество. И воспитывался как будущий император. Значит, на многое будет смотреть иначе, чем смотрят даже родившиеся очень богатыми и знатными.

Всадник на бешеной скорости унесся к группе с каретами, хорошо видно, как прокричал что-то в раскрытое окошко. Отворилась дверца, в глубине салона мелькнула рука в пене белоснежных манжет.

Мы ждали, а всадник покинул седло и, отдав солдатам флаг, торопливо поднялся в карету.

Карл-Антон прошептал из темного угла:

— Так и держитесь, ваше величество. Там могли готовить какой-то вариант захвата.

— Да и сейчас готовы, — ответил я тревожно, — но теперь будут осторожнее.

Он вздохнул.

— Безмерная власть порождает уверенность во всех своих действиях.

— Надеюсь, — ответил я так же шепотом, — сейчас начинают понимать, что их власть не такая уж и безмерная.

— Хорошо бы, — сказал он. — Еще чуть задержитесь, пусть прочувствуют возможность разрушения их империи. Очень близкую возможность! Но что-то мне очень не понравилось это вот «кем бы вы ни были»...

— А что так?

— Император знает, кто вы!

Я пожал плечами.

— Может, это сам всадник брякнул.

— На таком уровне не брякают, — предостерег он. — Будьте настороже и не допускайте промахов. Переговоры... бывают опаснее войны.

— Я вообще осторожный, — напомнил я. — Если что не так, лучше отступлю.

— Мудро, ваше величество. Не стыдитесь отступить. Отступить сейчас — победишь позже. Отступление у сильных ведет к победам.

— Так то у сильных, — пробормотал я.

Он посмотрел, вытягивая шею, на дорогу. Всадник уже домчался обратно к каретам, переговорил, и через некоторое время задняя карета, карета торжественно-черного цвета, сдвинулась с места и, объехав две золотые, выехала вперед.

Я ждал с сильно стучащим сердцем, Карл-Антон сказал рядом торопливо:

— Это не император! За ним штандарт императорского дома, но не личный...

— Сейчас узнаем, — ответил я.

Сверху хорошо видно, как возница в парике и в богатой одежде, так бы и принял его за могущественного герцога, с трудом заставляя коней приближаться под нависающую громаду Маркуса.

Когда вся четверка совсем уж уперлась и, фыря, отказалась двигаться дальше, он натянул поводья и крикнул.

С запяток соскочили двое слуг, тоже в завитых париках, один отворил дверцу, другой поставил перед ней на землю оббитую парчой скамеечку.

В темном проеме появилась громадная голова в серебристо-сером парике из седых волос с крупными

локонами, сам парик спускается всего лишь до плеч, однако переговорщик вышел на свет не такой уж и громадный, хотя и грузный.

Камзол из парчи до колен, вроде бы желтого цвета, но разобрать трудно из-за лент, бантов, плетеных шнуров разного размера и цвета, а пышные манжеты начинаются от локтей. Все же я уловил в его одежде неуловимую строгость, которая все-таки отличает государственного служащего высокого ранга от беспечного прожигателя жизни.

Опираясь на головы склонившихся лакеев, он выставив перед собой роскошно оформленную трость, грузно спустился на скамеечку, а оттуда сошел на землю, где величественным жестом велел всем оставаться на местах.

Трость, как я понял с настороженностью, не палочка для помощи в ходьбе, а что-то иное, то ли оружие, то ли символ власти, а то и нечто магическое, хотя магии все еще не ощущаю.

Его державное лицо и весь облик настолько ясно и отчетливо говорят о власти и могуществе, что я непроизвольно двинулся по трапу навстречу, но спохватился и заставил себя остановиться на некоторой высоте.

Он медленно шествует к Маркусу с непокрытой головой, хотя при таком парике какая шляпа, но как бы сорвал ее церемонным жестом и, низко склонившись, помахал ею над носком блестящей туфли, даже сделал пару тяжелых подскоков и замер в позе вежливого ожидания.

Я ответил с высоты пандуса:

— Ну-ну, дальше. Только покороче.

Не смущаясь и не выказывая никаких чувств, он сказал предельно почтительным голосом:

— Айфорс Молер, лорд-канцлер, к вашим услугам. Доверенное лицо его величества императора Германа Третьего, облеченное правом вести с вами переговоры.

— Переговоры? — повторил я.

— Предварительные, — сказал он быстро. — До встречи с самим императором нужно уточнить сам церемониал такой судьбоносной встречи... Герман Третий все-таки могущественный властелин древнейшей империи...

Он умолк, глядя на меня пытливо. Я поинтересовался невинно:

— А что вас беспокоит?.. Моя мощь? Господин канцлер, любое нарушение протокола можно списать на разницу между этикетом вашего двора и обычаями Севера...

Он перевел дыхание, ожидал худшего, но тут же нахмурился и покачал головой.

— Это не просто этикет нашего двора, есть правила всех императорских домов...

— Нет правил без исключений, — заметил я. — Правила и законы на всем Юге примерно одинаковые, но мы не Юг. Впрочем, о чем спорим?.. Давайте конкретно ваши условия. Хотя это не условия, а ваши предпочтения. А я посмотрю, что можем принять, а что для нас будет выглядеть... неприемлемым.

Он поклонился и сказал с прежней осторожностью:

— За вашей встречей будут наблюдать сотни глаз...

— Ого, — сказал я, — что это у вас за? Даже в режиме демократии такие встречи идут за плотно закрытыми дверями.

Он сказал поспешно:

— Я имел в виду именно церемониальную встречу. А переговоры, конечно, наедине.

— А-а, — сказал я, — сам церемониал... Оркестр, почетный караул и прочее не обещаю. У нас не запланированные переговоры, а спешная встреча на поле боя, где вот-вот может случиться нечто... неприятное с уничтожением Жемчужной империи, так она называлась до этого важного момента?

Он вздрогнул, щеки покрылись смертельной бледностью и стали совсем дряблыми, а в голосе прорезалась просящая нотка:

— Да, ваша Звездная Мощь, именно ваша встреча пройдет на глазах свиты императора, а переговоры, естественно, наедине. Потому малейшее ущемление высокого достоинства императора будет замечено...

— Не сомневаюсь, — прервал я. — Народец везде одинаков и позлословить любит. Детали?

Он проговорил, запинаясь на каждом слове:

— Самый идеальный вариант, ваше Звездное величество... если бы все увидели... что император встречается с принцем императорской мантии... Понимаю, это невозможно...

Я вскинул ладонь, останавливая его:

— Стоп-стоп!.. Париж стоит обедни, а гору легко приблизить к Мухаммаду, если пойти к ней самому... Какой церемониал встречи императора с принцем этой, как ее, мантии?

Он взглянул удивленно и радостно, к щекам вернулась кровь, а в глазах появился живой блеск.

— Вы серьезно?.. Тогда все решаемо. Сам разговор, повторяю, наедине, а для придворных зримый издали церемониал, после которого вы с императором уединитесь... например, в этой карете или карете его императорского величества..

Я кивнул.

— Приемлемо.

Его лицо озарилось, хотя старается выглядеть все так же почтительно невозмутимым.

— Ваше величество?

Я сделал нетерпеливый жест пальцами правой длани.

— Мое северное императорское величество выше любых правил. И когда иду навстречу вашим пожеланиям, это не значит, что в чем-то уступаю. Просто мне насрать, простите за мой изысканный слог северного варвара, насрать на бытовые мелочи. И если с моей стороны будут нарушения церемониала...

Я сделал нарочитую паузу, он сказал с поспешностью дипломата, увидевшего возможность заключить договор на выгодных условиях:

— То это особенности северных обычаев! Все понятно, ваше величество. Разрешите так и передать?..

— Да, конечно.

Он сказал со вздохом облегчения:

— Теперь о важных церемониальных мелочах. Его величество император Герман подъедет в своей карете с гербом своего дома...

— Возражений нет, — ответил я.

— Он выйдет и остановится в двух шагах...

— Нет возражений, — повторил я нетерпеливо. — Что, нельзя это опустить?

Он со вздохом развел руками, на лице проступили сожаление и даже скорбь.

— Все уже знают, что вы... гм... принц императорской мантии. Я не пытаюсь вас оскорбить, ваше Звездное величество, однако это говорит о том, что вам знакомы некоторые мелочи нашего придворного этикета...

— Некоторые, — отрезал я, — но не все. Давайте так, те ваши правила, которых не соизволю придер-

живаться, списываем на незнание формальностей. Ну дикий я, дикий. Так и объявите всем. Зато с огромной звездной дубиной. Дикари очень любят дубины, символ силы, и обожают пускать их в дело, стоит им только дать шанс.

Он взглянул с опаской, словно уже чем-то тяжелым и опасным помахиваю над его головой.

— Да, ваше Звездная Мошь, это... вариант. Я все передам его величеству императору. Дословно.

— И пусть не медлит, — сказал я с угрозой в голосе. — Придворные могут расценивать нашу встречу как угодно. Вплоть до того, что вассал явился на поклон к сюзерену, но император знает, как оно на самом деле.

Он сделал поклонно-танцевальное движение, одновременно изображая лицом, глазами и фигурой полнейшее понимание ситуации.

— Да, ваше Небесная Мошь, конечно. Простому народу не обязательно знать тайны дипломатии и способы управления империей.

Я сказал, изображая нетерпение высшего существа, вынужденного общаться всего лишь с императорами:

— Тогда все?.. Жду Германа Третьего!

— Спасибо, ваше величество, — ответил он, — откланиваюсь...

Судя по его лицу, он едва верил в такой быстрый конец предварительных переговоров по подготовке императорских переговоров. В этом мире обычные церемониалы без крупных военных конфликтов раздуваются до невероятных размеров.

Я сказал небрежным тоном:

— Кстати, если кто из ваших задумает какую-то хитрость, что и не хитрость, а как бы государственная

необходимость, советую ему самым срочным образом покинуть империю. Хотя и не успеет, но пусть попытается, так смешнее.

Он взглянул в изумлении.

— Почему?

Я ответил с приятной улыбкой:

— В небе останется висеть Багровая Звезда Смерти. Я велел, если со мной что-то случится, сразу же уничтожить Солнечный Город, королевство Монтегю и вообще всю Жемчужную Империю. На это потребуются не больше часа, за это время далеко не убежать. Кстати, свои войска я уже перебросил в империю Клонзейд, они уцелеют.

Он побелел, отшатнулся.

— Ваша Звездная Мощь!.. Да как такое можно подумать! Да ни за что!

— Можно, — заверил я тем же тоном. — Можно даже осуществить... Если даже я, наивный и простодушный варвар с Севера, подумал, то, что говорить о вас, дорогие мои интриганы...

— Ваше величество, мы примем все меры, чтобы не вызвать вашего неудовольствия!

— Я не капризный, — сообщил я. — Но чуткий и подозрительный.

Он поклонился.

— Ваше величество...

Глава 3

Я сделал небрежное движение кончиками пальцев, он тут же отступил, помахал в обратном порядке несуществующей шляпой над выставленной ногой, отступил еще раз, снова взмахнул так, что я почти увидел,

как пышные перья обметают несуществующую пыль с блестящего кончика туфли.

Смотреть вслед я не стал, недостойно деятеля такого крупного масштаба, каким я должен выглядеть, отступил по пандусу и стал ждать, как пойдет дальше.

Сердце стучит часто, с императорами разговаривать еще не доводилось, а мой опыт не годится, я все еще больше полевой вождь, чем император.

Тяжелые першероны помчали карету лорд-канцлера так, что возница уперся ногами в передок, унимая прыть. На большой скорости ворвались в середину тесного отряда, там коней перехватили, Айфорс Молер, лорд-канцлер и доверенное лицо, торопливо покинул карету и бросился к той, что с императорским гербом.

Я терпеливо ждал, пока он доложит и выскажет свои мудрые советы, как говорить и вести себя с этим варваром. Наконец могучие кони императорской кареты наклонились вперед, упираясь всеми четырьмя в землю, и тяжело потащили это покрытое золотом сооружение, да еще и с крупными накладными гербами из золота.

Приблизившись к тому месту, где карету покидал лорд-канцлер, кони с храпом облегчения остановились, а лакеи, соскочив с запяток, поставили на землю оббитую красным бархатом скамеечку.

Из темного входа показалась массивная голова в огромных серых локонах, а когда обладатель парика выпрямился, стало видно, что свисающие уши достигают пояса, а на спине наверняка до поясницы.

За моей спиной Карл-Антон прошептал:

— Да, по всем признакам это и есть сам император... Ваше величество, не забывайте, вы тоже император!

— Ох, — сказал я, — буду стараться.

Хозяин кареты постоял на ступеньке несколько мгновений, затем достаточно легко спустился на землю, блистающий и яркий, весь в золоте камзола из оранжевой парчи и в широких лентах золотого шитья, красных и ярко-синих, совсем не старый мужчина, крупный и величавый, даже на таком расстоянии на меня повеяло имперской властью.

Сойдя на землю, прямой и с высоко поднятой головой, направился в сторону трапа. Ни тени страха или замешательства на его лице, надменном и полном вельможного высокомерия, на трость не опирается, а демонстрирует ее красоту, а также величавость императорской осанки.

Признаков немощи не видно, во всяком случае с трапа Маркуса. При всей крупности фигуры лицо достаточно сухощавое, выступающие скулы, прямой нос, подбородок слегка выдвинут, под носом тонкая полоска усов с загнутыми кверху кончиками, что придают молодецкий вид. Лицо и общий облик создают впечатление предельной державности, перед которой державность его лорд-канцлера смотрится провинциальной.

Правда, под глазами по два яруса мешков в мелкую сеточку, но в остальном лицо почти моложаво и в самом деле исполнено силы.

Он всматривался в мое лицо так же внимательно, я старался держаться с должной невозмутимостью. Шаги его все замедлялись, наконец он остановился и вперил в меня требовательный взгляд.

Я спустился по трапу, он у меня настоящий императорский, даже в красном бархате, а внизу произнес без поклона:

— Приветствую вас, ваше величество.

Вблизи его лицо все же выдает человека очень немолодого, даже пожилого, но не старого, морщинки мелкие, глаза внимательные, страха в них нет, только изумление.

— Доблестный сэр, — произнес он, всматриваясь в меня пристально, — гонец рассказывал чересчур сбивчиво... Кто вы?

— Ричард Длинные Руки, — назвался я. — Тот, которому вы пригрозили, что если не явлюсь немедленно, то в мои земли тут же вторгнутся ваши войска.

Он пробормотал в замешательстве:

— Ричард Длинные Руки?.. Я представлял вас намного старше...

— Я и есть намного старше, — ответил я небрежно. — Молод годами, но старые книги читал. Надеюсь, я вовремя, ваше величество? Ваши войска еще не на пути к моей империи?

— Империи? — переспросил он.

— Вы пожаловали мне титул принца императорской мантии, — напомнил я. — Но пробыл я им недолго... Даже не помню, дни или часы. Как-то императором для встречи с вами сподручнее, вам не кажется?

Он покосился на чудовищный диск зловеще-багрового цвета, таким нависающий над головами Маркус видится с нашей позиции, заметно побледнел.

— А что...

— Это мое, — ответил я небрежно. — Да, вы угадали. Явились тут какие-то к нам на Север. Пришлось их в землю по ноздри, а Багровая Звезда понравилась, взял себе. По одному моему слову уничтожит хоть город, хоть королевство или империю, хоть весь этот континент.

Он промолчал, понял, наверняка прикинул, как с нами справиться, он же на своей земле, под рукой бесчисленные армии, однако я не случайно как бы вскользь обмолвился, что любую армию легко уничтожить с высоты Багровой Звезды, и вообще все то, что делали филигоны, можем сделать и мы.

— Ваше величество, — сказал я, — Ричард Длинные Руки к вашим услугам. Вы потребовали, чтобы я немедленно прибыл. Не просто велели явиться, но еще и пригрозили прислать через океан огромное войско, которое все у нас сотрет в пыль, хотя точную формулировку не помню. Но угрозы были. Так что я вот здесь и сейчас. Перед вашими грозными очами.

Он вымученно улыбнулся.

— Никогда они у меня не были грозными. Меня вообще считают слабым императором. А насчет угроз... вы же понимаете... я император, за мной тысячи глаз... И тысячи ушей ловят каждое мое слово.

— И все же, — сказал я все еще учтиво, — ваше величество, что скажете?

Он выдержал надлежащую паузу, то ли этикет, то ли искал слова, здесь же без советников, наконец сказал примирительно:

— Вы на таком уровне не можете не быть политиком. Понимаете, что не все, что говорится громко, верно. Важнее то, что говорится шепотом. А то и вообще умалчиваемое.

Голос его звучал негромко, даже приглушенно, хотя его свита осталась далеко за пределами слышимости.

— А что говорится шепотом?

— Что я в самом деле, — произнес он медленно, — заинтересовался вами.

Я произнес с долей сарказма:

— У вас настолько хорошо работает разведка на Севере?.. Ладно, это риторический вопрос. Во всяком случае, вы появились из пещеры явно без желания вести диалог.

Он вздохнул, лицо омрачилось. Я ждал, он произнес ровным голосом:

— Сожалею, что началось с некоторого... недоразумения.

Я ответил сухо:

— Достаточно заметного.

— Сожалею, — повторил он, — но я не мог иначе. Даже императоры вынуждены делать то, что положено. Это мои земли, я не мог допустить, чтобы меня останавливали или контролировали. Никто из могущественных лордов, сопровождающих меня, этого бы не принял. А такое чревато для династии.

— Могущественные лорды, — повторил я с неохотой, — да, везде эти лорды, влияющие, а то и вовсе определяющие политику и вообще все на свете... Но, ваше величество, вы предпочитаете потерять много, даже очень много, или... все?.. Простите за риторический вопрос, но моя реакция на вашу реакцию... была достаточно прозрачной.

Его лицо слегка омрачилось, то ли в самом деле, то ли сделал вид, даже чуть повел плечами.

— Да, это... впечатлило. Погибла почти вся моя элитная гвардия. Это серьезный удар по моей репутации.

— Новую дорогу, — поинтересовался я, — думаете прокладывать вдоль стены? Полагаю, ущелье лучше все-таки засыпать. Неприятные воспоминания нужно хоронить... поглубже.

Он взглянул пытливо.

— Полагаете, получится?

Я пожал плечами.

— Мне, как и вам, конфронтация ни к чему. Для успокоения ваших лордов можете сообщить, что вы император, а я ваш вассал.

Лицо его не изменилось, а в голосе прозвучала еще большая настороженность:

— А в реальности?

— Давайте откровенно, — предложил я, — никто не подслушивает, надеюсь. В реальности кто с моей нынешней мощью смирится с ролью смиренного вассала? В то же время и ваш вассалитет мне как-то ни к чему. Мои некоторые интересы сейчас, волей случая и неумного желания Скагеррака к захватам, лежат в Клонзейде... Но и там я не знаю пока, что делать, хотя делать обязан. Вроде бы весьма обязан в силу некоторых нравственных императив.

Он сказал осторожно:

— Сэр Ричард, но формально вы все еще мой вассал. Простите, но в империи вас воспринимают именно так.

— В империи обо мне вряд ли слыхали, — уточнил я, — а при дворе уже знают, кто прибыл на Звезде Смерти и отменил катастрофу. Скромно говоря, спас мир. Пока вы прятались в пещерах, при вашем дворе кое-что произошло. Впрочем, я вообще-то помню, что да, принц императорской мантии. Хотя мне по барабану, ваше величество. Как и то, что я и сам император.

Он взглянул с тревогой.

— Сэр Ричард?

— Сейчас я выше, — напомнил я, — чем император.

Он пояснил почти виноватым голосом:

— Придворным это не просто понять. Мы живем в строго определенном мире, где все ожидают, что будете относиться к своему сюзерену с надлежащим почтением. Мир держится на традициях, вырабатываемых тысячелетиями.

Я развел руками.

— Скажите, в чем нарушил протокол, и сразу принесу извинения. Вы от меня потребовали, чтобы явился перед ваши очи, и я вот сразу, моментально даже... Выполнил ваш приказ! Или вы знали, что не стану тратить время на долгий и опасный путь через океан, полный чудовищ, бурь и непонятных явлений?

— Я верил в вас, — ответил он уклончиво.

— Ваше величество, — продолжал я, — я знаю десятки примеров, когда вассалы становились могущественнее своих же королей, но по всем законам и нормам права продолжали считаться вассалами.

Он бросил взгляд по сторонам, я насторожился, однако он сказал просительным голосом:

— Если не можем продолжить разговор в этой... Багровой Звезде, то, может быть, в моей карете?.. Не люблю вот так на виду. В моей свите есть люди, умеющие читать по губам.

— Понятно, — сказал я, — почему к ним спиной. В карете точно не услышат?

— Салон защищен, — ответил он и взглянул остро. — У вас не так?.. Видите, выдаю вам наши тайны, как знак, что ничего не замышляю.

— Можно выдать одну, — напомнил я, — чтобы надежнее спрятать три. Но вы меня как бы убедили.

Мы синхронно, плечо к плечу, направились к его карете. Я слышал, как за спиной трап стремительно втянулся в зев Маркуса.

Багровая тень под нашими ногами резко сдвинулась, это Маркус поднялся на полмили и завис там, огромный и страшный.

Возница замер, простая душа, не скрывает, что всего трясет при виде приближающегося властелина Звезды Смерти. Я остановился у распахнутой двери, позволяя императору подняться в карету первым, как ее хозяина и как человека, который вдвое старше меня, и плевать, как это истолкует наблюдающая издали свита.

В салоне все кричит о безумной роскоши, однако уютно, продумано, явно такие кареты выпускают с полтыщи, а то и тыщу лет, каждая мелочь не только шедевр художественности, но и удобств.

Два сиденья лицом по ходу, два напротив, император опустил первым в правое по ходу, я сел к нему лицом.

Он сказал с некоторым облегчением:

— Здесь нас точно никто не услышит.

— Ткань? — спросил я с видом знатока.

— И весь материал, — согласился он. — Сэр Ричард, я с вами знаком уже несколько лет... особенно по докладам известной вам Бабетты...

— Помню, — ответил я, — как она?

— Вся в делах, — сообщил он, — но о вас уже услышала. Говорит, ожидала нечто подобное... Сэр Ричард, обстоятельства вашего появления здесь очень необычны и, как вижу, меняют всю расстановку сил. Это очень тревожно и опасно. Могу я спросить, что собираетесь делать на Юге?.. Кстати, как мне к вам обращаться? Я не хотел бы хоть в чем-то проявить бестактность...

— На принципах равенства, — ответил я, — потому лучше нам остановиться на титуле «ваше величество».

А на людях можно и «ваше высочество», уверяю вас, я не чувствую ущемления достоинства, зато чувствую себя моложе и вроде бы, как малолетний принц, ни за что пока не отвечаю.

Он поклонился.

— Ваше величество...

В его сдержанном голосе я все же уловил облегчение, победитель обычно старается демонстрировать доминантность в каждом слове и жесте.

— Кстати, — сказал я, а в голове мелькнуло, щас вот так и скажу, что планирую делать на Юге, но произнес предельно вежливо: — Ваше величество, со всех сторон сыпались предложения завалить вашу шахту глыбами. Да-да, чтобы вы там все... остались. Нет человека — нет проблемы. Наверное, не удивитесь, что больше всего таких предложений поступало от ваших подданных?

Он отвел взгляд в сторону, я сам чувствовал неловкость, разговаривая в таком тоне с человеком, явно более утонченным, чем я, но положение обязывает, нужна ясность в отношениях, и я продолжал смотреть неумолимо, как и должен смотреть диктатор, лице-творяющий нужды населения и озабоченный необходимостью подъема сельского хозяйства.

— Это неприятно, — проговорил он тусклым голосом, — очень неприятно, но в какой-то мере ожидаемо. Я надеялся, что поймут необходимость того, что и как было сделано... Все обсуждалось заранее и достаточно широко в обществе... и все понимали, что остальные варианты хуже.

— Понимали, — согласился я, — но видели несправедливость.

— Несправедливость ситуации, — проговорил он осторожно, — но решение спасти часть скота и за-

пасы зерна были оправданны. Да, были голоса насчет взять в пещеры на несколько сот человек больше. Однако чем бы питались, поднявшись в разоренный мир? От голода умерли бы все, кому удалось бы выбраться.

— Жестокое решение, — согласился я, — но имеем то, что имеем. Я вынужден вести дело с позиции силы.

Он сказал со вздохом:

— Все решаете вы.

— Ньюансы решения зависят от вас, — заметил я с неумолимостью.

Он развел руками.

— Понятно, я принимаю все ваши условия. Иначе всех ждет смерть, не так ли?.. Хотя понимаю, что скажете.

Я взглянул ему в глаза.

— Вы правы, люди северной империи предпочли бы смерть, чем подобные... условия. Но это так, к слову. Иллюстрация, с кем имеете дело. У вас другой народ, другая культура, другие ценности. Потому вашу позицию принимаю без осуждения, даже с пониманием.

Он чуть наклонил голову.

— Слушаю ваши условия.

— Ваша империя, — сказал я, — принимает протекторат Клонзейда. Да-да, чего та империя и добивалась по ряду причин, очень важных для их империи. Но Клонзейд нуждается в выходе к морю, потому ваша империя уступает ей королевство Гессен.

Он молчал, но я видел на его лице тщательно скрываемое облегчение. Империя цела, уже счастье, а что трон останется за ним — вовсе неожиданный дар. Потому потеря одного из восемнадцати королевств

весьма прискорбно, однако совсем не смотрится невосполнимой потерей.

— Когда его величество император Скагеррак примет от меня королевство Гессен?

— Какой Скагеррак? — спросил я.

Глава 4

Он некоторое время смотрел на меня в упор молча, подозревая какой-то злой розыгрыш, победитель не может не покуражиться, это в крови у мужчин. По сути что-то близкое есть, хотя вообще-то не злое, просто оттягиваю его момент имперского триумфа, слишком уж большой делаю подарок.

Я сказал ровным голосом, тщательно сдерживая торжество:

— Как ваш вассал, так можете объявить вашему двору, на которого полагаетесь всецело, я сразу же взялся решать некоторые ваши проблемы. Имперские, не личные. Без вашего разрешения, но уверен, не будете против. Еще как не будете. Для начала освободил из заложников вашу внучку, хотя это вроде бы и личное, но все-таки имперское... Не благодарите, все было слишком просто. Стража разбежалась, охраны не было.

Его лицо впервые чуть дрогнуло.

— Клариссия?.. Каким образом?

— Ее зовут Клариссия? — переспросил я. — Красивое имя. Впрочем, девочка тоже... Кстати, империя Клонзейд больше не угроза. Я вообще-то миротворец, хотя это звучит странновато в отношении человека, у которого меч в руке бывает чаще, чем столовый нож.

Он пробормотал в радостном изумлении и все еще в понятном недоверии:

— Это просто... даже не нахожу слов... Но... почему империя Клонзейд больше не угроза? Что случилось?.. И, простите, все-таки не поверю, что вдруг в самом деле решили в чем-то помочь.

— И правильно сделаете, — согласился я.

— Тогда в чем дело?

— Император Скагеррак, — сообщил я, — допустил ошибку. Потребовал у вас королевство Гессен... Не так ли?

Он поморщился.

— Не так, конечно...

— Ясно, — согласился я. — Не в такой прямой и оскорбительной форме. Дипломатия на марше, знаем, проходили. Но если и не все королевство в полной мере, но все же должно перейти под его влияние. А еще лучше под управление.

Он остро взглянул исподлобья.

— И почему, как вы полагаете?

— Император Скагеррак, — сказал я, — человек весьма энергичный и рисковый. Ему не сидится в пределах... Кому не хотелось бы экспансии?.. Ах да, вам не хочется, вы за стабильность... Так вот королевство Гессен возжелалось Скагерраку из-за крохотной полоски на берегу моря... На суше он скован границами, гарантом которых выступают Великие Маги, а море дает соблазнительную возможность беспредельной экспансии.

Он наклонил голову.

— Как вы узнали?

— Узнал, — ответил я туманно. — У вас свои возможности, у меня свои.

— Но все же...

Я пояснил:

— Все просто, Скагеррак задел мои шкурные интересы. Дело в том, что та полоска на берегу, называемая маркизатом Черро, принадлежит мне. А я в этот маркизат вложил столько усилий, хитрости, выдумки, моего вдохновенного гения... Вообще я был в ударе. Потому Черро мне дорог как песня моего детства!.. Хотя это было недавно, но императорская мантия быстро старит.

Он продолжал изучать меня острым взглядом исподлобья.

— Вот оно что...

— Да, — подтвердил я. — Вряд ли знаете все эти мелочи, но тот край был полностью пиратским, а короли Гессена сделать с ними ничего не могли.

— Знаю, — обронил он.

— А-а, тогда еще проще!.. Тамошние пираты приняли мой вариант перехода на легальную основу. В смысле, все награбленное вложили в инфраструктуру маркизата. Началось бурное строительство порта, заложили несколько кораблей, учредили выборную власть, меня даже выбрали королем, я согласился, но вскоре ушел... гм... на северный континент, а вместо меня остались как бы править две мои жены.

Он взглянул с любопытством.

— Две? Жены?.. такую деталь в рапорте упустили.

Я ответил с некоторой неловкостью:

— Когда государство строишь с чистого листа, можно закладывать основы любой формы правления. А при тех свободных нравах, что царили в маркизате... в общем, само как-то получилось. Я не охочу до женщин... в той мере, конечно, чтобы могли как-то

влиять на мою деятельность, но когда само, то пусть. Я принимаю это, как смену погоды. Солнце, дождь или злой ветер, а работать все равно нужно. Потому Скагеррак маркизат не получит. Думаю, это устроит и ваше величество.

Он сдержанно улыбнулся.

— Еще как устроит. Я у вас в долгу. Но планируете ли вы и дальше...

— Пока умолчу о планах, — сообщил я. — Скажу главное, ваше величество. На ваш трон не посягаю. Это же главное?... Даже на трон империи Клонзейд не посягаю, хотя там могут быть варианты. На этом, думаю, наш разговор можно закончить, а то ваши люди уже начинают втихую двигаться в эту сторону. То ли за вас беспокоятся, то ли что-то съели. В общем, мою армию в вашей империи рассматривайте как дружественную, что явилась на помощь. В вашу юрисдикцию не входит, что понятно, потому сдержите своих лордов от недружественных шагов. Если что сделают моим людям, я вмешаюсь лично!

— Я позабочусь сам, — пообещал он с торопливостью. — А что насчет нашего общения на людях? Ведь такие случаи будут? Нам еще нужно многие вопросы утрясти подробнее.

Я поднялся и, взявшись за ручку дверцы, сказал небрежным тоном:

— У меня люди Севера, этикета не знают, сообщите всем. Это их извиняет и даже оправдывает.

Он сказал быстро:

— Вы в самом деле спасаете нас...

— Кстати, — сказал я, — я из брошенных вами людей привлек на работу ряд ваших чиновников. Постарайтесь, чтобы к ним не было никаких репрессий.

Он воскликнул:

— Да я осыплю их наградами!

Когда распахнул дверь в солнечный мир, за спиной услышал вздох облегчения, все-таки в таком обществе важные вопросы жить или умереть стоят на одной доске с правилами придворного этикета.

Конная охрана, что в самом деле приблизилась и стоит уже в пяти шагах от кареты, поспешно подала коней в стороны. Смотрят со страхом и ненавистью, но это тот страх, что не помешает броситься на меня с оружием в руках.

Я повернулся и сказал в глубину салона:

— Пусть мне подготовят апартаменты. Я прибуду через пару дней. Тогда и перетрем кое-какие вопросы насчет будущего... Маркус, пандус!

Багровый трап, покрытый красным бархатом высшего качества, не отличишь от настоящего, выдвинулся из багрового днища и со стуком ударился толстым краем в землю прямо перед каретой.

Император все же выглянул, но успел только увидеть, как меня на трапе стремительно внесло в зловеще разомкнувшуюся щель в корпусе чудовищно огромной Багровой Звезды Зла.

Как только за моей спиной диафрагма сомкнулась, я сказал быстро:

— Маркус, вверх!

Зелень за окнами моментально сменилась голубизной, я перевел дух, а из тоннеля поспешно выступил Карл-Антон.

— Как прошло?..

— Почти договорились, — ответил я с облегчением. — В карете он был откровеннее. А вы смотрите уже неплохо. И даже лицо округлилось... Мне бы так!

Он коротко усмехнулся.

— В нашем мире восстанавливаться как можно быстрее просто необходимо. Вопрос жизни и смерти.

— У вас получается прекрасно, — сказал я. — В общем, можно обратно в Клонзейд...

— Разве?

— А что мешает?

— Возникнет впечатление, — пояснил он, — что вы с появлением настоящего императора исчезли, как дым. Надо пробыть во дворце хотя бы сутки, показывая, что и вы здесь, несмотря на возвращение императора, не последний человек.

— Деликатный вопрос, — признал я. — Как не задевая гордости императора... гм... вообще-то я, как чувял, успел сориентироваться. Сказал ему, чтобы для меня подготовили апартаменты. Через пару дней нанесу визит...

Он воскликнул:

— Так и сказали? Прекрасно. По размеру апартаментов будет видно, как относятся к вам. В королевских дворцах все строго регламентировано, а в императорском вообще...

— Да, — согласился я, — вы правы. Лучше все-таки застолбить свое присутствие. Я запасливый. На днях заеду. А сейчас нужно посмотреть, что там у входа в пещеру.

Арбогастр примчался на свист, фыркнул на Бобика, тот по-царски возлежит у моих ног и показывает всем видом, что здесь и живет, а всякие лошади пусть там, где прочие животные...

— Встряхнись, — велел я, — прими гордый вид. Надеюсь, император уже въехал в пенаты, да и стра-

сти малость стихли... Маркус, давай вниз, высади нас там у края провала. Хочу посмотреть, насколько же я страшный человек...

В окнах синева неба сменилась зеленью близкого леса, я сосредоточился, по-бараньи вперив взгляд в толстую обшивку Маркуса, что не обшивка, а, скорее, скорлупа или панцирь, типа экзоскелета у муравьев и всяких там ракообразных.

Щель наметилась почти моментально, но дальше то ли Маркус затупил, то ли я отвлекся мыслью, там чуть расширилось, появились устрашающего вида зубья, черт бы побрал мое чересчур образное воображение.

Я стиснул челюсти и с железной ясностью вообразил гладкие стальные ворота, створки которых неспешно уходят в стены.

Арбогастр жарко дыхнул мне в макушку, я повернулся и взобрался в седло, успел заметить, что «уходят в стены» Маркус понял не совсем так, как я: толстые створки в самом деле раздвинулись и беззвучно вошли без следа в стены, смешавшись с нею словно пластин такого же цвета.

Карл-Антон сказал за спиной:

— Ваше величество, вы все же... поосторожнее.

— И так трясусь, как заяц, — признался я. — Но разве император может быть зайцем, даже если заяц?..

— Не может, — согласился он. — Накиньте шкуру льва и ведите себя, как положено льву рыкающему.

— В смысле, порывивать чаще?

Арбогастр, услышав мой безмолвный приказ, гордой рысью сбежал по красному как бы бархату наклонного подиума, Бобик обогнал черной толстой молнией, но впереди на дороге остановился, коротко гавкнул.

Я приподнялся на стременах, со стороны завалов из серого камня доносится нарастающий цокот копыт. Через минуту оттуда вынырнули трое всадников на легких поджарых конях, передний замахал руками, все понеслись в нашу сторону.

Люди Норберта, судя по одежде, впереди скачет Фрифрост, старший в группе разведки, один из доверенных командиров Норберта.

Бобик сел на дороге и стал ждать, уже признав своих. Всадники остановили коней на всем скаку возле нас, на лицах глубокий стыд и злость.

Я вскинул руку и сказал первым:

— Уже знаю, а императору выразил свое неудовольствие, вы наверняка видели. А теперь подробности!

Фрифрост сказал отчаянным голосом:

— Мы вышли на дорогу и велели им остановиться. Они сразу же ударили...

— Как?

— Помчались в атаку, — объяснил он. — Сшиблись с нашими. Я все видел издали, сэр Норберт велел не покидать указанные места. Схватка прошла молниеносно, ваше величество. Они промчались сквозь наши ряды, как сквозь туман!.. За ними остались только тела наших людей и кони с пустыми седлами.

— Потери с их стороны?

— Ни одного, — ответил он упавшим голосом. — Ваше величество, их доспехи ничем не пробить и даже не поцарапать!.. Но зато потом вы их с Маркуса...

Я прервал:

— Все понятно. Инцидент исчерпан. Император принес извинения, мы заставим его выплатить репарации. А сейчас переведем дух. Люди императора го-

товят для нас торжественную встречу, а интенданты спешно освобождают достойные спасителей помещения во дворце.

Они направили было коней к трапу, но по взмаху моей руки все послушно остановились. Фрифрост уточнил:

— А наш нынешний статус? Теперь, когда император вернулся?

— Благородные спасители, — пояснил я. — Держитесь героями, унижать себя ни-ни. Смотрите свысока. Не забывайте, это мы вбили филигонов в землю по их поганые ноздри и захватили Багровую Звезду Зла! Уже этим мы выше и наряднее. Вы должны дефилировать как гордые гуси среди серых уток, несмотря на их парики и золотые камзолы!

Фрифрост уточнил:

— Мы не возвращаемся с вами?

— Нет пока, — сказал я. — Дуйте вслед за императором. Слушайте, что говорят в городе, как народ принял его возвращение, что судачат о нем и о нас. Нам важно удержать и эту империю... в числе лояльных.

Они переглянулись, уже озабоченные, но Фрифрост отчеканил с привычной бодростью правильного младшего командира:

— Приказ принят!.. Все сделаем, ваше величество!

Карл-Антон сказал из глубины тени:

— Хорошо у военных. Никаких пререканий... Не то что у нас — одни споры и уточнения.

— Увы, — сказал я, — авторитаризм хорош, даже прекрасен на коротких дистанциях. Ладно, Маркус, возвращаемся... Закрывай люк, набираем высоту.

Глава 5

Карл-Антон отступил еще глубже, стараясь ничем не отвлекать, я сосредоточился, старательно вызвал картинку величественного Волсингсбора с высоты мили.

Ничего не произошло, я закрыл глаза и постарался представить картинку как можно ярче и отчетливее, а также всю ту гамму чувств, которая сопровождает ее у меня при виде столицы Клонзейда, империи Изначального Света.

Некоторое время все оставалось, как и прежде, затем мгновенное помутнение сознания, которое я бы и не заметил, если бы не сосредотачивался изо всех сил, и тут же слепяще яркий солнечный свет ворвался через все окна с нашей стороны.

Далеко внизу раскинулся роскошнейший Волсингсбор, весь похожий на ухоженный ансамбль дорогих зданий, почти нет одинаковых, все чем-то да отличаются одно от другого, следуя причудливой моде.

— Бесподобно, — прошептал Карл-Антон.

— Очень красиво, — согласился я.

— Я говорю о перемещении, — сказал он. — Просто бесподобно! Ничего о подобном не слыхал и даже в старых книгах нет.

— Другая геометрия, — ответил я. — Мы знаем только эвклидову и лобачевского, а Маркус использует возможности то ли квантовых процессов, то ли еще нечто.

Он посмотрел на меня с великим уважением.

— Ваше величество, вы так говорите о законах геометрии, словно все их знают с детства, а я вот вообще

не слышал... Но если вы можете объяснить, то и сами, гм, в силах...

Я сосредоточился, представляя, как сравнительно медленно идем вниз, зеленая поверхность начала разрастаться в лес, Маркус опустился на старом месте неподалеку от городских ворот.

— Выходим, — крикнул я, — все выходим!.. Бобик, Зайчик!

Бобик примчался через минуту, Зайчика пришлось ждать дольше, на ходу что-то жует с хрустом, морда довольная.

Карл-Антон сказал с тревогой:

— Что-то нашли съедобное?

— Не сами, — объяснил с досадой. — Я ж говорю, Маркус их подкармливает. Скоро совсем перестанут слушаться.

Бобик запрыгал передо мной, то припадая грудью к земле, то подскакивая выше моей головы, и всем видом показывал, что просто влюблен в меня и никогда никогда не предаст.

Карл-Антон спросил с недоверием:

— Зачем он это делает? Я о Маркусе?

— Родство чует, — ответил я. — Маркус, пандус к городским воротам...

Зайчик привычно подставил бок, я поднялся в седло, а Бобик черной молнией проскользнул мимо и с азартом ринулся по красной парадной дорожке.

Мне Бобик показался больше похожим на раскаленный обломок черной скалы, что снесет все по дороге, несмотря на свой веселый и дурашливый нрав.

Городская стража всякий раз вздрагивает и цепенеет при виде приближения Багровой Звезды, но воинская дисциплина удерживает на местах.

Черный арбогастр красиво и гордо сошел по наклонному трапу на землю, Маркус по моей команде неторопливо поднялся выше облаков и завис в пугающей неподвижности, багровый и загадочный, Звезда Смерти, что все еще присматривался к жизни внизу.

Ворота торопливо распахнули, гвардейцы стараются даже не смотреть на страшного коня, а черный Пес пронесся мимо и тут же пропал за домами.

Я успел увидеть, как Карл-Антон, облачившись в незримника, молча прошел вслед за Бобиком и там сразу исчез из моего поля зрения.

Я придержал арбогастра, гвардейцы с бледными перед властелином Багровой Звезды лицами вытянулись, а я спросил жизнерадостно, как и нужно разговаривать с солдатами:

— В Багдаде все спокойно?.. Ну хорошо, бдите!.. Благодарю за службу!

Арбогастр сорвался с места, но сделал вид, что просто дает фору Бобику, тот показался издали, глядя в нетерпении в нашу сторону, и тут же сгустком ночи пронесся по улицам с такой скоростью, что горожане могли увидеть только промелькнувшую тень.

Юстера на этот раз не увидел, наверное, все же отсыпается за последние бессонные ночи, но местной охраны стало побольше, хотя ее пока что допускают только для патрулирования во дворе.

Внутри дворца пока что наши орлы дежурят на входах во все здания и на лестницах. Меня еще не увидели, но ликующий Адский Пес уже оповестил всех, что его любимый друг, хозяин и властелин всего на свете сейчас прибудет, всем прыгать и радоваться от скорого счастья лицезреть его светлый лик...

С высоты седла я уловил в дальней дымке горизонта очертания горного массива, горы на планете все молодые из-за Багровой Звезды Смерти, не расплывшиеся за миллионы лет, не осевшие в землю, а остропокие, с гладкими блестящими стенами.

Сейчас воздух кристально чист, я засмотрелся на вершины гор, не меньше дюжины идут одна за другой вплотную, а острые наконечники смотрятся как длинные иглы на спине чудовищно огромного дракона.

Сейчас победно горят в лучах утреннего солнца, оранжевые, словно накаленные и распространяющие жар, а дальше внизу еще тьма ночи...

Я тряхнул головой, какое утро, скоро обед, солнце светит сверху, а не из-за края, горы должны быть освещены целиком...

Подозвав одного из местных слуг, поинтересовался:

— Что за горный хребет?

Он в недоумении посмотрел в ту сторону.

— Ваше величество?.. Там просто горы.

— А как называются?

Он подумал, почесал в затылке.

— Ваше величество, да так и называются... Горы.

Я кивнул, отпуская его прочь, в черепе вяло барахтается мысль, что в той стороне Жемчужная, а этот хребет как раз и разделяет обе империи. Скалолазы, конечно, могут перебраться из одной в другую, а то и контрабандисты, но хребты уложены, как нарочно, так, чтобы не провести армию на захват и завоевание.

Но так перекрыты пути не только для армии, но и для торговли, обмена людскими ресурсами. Вообще здесь слишком многие привычно живут в строгой изоляции, а это не совсем хорошо, а мы такие, что обязательно постараемся сделать всем очень хорошо, хотя

бы для этого сперва придется все сжечь, а всех недовольных перебить.

Со всех сторон смотрят высыпавшие во двор придворные, все в цветных, но обязательно светлых одеждах, большинство в пастельных тонах, есть в розовом, желтом и оранжевом, наши все еще смотрят косо, дескать, женщинам можно все, дуры, а мужчины как могут наряжаться так ярко? Стыд, срам и позор.

Из здания навстречу выбежал Чекард, быстрый, хваткий, в блестящей легкой кольчуге, хищный и целеустремленный, как муравей крематогастер пилоза.

— Сэр Ричард! — вскрикнул он. — Все в порядке, все работают!

Я покинул седло, передав ему повод, кивнул на любопытствующих придворных, что боязливо рассматривают нас издали, но самые отважные потихоньку приближаются, лъстиво кланяясь и заискивающе улыбаясь.

— А эти?

Он поморщился.

— Все в таких нарядах, не отличишь герцога от лакея...

Я сказал наставительно:

— Ты же разведчик, должен замечать разницу. У слуг такие же парики с буклями по бокам, видишь, но сзади, смотри внимательнее, хвосты перехвачены огромными черными бантами!.. Только слепой не увидит.

Он угрюмо посмотрел по сторонам, у всех местных мужчин такие же парики на затылке удерживают распадающиеся волосы огромными цветными бантами: красными, синими, оранжевыми, зелеными и вообще всех цветов, но только у слуг — черными.

— Да, — согласился он, — но как насчет вон того?

Я взглянул на тучного господина в камзоле из золотой парчи, через плечо лента из широкой голубой ткани, по всей длине усеивают бляхи из золота, треть с драгоценными камешками, цветные плетеные шнуры по бокам, крупные золотые пуговицы, над каждой поработал ювелир, а сверкающий серебром парик сзади перехвачен угольно-черным бантом.

— Гм, — ответил я в затруднении, — ничего, во всем разберемся. От людей сэра Норберта ничего не скроется!

Одного из наших стражей я еще внизу у лестницы послал собрать военачальников высшего звена в мой кабинет, теперь уже твердо решил все апартаменты Скагеррака присвоить, совещание не совещание, но короткий брифинг нужен, да и вообще важно почаще напоминать даже нашим, кто рулит и олицетворяет.

Хрурт и Ульман все еще в коридоре почти в том же виде, как и оставил, засияли, рты до ушей.

Я предостерегающе вскинул ладонь.

— Но-но, без обнимашек!.. От меня пахнет женскими духами, не спугните. Вы что же, вот так и ждали?

— Перильд свалился, — сообщил Ульман гордо, — а мы ждем.

— Очень вы мне нужны, — сказал я, — недосваленные!.. Марш отсыпаться, а то какой из вас толк?.. Идите, идите!

Вскоре внизу послышался шум, бодрые мужские голоса. Из коридора донесся бесцеремонный топот сапог, это точно наши.

Дверь распахнулась, вошел в сияющих доспехах розовощекий Палант, бодрый и такой же яркий, как и его кираса клондзейской выделки, уже покрытая золотом и с выпуклым гербом на груди.

От громоздкой стали, закрывающей от середины бедер и до пальцев ног, уже отказался, брюки из тонкой ткани, сапоги мягкие, больше для дворцовых танцев, чем для походов, но все же не презренные туфли.

Он учтиво поклонился, коротко и по северному сдержанно.

— Ваше величество?

Я кивком указал на кресла у стола.

— Садитесь, Палант. Слоны, как и водится, придут последними.

Но не успел он опуститься в кресло, вошли Альбрехт, Норберт, за ними почти сразу Келляве и Гевекс, граф Мальгерт и даже тучный сэр Рокгаллер, градоначальник города Волсингсбора.

Я критически оглядел Альбрехта, вот уж у кого врожденное чувство вкуса, даже не заморачиваясь внешним видом, он всегда самый элегантный из моих военачальников и соратников, сейчас же на пороге сорвал шляпу и, сделав два шага в сторону, давая возможность войти из коридора остальным, учтиво и грациозно поклонился, абсолютно точно соблюдая пропорции между сдержанным достоинством северян и танцевальной сверхгалантностью южных жителей.

Его кираса сверкает золотом, абсолютно гладкая, отражает огни свечей так, будто вся из зеркала, под кирасой дорогой камзол из парчи оранжевого цвета, пышные манжеты в два ряда, брюки в обтяжку, сапоги отделаны вышивкой, шнурами и нашлепками из металла.

Держа шляпу в руке, еще раз красиво взмахнул ею в приветствии, сразу видно, кому Палант подражает, осведомился:

— Ваша Звездная Звездность?

— Это еще что? — проворчал я. — Совсем ни в какие ворота.

Он ухмыльнулся.

— Слышали бы вы, как вас величают местные!.. Та-ак, кто наливает?

— Вы без меня совсем орастились, — буркнул я. — Садитесь, буду шкуры снимать. Почему мир еще не во всем мире? И где-то кто-то горько плачет? Теперь мы за все в ответе!

Он сел, сказал со вздохом:

— Сэра Растера в самом деле не хватает за таким столом.

— Это рабочий стол, — напомнил я сварливо.

— Вот-вот, — согласился он. — Мы бы поработали... Дорогой граф, садитесь рядом, давно не общались...

Граф Мальчерт учтиво поклонился, красивый и аристократичный, ему местные наряды точно нравятся, сел с Альбрехтом рядом.

— Я вам пообщаюсь, — сказал я, возвысив голос. — Видите карту?.. Это не карта, а хрень какая-то. Здесь только маршруты!

Келляве сказал с сомнением:

— Города расположены как раз вдоль этих маршрутов, не так ли?.. То ли поселения так возникли, то ли маршруты проложили по ним точно, но разве для нас это важно?

— Не совсем так, — возразил я. — Есть веские предположения, что в необозначенных на карте местах имеются и другие поселения. Но с этим разберемся. Но сперва с тем, что тормозит прогресс и развитие сельского хозяйства...

Палант сказал живо:

— Но вы же разобрались с Великими Магами, что тормозили прогресс и это, как его, развитие?

— Осталось разобраться с багерами, — пояснил я. — Правда, сперва подумаем насчет дорог.

Альбрехт сказал с неудовольствием:

— Ваше величество, не поясните ли...

— Настроим дорог, — пояснил я. — Что непонятно?

Он сказал с сомнением:

— Народ будет недоволен... А вы же народник, к нему почему-то прислушиваетесь.

— Я хороший правитель, — ответил я с достоинством. — А хороший правитель стрижет шерсть, а не сдирает шкуру.

Глава 6

Он посмотрел на меня в упор, в холодных серых глазах стального цвета проступило сомнение.

— По дорогам, — сказал он, — нужно самим ездить, а багеры возят... Даже я, столько постранствовавший, ощутил, как это здорово. Поднялся в эту огромную карету на сотню человек, а она везет сама по себе и даже на кочках не потряхивает.

— Здорово, — согласился я, — но из-за них дороги вообще перестали строить!.. Впрочем, народ всегда чем-то недоволен. По себе знаю, я же тоже народ!.. Еще какой, бунтарский и свободолюбивый. Потому будем делать то, что народу надо, а не что этот сраный народ хочет.

— Но тогда как, — сказал он, возвращая мою красивую и свободолюбивую мысль к скучному началу, — объясните этому самому... народу?

— По предсказанию, — ответил я, — или еще по каким-то пророчествам, багеры скоро все упадут.

И разобьются со всеми, кто там катается. Потому во избежание потерь среди мирного населения багерами отныне будет пользоваться только моя армия. Солдат не жалко, для того их и берут для такой работы.

Он посмотрел на меня с уважением.

— Хитро. Даже мудро, хотя это вроде подхалимаж с моей стороны.

— В отношении моего величества, — сказал я твердо, — никакой подхалимаж не подхалимаж, все равно будет недооценка моих титанических усилий! Я такой, замечательный... Хотя, если честно, это не столько я, сколько... гм...

— Старые книги, — подсказал он. — Вы же старые книги читали!.. А кто старые книги читал, тот управляет теми, кто не читает?

Я усмехнулся.

— Кто вообще читает книги, старые или новые, управляет теми, кто не читает.

Келляве покачал головой.

— Ваше величество, хорошее дело строить дороги. Хоть и хлопотное. Но одно дело к ближайшему селу или к соседнему городу...

Он умолк, остальные тоже молчали, у всех вид выжидательный, я сказал поощряюще:

— Сэр Келляве, вы всегда смотрите в корень. Да, вы правы, для императора моего масштаба... вы уже запомнили, что я император?.. это мелкогато...

Альбрехт заметил с ехидцей:

— Думаю, все запомнили. Вы это повторяете пять раз на день. И что за масштабные дороги замыслили?

Я посмотрел на него с интересом.

— А-а, вы тоже, как и граф, поняли?.. Смотрите на карту. Вот здесь самая короткая дистанция между им-

периями Германа и Скагеррака. Но если по прямой до королевства Гессен, то соединить дорогой лучше в этом месте...

Я провел черту, Альбрехт сразу возразил:

— Почти вдвое длиннее!..

Келляве кивком указал в мою сторону.

— Если его величество сумеет, как надеется, прорубить ущелье через тот горный хребет...

Я сказал нервно:

— Да, надеюсь!.. Но каким получится, не знаю. Мы все делаем впервые!.. Как и живем в первый раз.

Келляве сказал невозмутимо:

— Дорога станет длиннее, это верно, обозы пройдут медленнее, зато товары из Клонзейда попадут сразу в Гессен. Там на багеры, а дальше по прямой в Черро, хотя именно насчет дороги я сомневаюсь...

Гевекс спросил скептически:

— А смысл? Рыба и в реках водится...

— У морской иной вкус, — заверил я. — И вообще в море не только рыба. Кальмаров не пробовали?.. Кстати, по всему побережью Черро добывают поистине чудесный жемчуг. А еще там ископаемые, которых нет в империях Германа и Скагеррака, потому что далеки от морского побережья. Даже морская соль нежнее каменной.

Альбрехт взглянул на меня испытующе.

— Но на самом деле цель иная?

Все повернулись к нему, Альбрехт в неудовольствии пожал плечами.

— Разве не очевидно? Сэр Ричард не станет интересоваться жемчугом или солью. Его величеству подавай размах!.. А размах даст только строительство могучего флота, что начнет бороздить все моря и океаны,

откроет острова, а также земли на Западе и Востоке. Судя по разным намекам, там тоже огромные континенты, а населены они незнаемо кем и чем.

От последних слов повеяло угрозой, Палант передернул зябко плечами и сказал храбро:

— Багровая Звезда защитит...

Я ощутил на себе взгляды, подумал, подбирая ответ помягче.

— А как вам то, что Багровая Звезда может стать тем же, чем здесь были Великие Маги?.. Люди разучились даже работать!.. Молчу уже о таком благородном деле, как воевать!.. Полный застой. Потому нужно жить так, словно Маркуса нет вовсе.

— Но он есть, — пробормотал Келляве, — всяк понимает, что в случае большой беды ваше величество с его помощью испепелит любую армию противника!

Я сказал зло:

— Тогда придется от Маркуса избавиться... Человек либо живет в полную силу, либо не живет вовсе. А теперь всё, я решение принял... Куда поднимаетесь? Что, в нижнем зале снова пир?.. Нет уж, еще одна проблема, с которой точно Маркус не справится, а придется вам. Как, не знаю.

Альбрехт первый уловил, что сейчас последует самое сложное, сказал кратко:

— Давайте, ваше величество. Пусть затрещат спины.

Я оглядел все очень серьезные лица строгим взглядом.

— Мы в самом деле в очень опасной ситуации. Чрезвычайно.

Сэр Келляве вскинул руку и мощно хлопнул широкой, как лопата, ладонью по рукояти топора за спиной.

— Будет битва?.. Наконец-то!

Я сказал примирительно:

— Дорогой сэра Гастон, вы теперь за нашего кроткого сэра Растера? Битва будет, и не одна, но не сейчас. В данный момент нам нужно если не победить, то хотя бы выжить в самой нелегкой битве, какая у нас еще не случалась никогда раньше.

На меня смотрели непонимающе, Альбрехт сказал сдержанно:

— Ваше величество, вам стоит разъяснить подробнее. Я хоть рядом с вами оказываюсь чаще всех, но тоже почти не понимаю. Видимо, никто из нас с такой проблемой не сталкивался?

Я кивнул, продолжая рассматривать притихших соратников.

— Как вы знаете, я старые книги читал. Там примеров уйма, как победоносная армия захватывала огромные страны с богатым населением и... через одно-два поколения растворялась в нем без следа. Знаю только один пример, когда армия Вильгельма Завоевателя, был такой в старину, захватила Англию, его армия больше ста лет говорила на своем языке, но потом и она растворилась среди туземного населения. Остальные завоеватели в больших и богатых странах исчезали гораздо быстрее. Без войн, без сражений... Просто перенимали обычаи местных, их нравы...

Палант вскрикнул:

— Что? Да мы никогда...

Я резко вскинул руку, запрещая перебивать вождя.

— Еще в древности пытались. Александр Великий сам женился на дочери покоренного императора и своих полководцев побуждал брать в жены местных принцесс, чтобы удержать завоеванное. Но не полу-

чилося. Как вы поняли, это меня пугает больше, чем любая битва!..

Альбрехт поинтересовался настороженно:

— Ваше величество... не может быть, чтобы у вас еще не было решения?

Я ответил с усилием:

— Признаться, нет. Мы впервые в такой ситуации. Впервые у нас противник, который ну совсем не сопротивляется! Все, напротив, распахивают перед нами все ворота.

Сэр Рокгаллер пробормотал в наступившей тишине:

— А я все думал, что мне так не по себе... Все оглядывался, откуда вдарят... А оно гляди как... Еще хуже!

Тишина стала еще гнетущее, Альбрехт наконец сказал со вздохом:

— Мне ничего не лезет в голову. Разве что призвать сюда армию священников.

Я бросил в его сторону острый взгляд. Эта идея все чаще приходит и мне в голову, хотя я предпочел бы призвать их попозже.

— В общем, — сказал я и поднялся, — задача вам ясна. Ищите варианты, как решить без особой крови. Продумывайте, как укрепить такие связи, чтобы на благо, а не как у нас чаще всего да еще с дурными песнями!

Глава 7

Бобик, как чуял, примчался со всех ног, я потрепал его по башке, чувствуя себя так, будто глажу башню танка, поискал взглядом арбогастра.

— А Зайчик где?.. Видишь, понимает, черномордый, что я весьма занят. А тебе все по фигу...

Он завилял хвостом и даже задом, подтверждая, что ему в самом деле по фигу, чем я занят, хочет лежать у моих ног то на пузе, то на боку, то вовсе свернувшись калачиком, и даже на спине, это так здорово, когда кверху лапами, хошь покажу?

— Не хочу, — ответил я. — Я отлучусь ненадолго, обещаю. Тебе в Маркусе будет скучно.

Он в обиду подпрыгнул на всех четырех, как это скучно? Ему нигде не бывает скучно! И вообще что такое скучно?

Когда я отбивался от его просьб взять с собой да куда угодно, в сторонке возник размытый силуэт в длинном плаще и в широкополой шляпе с обвисшими краями. Судя по мерцающему воздуху, защита от посторонних взглядов достаточно мощная.

— Сэр Ричард, — донесся шепот, — срочные вопросы...

— Некогда, — ответил я, — отлучусь надолго. Хотя можете со мной.

— Спасибо.

Маркус выдвинул и опустил трап уже без задержек, не опустил, а почти выстрелил, повторяющиеся действия усваивает быстро, а затем внес меня наверх, как на скоростном эскалаторе.

Карл-Антон успел вскочить на трап тоже, а когда оказались в Маркусе, торопливо отошел в сторону.

— Прекрасно, — сказал я с чувством, которое Маркус, надеюсь, уловил, — я тебя люблю! Мне с тобой хорошо и здорово. Мы с тобой прекрасно соуживаемся.

Хотел сказать, что и взаимопомогаем, но ему какое от меня помогание, так что игра пока в одни ворота. Возможно, это рудимент, остаток программы,

когда должен быть с человеком, в смысле, с более высоким разумом, хотя, возможно, это не рудимент, а ощущение, что с более развитым разумом надежнее существовать, тот вовремя заметит опасность и успеет предупредить, а то и вовсе спасет.

Карл-Антон вышел из незримости, я предупредил:

— Только не пускайтесь во всякие тут исследования!.. В самом Маркусе.

— Ваше величество, — сказал он торопливо, — это же какие возможности!

— Знаете, сколько здесь горячих голов сгинуло? И жаба не кумкнула. Есть места, куда и мне лучше не соваться. Маркус сожрет и не заметит. Не сам сожрет, а его желудок или иммунная система. Мы для него меньше, чем пара микробов.

— Ваше величество?

— Микроб, — пояснил я, — вроде мухи рядом с медведем. А то и еще мельче.

Он взглянул с почтением, но ничего не сказал, только во взгляде отразилось нечто такое, что видел уже несколько раз, но все недосуг поинтересоваться, что он намыслил.

Я сосредоточился и, установив ментальную связь с Маркусом, это чувствую по окутывающему меня теплу, поднял его выше и повел в северную сторону, где должны находиться границы с Жемчужной империей.

Карл-Антон неотрывно всматривался в быстро скользящую внизу бугристую поверхность, по лицу струились тени, наконец покачал головой.

— Никогда вот так не видел...

— Что, — спросил я, — никогда в личине орла или чего-то типа?

— Нет, — ответил он и, быстро взглянув на меня, поинтересовался, — а вы пробовали?

— Только не на Юге, — ответила я. — Здесь почему-то не удается. То ли защитные поля, то ли еще что.

— А там кем?

— Драконом, — ответил я скромно. — Это самое да... а еще мелочью всякой, но не мельче, чем я сам. В муравья превращаться не мог. Даже в воробья.

Он бросил в мою сторону косой взгляд.

— И вы, обладая такой мощью, пошли всего лишь в императоры?.. Простите, но это ни в какие ворота.

— Стыдно, — согласился я. — Все равно что по своей воле в армию. Но если обстоятельства...

— Какие могут быть обстоятельства, чтобы заставить идти в армию?

— Родину защищать, — ответил я со скромной высокопарностью. — И Отечество, которое будет.

Он умолк, против козырного туза несогласие можно выражать только молча, а я кивнул в нагромождение скал внизу, на чудовищные разломы, где словно исполинский плуг пять тысяч лет тому прошелся по поверхности, поднимая пласты в сотни ярдов земли уже с коренными породами, а там, где шел еще и поперек, холмы громоздились на холмы, образуя горы.

Где-то плуг опускался на большую глубину, образовывались цепи гор, высокие и без заметных перевалов, лишь изредка кое-где бреши, но следующая каменная гряда перекрывала и эти пути. Нужно быть очень уж отважными и даже безрассудными искателями приключений, чтобы по таким местам из одной империи перебираться в другую.

— Маркус, — сказал я вслух и подтвердил ментальным приказом, — двигаемся на этой скорости и на

этой высоте... Все рассмотрим, семь раз примерим, а потом ка-а-акотрежем в другом месте...

Несколько раз казалось, что не все здесь работа Маркуса, очень уж изощренно перекрыты щели между королевствами, тем более — империями. Похоже, Великие Маги постарались укрепить границы, потому что это границы их владений, а уж затем границы империй всяких там простых людей, а они все простые, если не знают высокой и одухотворяющей магии.

Кордон между Жемчужной и Клонзейдом не обозначен, но я сам ощутил его всеми фибрами, увидев впереди настоящий горный хребет, протянувшийся от края горизонта и до края. По летописям неизвестно, сколько времени занимало разрушение земной коры, может быть, вообще годы, хотя вряд ли, столько пленные в корабле не выживут, да и не собираюсь терраформировать планету, мне бы самый краешек...

— Маркус, — сказал я, — давай подробно объясню, что нужно сделать, чтобы нам с тобой было хорошо...

Карл-Антон отступил в тень и затих, стараясь не привлекать внимание. Я сосредоточился, через пару мгновений мягкое тепло коснулось моего тела, словно со всех сторон включился инфракрасный обогрев.

Воспрянув, я собрался и проговорил еще отчетливее, с радостным подъемом:

— Нам нужно, чтобы было хорошо и правильно обоим! Потому сделаем небольшой разрез через этот горный хребет... Горный хребет — это вот это образование на поверхности планеты вроде большого застарелого шрама... Нужно прожечь или как-то иначе сделать проход...

Чувствуя, что это все абстрактное, я начал представлять картинку, как вон туда наперерез горному

хребту падает тепловой луч, будто из уэллсовского корабля марсиан. Луч прожигает узкий проход, что на самом деле не такой уж и узкий, телеги пройдут в две стороны, еще и место останется, но опять же Маркус не понял, тогда я упростил задачу и начал объяснять, иллюстрируя картинками, что горы вот на пути этой прямой линии нужно просто уничтожить... Как — неважно, но должны перестать быть, только нельзя делать слишком глубоко, а так, на общем уровне поверхности планеты...

Снова он не понял, я чувствовал, как голова начинает раскаляться, как чугунок на огне, повторял и повторял, иллюстрируя как можно более яркими образами в мозгу.

Под ногами чуть дрогнуло. Я торопливо повернулся к окну, сердце сжалось. Ближайшая к равнине гора медленно оседает, к небу поднимается черный чадный дым, словно она плавится на раскаленной плите.

Карл-Антон прошептал совсем тихо:

— Только не отвлекайтесь, ваше величество!.. Только не отвлекайтесь!.. Если сорвется, все пропало...

Я стиснул челюсти, проход все же получается намного шире, чем я рисовал в воображении. Он в точности такой ширины, как было при уничтожении Башен Великих Магов.

Вообще-то, только теперь воскресил в сознании картинку в деталях, Маркус сжигал не только сами башни, как я велел, но и землю вокруг них в радиусе ярдов десяти-двадцати. Тогда я, ошарашенный, что Башни уничтожены, не обратил на это внимания, но сейчас понимаю, Маркус просто не умеет сделать луч еще тоньше.

Карл-Антон сказал за спиной:

— Не волнуйтесь, все почти по вашей задумке. Багровая Звезда не создана для ювелирных тонкостей.

— Да уж, — проговорил я дрожащим голосом, — Маркус, все хорошо, все правильно, теперь не останавливайся... Дальше и дальше вот так по прямой... не уклоняясь в сторону...

Взмок уже весь, мелкие капельки пота на лбу собираются в крупные и ползут, щекоча кожу, в глаза. Брови умело отводят в стороны, и пот стекает по вискам и скулам на щеки.

Сбоку мелькнула рука Карла-Антонa, лба коснулась сухая тряпочка, заодно вытер щеки и даже нос.

— Не отвлекайтесь, ваше величество...

Я всматривался в клубы черного дыма внизу, часто прорываются оранжевые языки пламени. Башни, насколько помню, он уничтожил иначе, но, возможно, сейчас это потому, что я сам брякнул насчет теплового луча да еще и воссоздал в мозгу яркую картинку из красочного фильма насчет войны миров.

Несколько часов Маркус плыл над покрытой шрамами планетой по прямой, а я с дрожью сердца оглядывался на глубокий прямой разрез через скопище высоких гор, черный и страшный, где все еще поднимается редющий дым.

Ущелье получилось очень даже широким. Любой караван пойдет в безопасности, если не под самыми стенами, откуда можно сбросить камень.

Горы становились все ниже, наконец мы с Карлом-Антоном одновременно увидели вдали равнину.

Он всхлипнул в изнеможении, словно сам проломил туннель голыми руками, а я сказал охрипшим от волнения голосом:

— Еще немного... Вон две горы и то скопище скал и... все... Мы молодцы!.. Нам будет хорошо... Мне уже хорошо, ты чувствуешь...

Карл-Антон прошептал:

— Даже я это чувствую. Продолжайте, сэр Ричард, умоляю!.. Продолжайте!

Внизу дважды полыхнуло багровым огнем, за нами тянется чадный дым, словно подожгли и близкие к поверхности залежи нефти. Иногда проблескивают красные пятна, я с трепещущим сердцем подумал, что проход создали, молодцы, но как бы он не оказался непроходимым лет на сто...

— Все, — сказал я с натужной бодростью, — Маркус, мы с тобой молодцы. Хорошо поработали, теперь хорошо поедим и хорошо отдохнем. Возвращаемся.

Карл-Антон ахнул, горный хребет с поперечной дымной щелью исчез, а вместо него далеко внизу раскинулся огромный город, Волсингсбор, столица крупнейшей империи Юга.

— Как быстро, — проговорил он медленно.

— Как и вы, — заметил я.

— То я, — сказал он, — а то такая масса... Не представляю...

— Наверняка наука, — заверил я, — не магия. Так что хотели сказать, но не успели?

Он встрепенулся.

— Да-да, все думаю о Скагерраке. Местоположение Германа Третьего вычислили довольно быстро, но Скагеррак осторожный политик, ваше величество. И очень предусмотрительный. Я пока не отыскал следов. Но, думаю, его приближенные, что остались здесь, могут попытаться прокопаться к нему. Не думаю, что это просто, Скагеррак наверняка принял меры, чтобы

к нему не пробрались какие-то отчаявшиеся... но кое-кто может попытаться предупредить, что катастрофа отменилась, в его дворце узурпаторы... и тому подобное. Я бы все-таки установил наблюдение.

— За кем? — спросил я горько.

— За группами, — сказал он рассудительно, — кто будет вывозить за пределы столицы землекопов и множество лопат, заступы, кирки, ломы, а также тягловый скот, чтобы с его помощью растаскивать особо тяжелые глыбы.

Я подумал, кивнул.

— Да, надо озадачить сэра Норберта. Пусть раскинет сеть. Спасибо, Карл-Антон!

Он церемонно поклонился.

— Сэр Ричард, вы спасли мою жизнь, теперь она ваша. Да и вообще...

Я насторожился, больно у него загадочный вид.

— Что?

— Хоть одним бы глазком взглянуть в те книги, — обронил он, — которые вы читали.

Глава 8

Едва Маркус навис над городом, на всех улицах и площадях начали разбегаться и прятаться под защиту стен. Мне показалось, бегут будто цыплята под растопыренные крылья курицы, не понимают, что это не спасет от чудовищной массы Багровой Звезды. Или понимают, но все-таки...

— Привыкнете, — пробормотал я с чувством неловкости. — Привыкли же, что маги вам даже носы вытирают.

Карл-Антон покачал головой.

— К Багровой Звезде? Вряд ли. Это же смерть над головами. Всеобщая гибель.

— Придется прятать, — сказал я.

— Из скромности?

— Из мало присущей политику деликатности.

— Неловко от своей моши?

— Впервые такое, — признался я. — Мерехлюндствую, да?.. Я ж говорю, больше поэт, чем политик. Вроде императора Нерона, что свою поэзию ценил выше своей безграничной власти над единственной супердержавой мира.

— Ох...

— Маркус, — сказал я, — подай, лапушка, трап...

Широкий и торжественно багровый, трап выдвинулся без величавой важности, моментально уткнулся краем в каменные плиты двора, а я сбежал тоже чуть ли не вприпрыжку, запоздало вспомнил о надлежащей солидности, но отмахнулся, ладно, с Багровой Звездой за спиной я солиден и весьма грозен всегда, пусть даже явлюсь без штанов.

Маркус прыгнул в небо и пропал за облаками, а люди тут же начали выходить из укрытий, улыбаются и делают вид, что ничуть не испугались и даже не обделались.

Я пошел было императорской походкой, но озлился на себя, что за конформизм, я же варвар, мне все можно, а кроме того, кто прорубил окно к океану?..

Навстречу поспешили как придворные, так и мои люди, но решительно протолкался вперед Чекард, сразу же без поклона, чтобы не терять времени, выпалил:

— Ваше величество, наших людей отказались принять сразу в трех королевствах!

— Ого, — сказал я, — это серьезно. Оповести Совет о срочном совещании. Есть и добавочные новости, там сообщу.

Он кивнул и поспешил в левое крыло, где расположились мои ближайшие лорды, а я уже с должной неспешностью императора направился в главный корпус.

Сбоку слышался едва слышный голос той тональности, который слышу только я:

— Сэр Ричард, здесь я вас оставляю...

— Вы нужны на совете, — ответил я тем же шепотом. — Есть кое-какие задумки.

— Ох...

Он выбрал момент, когда в коридоре никого, быстро выскользнул из незримости и некоторое время шел рядом, но когда впереди показалась дверь моего кабинета со стражами по обе стороны, сказал торопливо:

— Ваше величество, я лучше подожду в коридоре!

— Но ваше присутствие на совете...

— Ваше величество!

Я отмахнулся.

— Хорошо-хорошо, только никуда не уходите. Ждите!

В коридоре слышались громкие раскатистые голоса, топот сапог, Периальд стукнул в дверь, Хрурт с этой стороны распахнул, в кабинет начали входить мужчины, это первое, что приходит в голову. В сравнении с местными, да, мужчины, хотя не знаю, комплимент ли, все-таки мужчины — это основа, на которую наслаивается специализация, профессионализм, опыт и все то, что приобретается в жизни.

Но в этой империи на здоровую мужскую основу наслоили слишком уж много лишнего, но как содрать, когда это лишнее такое приятное, легкое, удобное и бездумно развлекательное?

Огромный кабинет еще от двери начал заполняться голосами. Я с удовольствием отвечал на приветствия, каждый держится почтительно, но с достоинством, нет этого подчеркнутого подхалимажества, настолько введенного в культ, что выглядит теперь верхом изящества в галантном искусстве придворного этикета.

Сэр Келляве в суровых доспехах всегда готового в бой воина разве что оставил в покоях меч и топор, да и тяжелые доспехи сменил на легкий панцирь, но все же лоб перехватывает широкий стальной обруч, а грудь закрывает кираса, как у Альбрехта, только, в отличие от покрытой золотом альбрехтовой, стальная, да и все остальное подчеркивает верность суровой простоте: широкий кованый пояс, кожаные брюки, сапоги со шпорами...

Палант, напротив, перещегоолял всех по красоте и яркости, даже Альбрехта, к тому же отпустил короткие хвастливо вздернутые усики, в руке оранжево-красная шляпа с целым веером неимоверно пушистых перьев, камзол расшит золотыми и серебряными нитями, цветными плетеными шнурами, широкими лентами из сверкающего атласа и самой дорогой парчи. Даже брюки из тонкой ткани, но, правда, северного кроя и заправлены в сапоги, конечно, с низкими голенищами, из мягкой ткани и, какой стыд, расшитые золотыми нитями.

Вошли с непроницаемыми лицами сэр Робер, тучный сэр Рокгаллер, даже граф Мальгерт, хотя он и не член Совета, но у меня пока что не обрисовался по-

стоянный состав, потому мои гонцы для срочного совещания хватают тех военачальников, кто окажется вблизи.

Все они смотрятся в диапазоне от Келляве до Паланта, за последнее время заметно расслабились, в кабинет вошли без мечей, топоров и вообще оружия, если не считать ножей на поясах, однако лица серьезные, а у Келляве и Норберта я бы назвал даже встревоженными.

Некоторую неловкость уловил по тому, что расслаживаются с нарочитой небрежностью, без нужды двигают кресла, говорят излишне громко, на окружающую роскошь из всех сил стараются смотреть с презрением, хотя чувствую, как этот комфорт обволакивает будто теплым воздухом, заставляет расслабить напряженные мышцы.

Растворимся, мелькнула уже не тревожная мысль, а пугающая уверенность. Нужно что-то предпринять. А вариантов вижу пока два... Либо сюда армию священников, чтобы утвердить наше духовное превосходство, либо найти повод, чтобы убраться с Юга обратно на Север.

Или же, всплыла добавочная мыслишка, взглянуть, что там на Западе и Востоке, где тоже наверняка материка или архипелаги громадных островов...

Когда все перестали двигать креслами и расселись, повернувшись ко мне, я оглядел их отечески строго, хотя и непросто так смотреть на тех, кто вдвое старше.

— Все готовы и дальше нести знамя наших идеалов?.. Прекрасно. Ответ вижу в ваших глазах. Мы на Юге и начинаем действовать. С сегодняшнего дня наступает новая эра, что приведет ко всеобщему миру и процветанию...

Все слушали внимательно, только Келляве спросил таким гулким голосом, словно из глубины колодца:

— С кем воюем?..

Альбрехт ответил настолько серьезно, что мало кто уловил иронию:

— Вообще-то можно со всеми. Чего мелочиться?.. Наше Багряное Величество всегда с широкими запросами.

Я отрубил строго:

— Мира можно добиваться не только войной. Хотя, конечно, войной проще и легче. Но это не наш путь, разве ищем легких дорог? По легким пусть другие ходят, нам подавай тернистые... Хотя, конечно, дорогу в соседнюю империю наша армия в моем лице прорубила, прорубила...

Палант даже подпрыгнул в кресле, лицо озарилось счастьем.

— Получилось? Неужели получилось?

Я величественно наклонил голову, стараясь выглядеть солидным и державным.

— А как иначе?.. Теперь между империями Клонзайд и Жемчужная прямая и, как почти уверен, достаточно удобная дорога. Это приведет к счастью и подъему сельского... а также рыбного хозяйства, что дает прирост к экономике любого государства, причастного к рыбе и прочим моллюскам. Сэр Альбрехт, срочно соберите воинский отряд. Необходимо перекрыть проход. Жаль, не подумал сразу.

Альбрехт в задумчивости перекладывал перед собой бумаги, в удивлении поднял голову.

— А вы что, прорубили дорогу в прошлом году?

— Я прорубил окно, — уточнил я, — но чтоб не лезли всякие, нужен глаз да глаз. Теперь там не тропка

для опытных контрабандистов-скалолазов, сейчас без труда можно провести маршем армию!.. И подорвать рыночную экономику. А боеспособность местных где-то возле нуля, а то и ниже, несмотря на великолепное вооружение. Зачем только и совершенствуют доспехи и всякое коляще-рубящее высокое искусство?

Робер и Келляве заулыбались понимающе, как же такое не знать, Келляве пробасил солидно:

— Из любви. Они хоть и почти не мужчины, но как не обожать оружие? Даже тем, кто не воюет. Но вы правы, ваше величество, армии нет даже у императора. Про королевства вообще молчу. Зато есть элитная императорская гвардия, да еще городская стража.

— Все должно быть под контролем, — напомнил я. — Особенно важные стратегические дороги. У нас благородная деспотия или разнузданный бардак демократии?.. Сэр Альбрехт, направьте небольшой отряд тяжелых всадников в помощь сэру Норберту. Сэр Норберт, а вы обустраивайте таможенный пост на постоянной основе. Готовьте обоз для воинского лагеря. Небольшого, где-то в триста копий и полсотни арбалетчиков. А то искатели легкой наживы сразу ринутся.

Альбрехт кивнул, а Келляве сказал довольноно:

— Понятно, за короткий путь длинный налог?

— Путь не только короткий, — напомнил я, — но и единственный. Империя должна получать прибыль за созданную ею с таким великим трудом прямую дорогу между братскими народами! Это, можно сказать, не дорога даже, а путь! Светозарный в будущее, а то и в грядущее.

Альбрехт уточнил с непроницаемым лицом:

— Между братскими народами это хорошо, возвышенно и в духе христианской любви к ближнему, но

какими именно?.. А то в одной империи Жемчужной восемнадцать королевств, сотни княжеств, герцогств и даже баронств, и все считают себя отдельными народами, а себя лучше соседей, хоть и говорят с ними на одном языке...

— Для Господа все народы, — напомнил я и даже перекрестился, — братья!.. а в чем-то и даже каким-то боком сестры. Он вообще видит один народ, каким был вначале и каким станет...

— В конце?

— Конца не будет, — заверил я. — Мы на бесконечной дороге, ибо мужчина обязан погибать в дороге, а не в постели!

Они выпрямились в креслах, торжественные слова обязывают, глаза заблестали гордостью. Поланд даже завертел головой, стараясь увидеть первым, из какой двери в комнату вкатят бочонок с вином.

Норберт кашлянул и поинтересовался вежливо:

— А с другими империями соединять будете? Империя Скагеррака граничит не только с Жемчужной, но с Астаргельдом, Верхними Лесами и на южных границах с Великой Пешмерией, как и Жемчужная...

Я напомнил строго:

— Нет империи Скагеррака!.. Есть империя Клонзейд. С кем и куда разберемся потом, пока опробуем международные торговые связи на примере Жемчужной. Это наша рабочая модель, ее не жалко, если что пойдет не так, на другой поправим.

— А потом? — уточнил он.

— В планах, — признался я, — такими дорогами соединить все империи. Хотя бы по одной трассе стратегического значения. Для военно-торговых нужд с человеческим лицом. С нашими пропускными пунктами.

Он смолчал, запоминая, зато Палант произнес мечтательным голосом:

— Хорошо бы завалы убрать вообще...

— А вдруг Маркус перегреется? — сказал я. — Нет уж, нет уж, я им рисковать не стану. Да и не все с ним так гладко. Во-первых, долго ли будет подчиняться?.. Что в нем самом происходит?.. А вдруг передумает и все же начнет рушить?.. Потому надо жить так, будто никакого Маркуса нет вовсе.

Сэр Робер заметил холодновато:

— Как живут местные?.. А как же вера в Господа?

— При чем здесь вера? — спросил я. — Да и вообще мы отклонились. Насчет дорог тоже не все так просто. Вообще-то нужно сперва запросить императоров, согласны ли они на прокладку трансмагистральных путей в их владения...

Сэр Робер охнул:

— Что?.. Еще и спрашивать? Да они нас в жопу должны за такое целовать!..

Я кивнул, продолжил:

— С другой стороны, права человека выше какого-то сраного суверенитета!.. Мы явились осчастливить народы и это сделаем, хотя бы они нашего счастья или нет. Так что вперед и с песней! Уцелевшие нас прославят. Туземным императорам просто сообщим о наступлении эры труда и счастья!

Альбрехт спросил с сомнением:

— Труда и... счастья?.. Для народа счастье в безтрудь...

— Трудиться заставим, — отрезал я, — а философы по нашему заданию срочно придумают учение, что счастье именно в труде. Уже есть наработки. Такая философия востребована правящим классом везде, так что все путем. Сложнее будет пережить долгий пе-

риод всеобщего голода, эпидемий, разгула преступности и всего того, от чего предохраняли Великие Маги и прочие мелкие.

Норберт заметил:

— Раз Великих нет, мелкие пойдут вразнос без их узды. А за каждым из них с Маркусом не погоняешься...

Лица членов Совета помрачнели, Норберт сказал холодно:

— С Великими Магами нам угроза, без них тоже... Даже и не понять, что хуже.

— Без магов народу будет намного хуже, — отрезал я. — Намного!.. Что и хорошо. Даже прекрасно и удивительно. Шок прекрасного и счастливого будущего, так сказать. Откроется бесконечная, хоть и трудная дорога прогресса! Инициативные и отважные будут соревноваться не в придумывании новых нарядов, а начнут бороздить моря, открывать земли, прокладывать новые торговые пути, наращивать богатство и капитал человеческой массы, что приведет к затяжным войнам, эпидемиям, гражданскому разгулу и преступности... ладно, это я залетел в мечтах. Как только переживем этот счастливый период, а дальше пойдет само.

— В гору? — спросил сэр Келляве с сомнением. — Само обычно с горы.

Сэр Робер хлопнул себя по бедру, но там вместо тяжелого меча только картинный кинжал в разукрашенных золотыми накладками ножнах.

— Эх, — сказал он с угрюмостью, — сколько слышу, все еще нужно только пережить, а там само... Ладно, мне больше нравится идти за сверкающей звездой, чем заполучить...

— Боишься разочароваться? — спросил Келляве с иронией.

— Боюсь, — мирно согласился сэр Робер. — Сколько раз уже так... А главное, что потом? Жить-поживать, как старики?.. Или бросить и начинать искать другую, поярче?

Альбрехт слушал, помалкивал, приглядывался ко всем, наконец проговорил осторожно:

— А сколько, по вашим прикидкам, этот нелегкий период продлится, ваше величество?

— Не знаю, — ответил я честно, — но без него никак. Люди должны быть предоставлены сами себе. Тогда только зашевелиятся. Часть населения обленилась настолько, что почти забыла, как самостоятельно добывать себе хлеб...

— Вымрет?

— И хрен с ними, — сказал я жестко. — Гири на ногах нужно сбрасывать. Да, всех жалко, но, как политики, мы должны обеспечить движение вперед всей человеческой массе, именуемой обществом. Только жестокая конкуренция выведет на вершину!..

Сэр Рокгаллер заерзал в кресле, спросил с опаской:

— Вершину чего?

— А хрен его знает, — ответил я честно. — Там увидим. Но лучше карабкаться, срывая ногти, на стены вражеской крепости, чем гнить в своем болоте!.. А когда поднимем победное знамя на, оттуда увидим, что захватили и какой великий подвиг совершили!

Глава 9

Граф Мальгерт, что за все время не произнес ни слова и даже не шевелился, кашлянул со всей деликатностью, но достаточно громко и в короткое мгновение тишины сказал почтительным тоном:

— Ваше величество, может быть, вернемся к нынешней ситуации? Магов уничтожите, по всему континенту начнется великий голод...

Я поморщился.

— Да, начнется. Хотя и не великий. Некому будет отгонять тучи саранчи и даже птиц от полей. Колодцы тоже придется самим копать, а воду носить ведрами. А кто будет лениться, издохнет! Туда ему и дорога. Выживать должны работающие. Людству предстоят такие испытания, что Господь сотрет его к такой матери, если не докажем силу, выносливость и готовность к любым вызовам!

Он поклонился и умолк, остальные тоже молчат, смотрят в ожидании.

Альбрехт сказал с сочувствием:

— Не переживайте так, сэр Ричард. Прямо с лица спали! У нас на Севере пашут, сеют и собирают хлеб без всяких магов. Научатся и здесь. Конечно, слез будет море, но ничего, привыкнут в поте лица добывать хлеб свой насущный, как и велел Господь.

— А кто не привыкнет, — сказал сэр Келляве жестко, — пчелы с трутнями как обходятся?..

Альбрехт похлопал ладонью по столешнице, прерывая разговоры, впери́л взгляд в меня.

— Ваше величество, — проговорил он отдельно, — вы уничтожили башни, источник мощи Великих Магов, но остались карликовые, коих тьмы и тьмы! У них нет мощи Великих, зато море злости и нежелания сдаваться на вашу милость. Да и Великие рано или поздно выйдут из подземелий, а какая-то сила в них сохранилась.

— Справимся, — ответил я, но ощутил, что в голосе нет уверенности. — Хотя вы правы, Маркус не помо-

жет, за каждым с ним не побегаешь. Даже не знаю как, но в таких случаях перекладываю на ваши плечи, сэр Альбрехт! Иначе что я за император? Я ставлю цели, а как добаться — ломать головы вам.

Он покачал головой.

— Думаете, я найду способ? Низшие маги, оставшись без Высших, уже приходят в себя. Теперь они единственные на поле! У многих, пока Великие еще в пещерах, начинают появляться нехорошие мысли...

— А это откуда?

— Сэр Норберт установил контакт с местными службами, — пояснил он. — Точнее, просто подмял. Теперь работают на него. А те издавна следят за разговорами.

Я покосился на Норберта, он с самым невозмутимым видом чуть-чуть наклонил голову. Я подумал, сказал без особой уверенности:

— Никто из младших магов не наберет достаточной мощи в обозримое время. Не из чего... как мне чудится. Хотя кто знает... Залежи камней, что впитывают магию, где-то еще есть.

— Не наберут, — согласился Альбрехт, — но эта мелочь делает то, от чего в своей гордыне отказались Великие Маги.

Я насторожился.

— Что?

— Начинают объединяться, — пояснил он. — Нет, это слишком громко, но уже нащупывают возможности. Вроде бы пошли разговоры о создании гильдий, обществ, орденов или как еще назовут здесь на Юге...

— Следите, — прервал я. — Вы знаете нашу доктрину. Магам пока что разрешено чуть-чуть помогать

сельскому хозяйству, но и оттуда будем вытеснять по мере роста сознательности населения.

— Население будет сопротивляться, — напомнил он.

— Еще бы! Но повысим престижность тех, кто работает охотно и обогащается. Какие-нибудь льготы...

— Право брать по две жены, — предложил Палант с живостью. — А еще ходить к жене соседа! У которого показатели ниже.

Я вздохнул.

— Вы правы, дорогой сэр Палант. Это сразу бы решило проблему приобщения к передовым формам труда. Но церковь будет против, она же рано или поздно придет на эти земли!..

— А как временную меру? — спросил он, очень ободренный, что я не цыкнул, а даже назвал дорогим сэром. — Когда у нас из-за черной чумы вымерли почти все мужчины, папа римский разрешил особым декретом брать жен, кто сколько сможет!

— Как временную, — ответил я, — да, но потом попробуй отмени!.. Все мужчины будут драться не на жизнь а на смерть. Право ходить к жене соседа... это же предел мечтаний простого честного труженика!

Граф Мальгерд за время присутствия на Совете чуточку освоился, осмотрелся. Все ведут себя свободно, я все еще не столько император, как полевой вождь, снова откашлялся и сказал почтительно:

— Но, ваше величество, если маги начнут объединяться, то это хорошо и плохо. Плохо, что усилятся, а хорошо, что проще будет вылавливать... Но лучше бы не пропустить момент.

Я подумал, впери́л в него острый взгляд.

— Спасибо, граф, этим придется заниматься тоже. Пожалуй, нужно собрать их и поговорить. С теми,

кого удастся собрать, остальным расскажут коллеги... Эй, кто там ближе к двери? Пригласите нашего алхимика, он дожидается в коридоре.

Палант вскочил, он хоть и не ближе всех, зато мо- ложе, подбежал к двери и, распахнув, крикнул:

— Кто тут... Ах да, это ж ты тот, кто придумал, как ослепить филигонов?... Чего ты в коридоре?

Он пропустил чародея впереди себя в зал, захлоп- нул дверь и посмотрел на меня с укором.

— Карл-Антон, — пояснил я, — остался там по его просьбе. Не считает достойным находиться в одном со- брании с достойнейшими рыцарями высших титулов.

Альбрехт взглянул на меня остро, что-то просек и сказал громко:

— Алхимик не только внес вклад в победу, но и дер- жится с достоинством, не рвется в наш круг. Ваше ве- личество, я полагаю...

Я демонстративно вздохнул, обвел взглядом зал.

— Вижу, вы не один так полагаете. Карл-Антон, ваше место в Тайном Совете!.. И, как члену этого со- вета, вам поручаю важнейшую и труднейшую работу. Здесь ее делать некому, а вы будете курировать взаи- моотношения с местными магами.

Он поклонился с тем достоинством, что считается врожденным качеством людей благородного сословия, прошел к столу и сел под взглядами рыцарей, строгих, но все же, как ни странно, доброжелательных, помнят о его вкладе в победу над страшнейшим врагом.

Альбрехт обратился к нему с дружелюбием вель- можи:

— Карл-Антон, этим придется заняться только вам!.. Никто из нас не отличит мага от простого че- ловека.

Карл-Антон со всей скромностью поклонился.

— Сделаю, ваша светлость.

Я обратил взор на Альбрехта.

— Герцог, соблаговолите составить мое высочайшее повеление... Не забудьте оформить в виде имперского указа высшей приоритетности.

— Слушаю, ваше величество.

— Все младшие маги, — сказал я, — а их тут как тараканов, освобождаются от мелочной опеки над простым людом. Освобождаются и переводятся в разряд старших... нет, пока полустарших магов. Все должны и обязаны учиться и совершенствоваться в своем ремесле магии с переходом в алхимию, а не гонять воробьев и саранчу с огородов и прочих полей!

Он сказал без улыбки:

— Так и запишем. Очень серьезный указ, ваше величество. Очень!

— И распорядитесь созвать магов, — велел я, — буду держать перед ними речь.

Он поморщился.

— Снова?

— А что, — спросил я с беспокойством, — я с ними уже общался?

— Нет, но уже собирались.

— У меня программная речь, — сказал я с обидой. — Задающая вектор! Но указ насчет перераспределения полномочий составьте и раздайте глашатаям раньше. Так скорее сбегутся послушать, чем это им грозит. Остальным членам Совета, кто не слишком уж упухивается на строительстве светлого общества будущего, надлежит всемерно помогать герцогу Гуммельсбергу и алхимику Карлу-Антону. На этом все, теперь за работу, за работу!

Когда все покидали кабинет, я сказал негромко:

— А вас, сэр Палант, прошу остаться.

Палант побледнел, остановился, а когда за последним захлопнулась дверь, спросил трепещущим голосом:

— Ваше величество?

— Палант, — сказал я шепотом, — вообще-то Карл-Антон из старинного рыцарского рода. Но в молодости убил на дуэли сына герцога. Пишлось бежать, скрываться в других королевствах, а в скитаниях настолько увлекся магией, что решил только ею и заниматься... Сам понимаешь, какую захотел, ту и зачаровал, сама платье поднимет выше головы..

Он охнул, глаза округлились.

— То-то я в нем сразу почувствовал человека благородного!

— Но это секрет, — сказал я тихо. — Карл-Антон не желает, чтобы даже упоминали о его знатном происхождении. Знатность привязывает к воинскому ремеслу, а он в бродяжничестве поднаторел в магии. Только об этом молчок, никому-никому!.. Я целиком полагаюсь на вашу неспособность хранить тайны, поэтому и доверяю вам. А теперь идите и молчите!

Он поклонился и не ушел, а чуть ли не стрелой вылетел в коридор. Через час зашел с бумагами и сводками Альбрехт, все так же бодр и весел, как и обязан, но я уловил испытующий взгляд.

— Что-то случилось? — поинтересовался я. — Вы как будто от меня что-то ждете, а я человек простодушный, намеки не понимаю.

Он кивнул, поинтересовался ровным голосом:

— Да все не решаюсь спросить, вы же поэт, натура чувствительная... как там насчет отца Дитриха?

Я поморщился.

— Не топчитесь по моим мозолям. Сколько лет прошло, как мы здесь?.. Ага, всего несколько дней!.. Придет время и отца Дитриха. Перевезу вместе с армией миссионеров. Но попозже, сперва разгребем малость.

Он кивнул.

— Ну да, а то у инквизиторов сразу жечь или топить.

— Вот-вот. Конечно, приятно наблюдать за их веселой работой, но сейчас забот выше головы, а радости на потом, потом...

Он коротко усмехнулся.

— Я рад, что вы все тот же Защитник Веры.

— Я могу менять тактику, — пояснил я, — но в стратегии дуб дубом, никаких прыжков в стороны! Хотя церковь не совсем то, что вера, но я и церковь защищаю по широте души своей.

— Ну да, — согласился он, — церковь тоже вроде бы имеет к вере какое-то отношение.

В голосе прозвучала ирония, вера и церковь для него одно и то же. Это у меня какое-то странное раздвоение, но он не обращает внимания на такие амбивалентности, пока мне хоть и со скрипом, но удастся идти от трудной победы к другой, пусть и трудной, но победе.

Магов удалось собрать через два дня, хотя, конечно, не по всей империи, а по Волсингбору и по багерным маршрутам, откуда добраться легче всего. Малым магам недоступна роскошь быстрого перемещения в пространстве, тоже багерами да верхом на конях, потому я не стал ждать, когда соберутся все-все, остальным расскажут.

Перед выходом посмотрелся в зеркало, одет подчеркнуто просто, для императора важнее удобства, пыль кому-то в глаза пускать смешно, и так император да еще в ореоле зловещей славы властелина Багровой Звезды, гораздо важнее значительность облика, величавость жестов, а с этим у меня до сих слабовато.

Альбрехт предложил поговорить с магами в главном зале. Не из-за их весомости, объяснил торопливо, а кто знает, сколько еще прибудет, а главный зал на то и главный, что в нем можно проводить конные турниры, а еще останутся места для публики.

Я кивнул, главный так главный, для меня все глуповато-помпезные, пышные и чересчур разукрашенные, словно архитекторы и декораторы еще не вышли из детского возраста, когда стараются все сделать поярче и позамысловатее.

Трон расположен, как водится, на помосте, к которому ведут две ступеньки, а за троном узкая дверь, куда можно сразу шмыгнуть в случае опасности.

Периальд, Хрурт и Ульман уже проверили пути отхода в случае чего, а как личные телохранители вправе указывать дворцовой страже, где стоять и за какими проходами следить особенно, Периальд подал мне знак, что все под контролем, а магов при входе в зал проверяют на предмет оружия как обычного, так и магического, насчет последнего бдительно следили Зейс и двое молодых, но цепких помощников Карла-Антона.

Глава 10

Когда зал заполнился, я вышел к переднему ряду и сказал звучно:

— Сидите, сидите!.. Оставим это дикарское почитание власти, вы же люди умные... И, как я уверен,

мои коллеги. В самом деле коллеги. Если присмотритесь, увидите, мы чем-то похожи... Во всяком случае, я меньше смахиваю на вельмож этого или другого дворца, или на завоевателя с окровавленным мечом в руке...

Все смотрят внимательно и с настороженностью умных людей, которые вынуждены иметь дело именно со здоровенным воином с окровавленным мечом в руке, и хотя сейчас в руке меча нет, но все равно есть, а у них только мозги и знания, что против меча не очень-то.

— Я хочу достучаться до вас, — заявил я. — Людей умных уважаю больше, чем просто отважных. И потому хочу с вами сотрудничать.

В переднем ряду поднялся крупный мужчина в темном камзоле, поверх которого наброшен легкий плащ, расстегнутый на груди, нечто среднее между одеждой мага и продвинутого ремесленника.

Он поклонился почтительно, но без пританцовывания, проговорил осторожно:

— Ваше Звездное Величество, простите, не знаю ваш полный титул, мы счастливы услышать такое... непривычное. Но значит ли это, что мы можем продолжать... как и работали? А то слухи пошли разные...

Он умолк, я ответил как можно благожелательнее:

— Что значит, как раньше?.. Все гораздо лучше, чем было. Для вас теперь все пути открыты!.. Великие Маги в глубоких подземельях и пробудут там долго. Вы можете воспользоваться возможностями несколько освободиться от их гнетущего влияния... Скажем, заняться больше исследованиями, а не выполнять всю грязную работу за крестьян. Скажу больше, для меня, как и для вас, высокомерные вельможи те же невеже-

ственные крестьяне. Не только не видят дальше своего носа, но и не хотят видеть. Не так ли?

Судя по их лицам, согласны, но в глазах прибавилось настороженности и недоверия. Что-то слишком хорошо говорю, неспроста. Такие речи заводят, когда намереваются надуть по-крупному. Что вообще-то от истины не только близко, но почти полное попадание в яблочко. Только еще не подозревают, в чем именно,

После паузы медленно заговорил тот же мужчина в темном камзоле:

— Вы хотите, чтобы мы оставили заботу о людях?

— Они взрослые, — возразил я. — А такая забота унижает!.. Да, народ не против, еще как не против, но это стыд и позор. Мы же с вами знаем, что так жить стыдно? На подачки?..

На их лицах не увидел осуждения, напротив, смотрят с непониманием. Как это стыдно жить на халяву?.. Стыд не дым, глаза не выест, зато как хорошо и уютно жить на готовом.

— Ладно, — сказал я с досадой, — все утопчется, а пока сообщаю свою монаршую волю. Вы отныне занимаетесь чистой наукой или чистым искусством, как у нас там это ваше называется, а народ сам по себе. В смысле, я наблюдаю за ним и за вами!.. Да-да, и за вами. Если стрясется что-то особое, ураган небывалой силы или саранча налетит просто необыкновенная, разрешу помочь, но в остальном должны сами, все сами!

Мужчина в темном костюме сел было, но поднялся снова, спросил почтительно, однако в мягком голосе крылось нечто угрожающее:

— Ваша Звездность, вы уверены, что Великие Маги одобрят ваши нововведения?

В зале наступила мертвая тишина, все застыли, глядя на меня неотрывно. Я ощутил холодок опасности, но заставил себя отвечать в том же благожелательном тоне:

— Я не сумасшедший, как вам кажется, а практичный и расчетливый политик. Возможно, кто-то из вас не заметил, что Башня Четырех Великих Магов, называемая также Конклавом, исчезла?.. Заметили?..

Мужчина в темном наклонил голову, не сводя с меня взгляда.

— И даже слышали, что это совершили вы, ваше величество.

— Прекрасно, — сказал я. — Наверное, вам будет интересно узнать, что и все остальные Башни Великих сметены с лица земли?.. Только потому, что я их не одобрил. Прделано все гуманно, когда там никого не было. Я ж миротворец, все Великие Маги в безопасности.

— Но когда выйдут, — сказал он, — тогда...

— Когда выйдут, — отрезал я жестко, — им придется принять новые правила. Я был гораздо слабее, когда мне наступил на ногу некий Гатонес, но я снес с лица земли его Башню, и даже холм, на котором она стояла!.. Вместе с самим Гатонесом. Думаю, Великие Маги сочтут правильным разговаривать со мной вежливо.

Он поклонился, сел и приготовился слушать, это написано на его лице, но чувствую по тому, как сидит и в какой позе застыл, полное неприятие моего диктата.

Я перевел дыхание, эту стену вряд ли пробью вот так с ходу, эти умные люди тоже лучше всего понимают силу, такая у нас натура, сказал уже чуть жестче, но и напористее:

— Возможно, не все знают, что Башни Великих Магов сметены не только в этом королевстве, но и по всей великой, что оказалась не такой уж великой, империи.

В зале я видел одну моментально застывшую массу с сотнями пар вытаращенных глаз. Их мир рухнул не с появлением в небе Багровой Звезды, а именно в эту минуту. Башни Магов казались самым незыблемым, в разрушенном после Маркуса мире маги выходили из укрытий и первым делом возводили Башни снова. Башни вечные, исчезающие по воле Вселенского Зла на краткие промежутки времени, но теперь их впервые уничтожил человек.

— Но вы живы, — продолжил я, — знания у вас остались, а сейчас впервые получили неслыханное преимущество! Вы были оставлены на гибель, но уцелели, теперь можете ухватить все то, чем владели Великие Маги!

Человек в темном камзоле поднялся, снова вежливо поклонился.

— С разрешения присутствующих здесь, Ваша Звездность, я осмелюсь напомнить, что Великие Маги и без башен несравнимы в своей мощи.

— Как хотите, — ответил я с подчеркнутым равнодушием. — Они еще долго просидят в пещерах, а вы могли бы воспользоваться... Однако помните, отныне император здесь я, а у меня характер северный, как и скверные привычки самодура и деспота. В смысле, все теперь только с моего разрешения, понятно?.. Кстати, вы самый инициативный, я вижу, это вас избрали старшим, или так получилось?

В зале тишина стала еще монолитнее, а человек в темном пробормотал:

— Ваша Небесность, наверное, я самый безрассудный, так как осмеливаюсь с самими вообще разговаривать, да еще задавать вопросы. Я просто рядовой маг, Грабиус Хайнер. Все молчат, но всем им интересно и тревожно, зачем вы это сделали? Мы ведь все на благо народа...

— Откровенно? — спросил я. — На Севере, как вы наверняка знаете, маги служат королям. Я северный король. Маги или будут служить мне, или... или магов не будет.

Он рассматривал меня исподлобья, я буквально видел, как в нем поднимается злоба к самодуру и деспоту.

— Но все-таки, — произнес он с оскорбительной вежливостью, словно разговаривает с опасным сумасшедшим, — с молчаливого разрешения присутствующих я могу поинтересоваться, зачем?..

— Можете, — разрешил я, — и даже, сберегая время, отвечу сразу. А вот предпочитаю держать всю власть в своих загнувших!

Он покачал головой.

— Ваша Звездная мощь, не только мне здесь кажется, вы не тот дикий и невежественный вождь варваров, каким стараетесь казаться. Речь у вас грамотная, слова строите правильно... У вас должна быть цель более...

— Более, — спросил я с интересом, — чем что?

— Более, — ответил он, — чем завоевание для завоевания. Или чем захват новых земель для грабежа. Посмотрите в зал, там со мной согласны.

— Спасибо, — сказал я. — Спасибо за лестную оценку. Но я, как видите, вождь огромной армии. Я должен руководствоваться ее интересами и пожеланиями. Даже требованиями.

Он кивнул.

— Да, это естественно. Но почему-то не совсем верится, что вы так уж идете на поводу у армии. Конечно, считаетесь, подыгрываете, даете богатую добычу, но наверняка и своя цель...

Похоже, он все-таки ощутил, что я стараюсь выглядеть не императором, а как бы старшим товарищем из почти их круга, который желает разговаривать почти на равных, и сделал вид, что поверил и отвечает мне на той же ноте, но я видел по его лицу, что интеллигенция власти не доверяет и здесь.

Мне показалось, что в глубине его взгляда кроется не злость, а больше отвращение, я даже на какой-то миг ощутил себя как в дерьме, изображая тупого вожака солдат, который сам в белом, но вынужден учитывать пожелания армии, а у нее, понятно, какие пожелания.

— Грабиус Хайнер, — повторил я, — у вас звучное имя. Вы в самом деле маг? Или человек умный и грамотный?

Он запнулся с ответом, глаза обшаривали взглядом мое непроницаемое лицо, я уже напомнил себе о необходимости держать маску, наконец он произнес мрачно:

— Разве одно другому мешает?

— Обычно да, — сообщил я. — И даже не дает до рогу. Вы в курсе насчет университета, что основал Герман Второй?

В его лице что-то дрогнуло, а в глазах зажглись искорки.

— А-а-а, вот вы о чем...

— Догадливость, — сказал я, — хорошая черта для исследователя.

Он покачал головой.

— Их путь очень-очень долг. И труден. И много опасностей. И вообще... можно ли простым людям доверять все возрастающую мощь... Великие Войны Магов уже доказали пагубность такого пути.

— Так то магов!

Он покачал головой.

— Есть мнения, которые трудно игнорировать, что воевали вовсе не маги, а простые люди, овладевшие огромной мощью.

— Гм, — сказал я небрежно, — интересная гипотеза...

Он пристально наблюдал за моим лицом.

— Да? А вот вы совсем не удивились, словно знали или думали об этом раньше. И для вас это не гипотеза.

— Грабиус, — сказал я, — вы точно станете главой гильдии магов. Вы хотя и очень осторожно и вежливо, но все же спорите с императором, на что не решаются ваши коллеги. Думаю, окажу всем добрую услугу, если предложу вас в руководители вашего объединения, как бы вы его ни назвали.

Он с чувством поклонился, развел руками.

— Простите, ваша Мощь, но у нас не бывает объединений. Маги — люди свободные.

— Потому наука в конце концов победит, — заметил я. — Там обычно работают научные коллективы... Но мы отвлеклись. Простое существование человечества просто бессмысленно! Люди были сотворены с какой-то целью!.. Они что-то обязаны совершить в будущем!.. Но если держать вот так на уровне сытого и довольного скота, чего от них ждать? Такие с места не сдвинутся!.. И Господь в конце концов сотрет их с лица земли.

Он всмотрелся в меня, кивнул с некоторым удовлетворением на лице.

— Господь... Понятно, вы из тех, кто верит в Высшее Существо. У нас только возникали эти секты, но как-то быстро гасли.

— Или их гасили, — согласился я. — Другое вероятнее, не так ли?.. Умные язычники могут вовремя увидеть опасность для их безмятежного существования.

В зале задвигались, но утихли, когда их несомненный лидер, Грабиус Хайнер, осторожно поинтересовался:

— Простите, Ваша Звездная Мошь, за несколько опасный вопрос, но мы тоже не знаем пределы, за которые нельзя переходить в разговорах с северянами... вы сами в него верите?

— Вообще-то нет, — сообщил я. — Если честно и если это между нами. Как между членами одного цеха. Но верить в Него лучше, на веру можно наслотить множество моральных требований к человеку. Как запретов, так и понуждений становиться лучше, чище и умнее. Вера в Него требует постоянно совершенствоваться. Чего никогда не требовало язычество.

В зале прошло шевеление, многие толкают друг друга и перешептываются, в лицах живейший интерес стал еще ярче, и, главное, я ощутил, как начинает меняться ко мне отношение.

Еще не то увидите, подумал я злорадно. Ишь, приготовились смотреть на держиморду с мечом в руке, и какие бы я ни подавал сигналы, упорно держались за лстящую их самолюбию картинку. Еще не тем огорошу, у меня много сюрпризов для вас, самодовольные бараны от магии.

Хайнер тяжело вздохнул, но тоже смотрел на меня с растущим уважением.

— Эти постоянные совершенствования, — сказал он кисло, — и приводили в конце концов к великим войнам. Они вошли в летописи как Войны Магов, хотя на самом деле...

Я кивнул.

— Да-да, маги к тем войнам никаким боком, но народу так понятнее.

Он взглянул уже как-то встревоженно.

— Ваше величество, вы в самом деле вождь варваров?

— Варварее не бывает, — заверил я. — В определенном смысле. Варвары — это свежий взгляд на мир. Старые цивилизации смотрят в одну сторону, а варвары пока что поглядывают и по сторонам. Как вы уже поняли, я намерен поддерживать развитие знаний. С нуля, если хотите.

— А магия? — спросил он. — Маги не с нуля начинают?

— Если бы, — отрезал я. — В обломках древнего мира можно найти что-то ценное! Хотя и непонятно, как работает, но какая мощь!.. Просто магия... Но я нацелен узнать, что же Господь хочет от человека.

Он криво усмехнулся.

— Хотя в него и не верите?

— Это неважно, — ответил я. — Вера в Господа важнее Его существования. Стараясь понять Его замыслы, мы раскроем все тайны вселенной!.. Потому я за веру в Творца, за религию даже... только к церквям отношусь с неодобрением, но, возможно, простому народу нужны символы попроще, чем просто вера в Творца. Церковь — это для простого народа, очень даже простого. Умным достаточно абстрактной веры.

Он вздохнул так тяжело, словно целый день тащит тяжело груженную тележку в гору.

— Значит, у нас выбора нет?

— Почему, — ответил я, — есть. Либо начинаете сотрудничать с новой властью... гм... и новой идеологией, либо занимаете враждебную позицию...

— И тогда вы и нас сотрете в порошок?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Мир жесток.

— А вы?

— Я живу в этом мире, — напомнил я.

— Но вы же хотите изменить мир, это заметно!

— А разве не видно, что сперва расчищу строительную площадку?.. Будете со мной в рядах строителей или станете завалами на дороге, которые нужно сбросить в канавы на обочине.

Он покачал головой.

— И что мы, по-вашему, должны делать?..

— Перестать быть слугами общества, — сказал я. — Это недостойно ученых... и даже магов. Вы должны стремиться к знаниям! Приумножать их, открывать тайны природы... А народ должен без вашей помощи пахать, сеять, собирать урожаи и отгонять воробьев. На севере как-то обходятся без магов?

— Вообще? — спросил он и указал взглядом на Карла-Антоня.

— Я не сказал, что магов нет, — повторил я громче, — но наши заняты магией, а не обслуживают простолюдинов! Как у вас были заняты Великие Маги. Теперь в таком привилегированном положении будете вы... но только с моего ведома и под моим контролем. Вернее, под контролем власти, я лично везде не поспею.

Глава 11

Некоторые начали переглядываться, толкать друг друга. Похоже, возможность стать на места Высших Магов показалась очень уж соблазнительной, несмотря на мои ограничения... которые, конечно же, Высшие Маги со временем по мере усиления обойдут или просто проигнорируют.

В далекую отсюда дверь заглянули двое из разведчиков Норберта, один помахал руками, подавая условные знаки. Я понял, что прибыли еще, спрашивают, впустить или гнать в шею.

Я кивнул, в зал торопливо вошли еще с десятков человек, все в строгой темной одежде, в плащах и в широкополых шляпах, которые тут же сорвали с голов и держали в руках.

Старший прошел вперед и, низко поклонившись, сказал громко:

— Стондер Строндиш, маг второго класса. Задержался, чтобы не покидать своих учеников. Просим прощения за опоздание, но мы мчались издалека, стремясь не пропустить ни слова из уст величайшего завоевателя всех времен...

Я жестом остановил его речь, что грозит стать все хвалебнее и витиеватее.

— Добро пожаловать. Мы уже заканчиваем, но все, что пропустили, вам перескажут коллеги, присутствующие здесь с самого начала. Занимайте свободные места, слушайте внимательно.

Пока они торопливо устраивались, я мысленно оглядел себя, достаточно ли выгляжу внушительно, с панибратством перебарщивать не стоит, маги тоже народ, а народ перестает уважать тех, кто с высот опускается до их уровня.

— Для прибывших напомню, — сказал я, — что еще в первый свой визит на ваш южный континент я без всякой Багровой Звезды уничтожил Великого Мага Гатониса и полностью стер с лица земли его несокрушимую крепость, а он строил и укреплял ее, даже не знаю, сколько веков... Заодно убрал даже величественный холм, с которого взидала эта фортификация.

Новая группа слушала внимательно, как и все остальные, но Строндиш быстро поднялся, помахал шляпой перед собой и произнес осторожно, но с настораживающей интонацией:

— Ваше Небесное Величество... он был в самом деле Великим Магом. Не самым слабым из них, но и не самым сильным.

Мне показалось, что на их лицах проступили подобия улыбок, не сами улыбки, это будет слишком резко, а именно намек на усмешки, все маги люди очень осторожные, как и все, что владеет или будет владеть огромной мощью.

— Не сомневаюсь, — ответил я с нажимом. — Но давайте напомню, всей вашей мощи, мощи Великих Магов, было недостаточно, чтобы остановить Багровую Звезду! Вы это знаете, потому все прошлые времена прятались всякий раз в норы... из которых выходили живыми единицы. Но сейчас важно, как понимаете, совсем другое.

Строндиш, не садясь, смотрел на меня в упор, сказал вежливо, но с глубоко упрямой ноткой протеста:

— Да, это написано на вашем челе победителя. И в ваших, уж простите, безжалостных глазах.

Со своего сиденья Грабиус Хайнер поглядывает на него с заметной неприязнью, наверняка хорошо

знает, а то и слишком хорошо. Два медведя в одной берлоге не уживутся, а эти двое, похоже, в одной весовой категории и пасутся на одном поле, а то и лужайке.

Я чувствовал, что сказано вроде бы уже все, пора заканчивать, высшие должностные лица должны говорить кратко и туманно, чтобы оставить себе простор, но все ещё смотрят так, словно я им сообщу что-то важное.

— Все вы, — сказал я, — догадываетесь, что Багровая Звезда не зря висит там в небе?.. Да-да, у нее строгий приказ уничтожить все ваши гнезда дотла и оставить на их местах только кипящие лавой кратеры... разумеется, в случае непослушания или попытки хоть какого-то мятежа.

Строндиш, которого проняло наконец-то со всей его фрондой, вскрикнул шокированно:

— Ваша Звездность!.. Зачем это нам?.. Напротив!.. Вы для народа величайший из завоевателей, а для нас гораздо выше — величайший из правителей!.. А у нас по Кодексу с этим строго. Никакого неповиновения, войны магов слишком... разрушительны и нерациональны.

Я кивнул.

— Да, я на это и рассчитываю. В свою очередь, хочу напомнить, в ваши отношения влезать не планирую. Занимайтесь магией между собой, к простому народу человек не снисходите, что меня устраивает...

— Вы планируете какие-то реформы? — спросил Строндиш и уточнил: — У людей?

Хайнер со своего места поглядывает на него все рассерженнее, этот Строндиш все больше перехватывает внимание собравшихся и концентрирует его на

себе, как на человеке, который осмеливается выражать общее мнение.

Я поморщился, покачал головой.

— Надо бы, но, скажу откровенно, даже не представляю, с какого конца взяться. Общество очень устойчиво, сбалансированно и в целом жизнью довольно. А оттого, что знаю жизнь получше, вовсе не значит, что смогу и другим навязать.

Строндиш сказал несколько угодливо:

— Тем более когда, как вы мудро сказали, народ другой жизни не мыслит.

Я не помню, чтобы я такое говорил, хотя все возможно, такое можно услышать, во дворце все очень внимательно вслушиваются во все, что услышат от меня, даже если о погоде, потому только кивнул и сказал в заключение:

— В общем, мы с вами, надеюсь, договорились. Вы занимаетесь поисками чего-то нового в новой для вас алхимии, что вышла из кокона уже устаревшей магии, все мы ищем совершенства в профессии, в жизнь людей не вмешиваетесь.

Строндиш, вызывая уже сильнейшее раздражение Хайнера, сказал быстро:

— Ваша Звездность, мы и не вмешивались! Только помогали, как велено было издавна Великими Магами.

— Это веление отменяется, — изрек я. — Кстати, что насчет бродячих магов?

В зале моментально зашумели, на лицах у большинства негодование и даже ярость, а Строндиш сказал с достоинством:

— Это позор нашей профессии! Мы стремимся к порядку, а они сеют хаос!.. Потому они исключены

из нашего общества!.. Наша помощь на них не распространяется. Потому никто слова не скажет, если вы или кто-то из земных властителей заточит их в темницу или даже казнит.

Я слушал, а когда Строндиш захлебнулся негодованием, со своего места быстро добавил вежливым и словно извиняющимся тоном Хайнер:

— Любое вмешательство в жизнь людей всегда приводило к неприятностям. И потрясениям. Нет, людей нам не жаль, если совсем уж честно, но некоторые маги усиливались за их счет, а это признано недопустимым.

— Отлично, — сказал я. — Думаю, обо всем договорились. И еще одно... Вы можете раньше меня засечь такого странствующего мага, потому сразу сообщите!.. Я сам с таким разберусь.

Грабиус Хайнер наконец поднялся на ноги, я повернул голову в его сторону и кивком дал понять, что готов выслушать.

Очень ободренный, он поклонился и сказал с едва заметным торжеством:

— Чего не знает достопочтимый Строндиш, но нам стало известно, что ряд свободных демонов в свое время присягнули его величеству, который тогда был еще только великим героем, совершавшим великие подвиги... теперь мы знаем, что он был величайшим из героев, потому и стал императором Севера и победителем Багровой Звезды Зла!.. Это было неслыханно в нашем мире, чтобы демоны добровольно присягнули человеку, потому его величество, что тогда еще не был его величеством, так легко, практически без сопротивления и уничтожили Великого Мага Гатонеса вместе с его армией, крепостью и даже холмом...

Это я к тому, что мы даже не пытаемся предложить вам помощь.

— Но я ценю ваше желание помочь, — заверил я. — Вы ведь желаете?

Я произнес это без нажима, вполне доброжелательно, но они люди опытные и прекрасно понимающие оттенки сказанного, Строндиш быстро сказал за всех, удерживая свое первенство перед Хайнером:

— Мы все жаждем, Ваша Небесность!

Строндиш напористее, мелькнуло у меня, сумеет оттеснить Хайнера на вторые позиции. Стоит слегка поддержать или приблизить Хайнера, пусть будут два соперничающих вожака, это в моих интересах, как представителя власти.

Уходя из зала, я сделал Хайнеру знак идти за мной. Когда он поспешно догнал, посматривая искоса с удивлением и опаской, я сказал на ходу доверительно:

— Пока все отсиживались в пещерах, ожидая катастрофу, я вполне мог захватить не только эту империю, весь континент. И установить вообще зверский порядок!

Он сказал торопливо:

— Да, Ваша Небесность. Но вы это не сделали...

Увязавшийся за нами еще один маг добавил льстиво:

— Вы не хотели лишать нас счастья служить вам!

Хайнер поморщился, лесть слишком грубая, может заметить даже этот воинственный император, а я сказал:

— В случае чего обращайтесь!.. Вас пропустят.

Он поклонился, поняв, что я сказал все, а я быстрыми шагами направился к лестнице, где уже тол-

пятся придворные, из них две трети женщины, их выставляют впереди как щит, о который разобьется любая властная власть.

Здесь каждый выход императора из своих покоев, а тем более во двор и сад, сопровождает целая толпа особо приближенных, таков этикет, за мной тоже пристроился целый цветник, самцы держатся на вторых ролях, стараются поймать мой взгляд, женщины цветут обещающими улыбками.

Я замедлил шаг не из-за важности, спешащая за мной толпа как-то не совсем то, что именуется выходом властелина, и получилось, что иду, как надутый индюк, важно и величественно, типичный самодержец, совсем уж вписался в этот мир, который так стремился разрушить и переделать.

Навстречу плывут роскошные залы, раскрываясь, как драгоценные шкатулки, все нереально прекрасные, а по блестящему паркетному полу неслышно скользят навстречу, как изящные фарфоровые статуэтки, молодые женщины в ярких платьях, обязательно светлых, праздничных, радостных.

Женщины приседают, мужчины кланяются, все ждут в таких застывших позах, пока пройду, это правило этикета придумано в целях безопасности, так телохранителям проще увидеть, кто шевельнулся и сунул ладонь за пазуху к рукояти кинжала.

Сверху падает яркий праздничный свет от массивных хрустальных люстр, а вдоль расписанных лучшими художниками и декораторами стен расставлены позолоченные статуи в рост человека, а где и намного выше.

Я хмуро подумал, что не только женщин, даже мужчин не встретишь в одинаковых камзолах, разно-

образие возведено в абсолют, все подчеркивает индивидуальность в замысловатости форм.

Женских шляпок тем более нет похожих, а не то что одинаковых, у всех и цвет и покрой в разы отличаются, а про цветные клумбы сверху и говорить нечего, там простор для любой дури, красиво именуемой модой, изысканностью и высоким вкусом.

Непристойно громко, по здешним меркам, стуча подкованными каблуками, навстречу заторопился от входа сэр Волсингейн, бодрый, загорелый, пропахший прокаленной пылью и ароматом дальних дорог.

— Сэр Ричард!.. — вскричал он радостно. — Вам привет от Боудерии и всей нашей команды!

Краем глаза я видел, как дернулись и окаменели в моей свите при такой дерзости во всем, особенно при таком непочтительнейшем обращении к величайшему властелину Империи Извечного Света, а Волсингейн подбежал настолько счастливый и сияющий, что забыл поклониться, только смотрел влюбленными глазами.

Я обнял его дружески, пусть все видят, что отправлял с неким особо важным поручением, потому и так благосклонен, а так бы да, немедленно повесил.

— Отправляйтесь в общий зал, — велел я. — Там Палант, замещающая сэра Растера, пытается организовать пир...

— Палант? — изумился Кенговейн. — Сэра Растера заменял Митчелл...

— Митчелл не отходит от сэра Растера, — напомнил я, — как гусенок от боевого гуся.

Он козырнул и бодро заспешил в сторону главного зала, а я двинулся к лестнице, ведущей на мой личный этаж, успев укоротить шаг, начиная против желания вписываться в этот важный и чинный мир.

Глава 12

Одно из главных отличий императорских дворцов здесь на Юге, хоть у Германа Третьего, хоть у Скагеррака, — множество уютных диванчиков во всех залах вдоль стен. Даже в широких коридорах вижу постоянно роскошные, сделанные лучшими мастерами-мебельщиками, в разных вроде бы стилях, что все равно укладываются в общий стиль разнообразия, богатства, изящества и утонченной изысканности.

Я посматривал по сторонам с ревнивой тревогой. Рано или поздно эта роскошь подточит стойкость моих суровых героев. Конечно, самые ригористичные останутся верны старым идеалам, но будут выглядеть замшелыми пнями, не понимающими красоты и стиля новых времен. Вообще-то в новых временах красоты и стиля в самом деле больше, но беда в том, что, приняв ценности более цивилизованного и развитого времени, мои северяне могут принять и философию этой беспечной жизни, когда все за тебя устраивают Великие Маги, а ты просто живи в радости и ликуй, что за тебя все делает магия!

Я не представляю, как буду убеждать отказаться от подобной сытой и счастливой жизни и уговаривать работать до седьмого пота, хотя можно бы не работать? Это все равно как убеждать тащить камень Сизифа на высокую гору на том основании, что какие мышцы нарастит!

В коридоре Перияльд увидел меня, когда я поднялся по лестнице, крикнул бодро:

— Ваше величество! В приемной вашего кабинета герцогиня Самантелла Херствардская!

Словно ветерок качнул роскошную цветную клумбу моей свиты, даже запах духов и притираний стал сильнее, словно новость, что герцогиня явилась по своей инициативе в приемную моего кабинета, усилила ее феромоны.

— Направь в малый кабинет, — велел я коротко. — Приму через несколько минут.

И снова по перешептыванию за спиной и меняющимся волнам запахов улавливаю, как всех заинтересовало, что опальная при Скагерраке герцогиня снова при дворе, к тому же по своей инициативе является ко мне, а не ждет смиренно, когда вспомню и позову.

На ходу я успел переговорить с выбегающими навстречу военачальниками, у нас без церемоний, а когда свернул в сторону лестницы, свита начала с некоторым разочарованием отставать, не дожидаясь, когда гвардейцы остановят у первой же ступеньки и напомнят, что наверх допуск только северянам и некоторым членам рабочего комитета из правительства.

У Скагеррака несколько кабинетов для разных случаев, больших, средних и малых, а есть еще и с особой меблировкой, в смысле которой я еще не разобрался, но приготовленные для каких-то особых случаев.

Мне понравился самый малый, где и размеры скромные, и стол с креслами вокруг и двумя самыми что ни есть обычными шкафами для бумаг, пусть даже из дорогих пород дерева, с обязательными золотыми полосами по краю столешницы, украшенными фигурками ножками, набор фигурных мечей на стене, но все скупое и без размаха, словно император здесь отдыхал, а не работал.

Хрурт и Ульман на этот раз в коридоре, Периальда не видать, значит, в самом кабинете. Мелькнула мысль, вот к кому должны с особой тщательностью подбирать ключи различные тайные службы.

Я перешагнул порог, Периальд вскочил со стульчика, бодрый и сгорающий от невозможности закрыть меня грудью от опасности.

— Вольно, — буркнул я. — Можете пригласить герцогиню.

Он вышел в другую дверь, приемная со стороны коридора с той стороны, и через минуту вошла блистающая золотистым платьем и в шляпке такого же цвета герцогиня Самантелла, даже цветы на шляпке смотрятся как крохотные подсолнухи, тоже желтые и яркие.

Я поднялся из-за стола, ее глаза в испуге расширились, но тут же улыбнулась, вспомнив о странном обычае северян вставать при появлении женщин.

— Ваше величество, — сказала она торопливо, — постарайтесь больше не выказывать такие знаки внимания! Это урон вашему престижу. Император ни перед кем не встает...

— В жопу эти престижи, — ответил я бодро. — Мы введем новые правила! Не пугайтесь, особо не будем рушить старые, а так это мягко подвигнем их на обочину истории и особо ценного для знатоков старины антиквариата. Слушаю вас, герцогиня. Присядьте, пожалуйста!

Она с той же улыбкой указала мне взглядом на мое кресло.

— После вас, ваше величество.

— Я не могу сесть раньше женщины, — ответил я твердо. — Садитесь, герцогиня. Сейчас я дурака валяю, день выдался... А у вас что-то серьезное?

Она красиво опустилась в кресло, придерживая края платья.

— Я вообще-то по делу, ваше величество. Но, пользуясь вашим хорошим расположением духа, хочу робко заметить, что хотя это не мое дело советовать что-то мужчинам, но вы и в личных делах прежде всего император...

— Чё, правда?

— Я же вижу... потому милую леди Мишеллу достаточно легко могут отодвинуть не только ее высочество Колин Горриган, но и такие знатные и блистательные женщины, как Джесина Артерберри, Николетта Вайнврейт...

Я вскинул ладонь, прерывая ее речь.

— Самантелла... Заткните фонтан. Никто не отодвинет ни Мишеллу, ни вас, на что вы так прозрачно намекиваете. Тем более вас. Думаете, я такой дурак, глаза разбегутся от доступности роскошнейших женщин? Слюни потекут, пойду вразнос?

Она сказала виновато:

— Вы кремень, я это заметила сразу, что удивительно. Вы молоды, но плоть требует своего...

— Мою плоть удовлетворить легко, — заверил я, — и для этого вовсе не надо женщин менять каждый день. Благо все вы...

— Одинаковы, — договорила она, — вы абсолютно правы, ваше величество. Как женщины мы все одинаковы. Спасибо, ваше величество, за понимание. Это такая редкость со стороны мужчин! Вообще от мужчин редко услышишь что-то умное.

— Потому что я император, — сказал я сварливо, — а уже потом самец. И этот гнусный самец у императора в подчинении. Вот здесь он!

Я крепко сжал кулак и сам полюбовался, как крепко держу эту брыкающуюся тварь, которой делаю поблажки только изредка, да и то за примерное поведение.

Она заулыбалась, глаза засияли.

— Не такой уж и гнусный. Но я счастлива видеть, как вы уверенно ранжируете приоритеты.

— Первым делом багеры, — подтвердил я, — ну а женщины, а женщины потом... Это песенка у нас такая была. В детстве.

— У вас настоящие мужчины, — сказала она с убеждением. — Ваше величество, сейчас все затихло в ожидании возвращения императора Скагеррака. Вы как-то подготовились?

Но по ее виду я уловил, как моментально среагировала на песенку, хотя в ее лице ничего вроде бы не изменилось. Дескать, откуда на Севере багеры... Впрочем, «у нас» может означать и пиратов Черро.

— Хреново готовимся, — признался я. — Даже не знаем, где и когда Скагеррак появится. В случае с императором Германом знали, но все равно недооценили его мощь и понесли серьезные потери.

— Ваше величество?

Я сказал сквозь зубы:

— Мы там оставили легких кавалеристов. Не для заслона, а чтобы информировать императора. Дескать, ваше величество, в вашей империи случилось то-то и то-то, реальность теперь иная... А его люди с ходу ударили по нашим. Элитная императорская гвардия, закованная в сталь и с лучшим в мире оружием против кавалерии, что используется чаще всего для разведки.

— Большие потери?

— Для меня каждый человек, — сказал я, — потеря!.. Если можно было не терять. Пришлось с императором разговаривать жестче, чем собирался. И всячески намекать, что легко сотру всю его армию, столицу и гребаную империю, если вдруг что-то... Ненавижу это делать, такой свиньей себя чувствую, но, с другой стороны, сила — лучший аргумент в данных полевых условиях. И самый легкий. Если, конечно, сила в самом деле в наличии.

Она печально улыбнулась.

— Мир таков, но вы, как заметила не только я, используете вашу мощь крайне осторожно. В среде придворных сразу пошли слухи, что либо вы не слишком в ней уверены, либо не совсем подчиняется...

— Еще бы, — ответил я горько, — всегда ищут худшее объяснение.

— А благородные мотивы не всем свойственны, — напомнила она. — А кому и свойственны, те их быстро душат, чтобы не быть в числе проигравших и, что гораздо хуже, смешных.

— Спасибо за понимание, — сказал я. — Вы настолько умная женщина...

Она договорила с той же милой улыбкой:

— ...что сегодня будете с Мишеллой?..

— Нет-нет, — протестовал я. — С Мишеллой тоже можно поговорить в постели, но с вами интереснее. В общем, когда в качестве аргумента использую мощь Багровой Звезды, для меня это равносильно признанию поражения.

Улыбка исчезла с ее лица, она произнесла трезвым и очень серьезным голосом, от которого пахнуло холодом и неприятностями:

— Скагеррак сильнее Германа Третьего. Изошрeннее, постоянно думает как над своей безопасностью, так и над усилением личной власти. Вы уже знаете, он всячески старался распространить свое влияние на другие империи?

Я буркнул:

— Есть правители, которые не могут смириться, что не они правят миром. Но, признаюсь, мы не готовы к встрече. Одна надежда, что не выпустим контроль над ситуацией из рук, как по дурости получилось с Германом.

Она слушала, улыбаясь несколько загадочно, я умолк и взглянул с вопросом в глазах.

— Ваше величество, — сказала она легко, — я счастлива, что постоянно думаете о важнейшем, а не погрязаете в утехах, как поступили бы очень многие на вашем месте... Что вы думаете о взаимоотношениях с Тимберширом, Огилем и Краланисом Грозным?

Я поинтересовался с настороженностью:

— А они кто?

— Императоры, — ответила она с затаенной улыбкой, — и, что важнее, ваши соседи. Еще важнее, у Скагеррака с ними особые отношения. Есть еще императоры Купругельд, Ходонергер и Незра, правят в Ярборейской империи и Великой Империи Небесной Воли, но они далеко, потому с ними проще... Продолжать?

Я кивнул, но, спохватившись, прервал:

— Сейчас приму военачальников, вернулись из дальних королевств, а потом...

Она торопливо поднялась.

— Мне уйти или подождать?

— Подождите, — ответил я. — Это не займет много времени, у военных длинные рассуждения не приветствуются.

— Учту, — сказала она и улыбнулась, чтобы я мог расценить как шутку, но и как готовность не пускаться в долгие рассуждения.

Глава 13

Во втором зале заметил беседующего в кругу местной знати Альбрехта. Слушают внимательно, даже подбострастно, уже заметили, что пользуется особым доверием императора-завоевателя

Мне кажется, он из наших первым, даже опередив молодого Паланта, начал носить жюс-о-кор, камзол из самой дорогой парчи, к тому же украшен всевозможными вышивками, золотыми лентами, с огромными золотыми пуговицами, манжеты рукавов по моде отворачивает чуть ли не до локтей, чтобы явить взорам белоснежные кружева в несколько рядов, и вообще по-прежнему остается для нашей молодежи образцом шика, блеска и всевозможной изысканной утонченности, хотя брюки по северной моде из плотной ткани заправлены в настоящие сапоги, путь даже из хорошо выделанной кожи..

Возможно, еще и потому местные аристократы тянутся к нему, чувствуя такого же аристократа до мозга костей. Даже то, что Альбрехт хотя бы на пару часов надевает позолоченную кирасу, выглядит особым шиком, так как носит золотой пояс с подвешенным кинжалом.

В империи Скагеррака повторяется то же самое, что и в империи Германа: все население в городах, где

останавливаются багеры, да еще в селах вокруг, а еще в городах и селах, которые очень хорошо видно с багеров, но где отсутствуют причальные пирамиды.

Палант наивно поинтересовался, почему императорские войска не сбрасывают на дома таких бунтовщиков тяжелые камни с багеров, сразу бы привели в чувство, Альбрехт на это поморщился и сухо заметил, что местные давно приняли меры, отодвинув города в сторону, никаким камнем не добросить.

Норберт поглядывал с ожиданием, но ничего не спрашивал, Альбрехт же поинтересовался с сочувствием:

— Сэр Ричард... вы обещали быть у Германа?

Я вздохнул.

— Помню. Мне кажется, просто оттягиваю неприятный разговор.

— Почему неприятный? — спросил он с интересом. — Напротив! Поторжествовать, покуражиться, походить гордой птицей, распушив хвост... У вас все козыри!

— Так и собирался, — признался я, — приказ явиться был просто оскорбительный.

— Так чего же?

Я посмотрел исподлобья.

— А сами как на самом деле думаете? Нет-нет, не смотрите так это блудливенько в сторону!

— Сэр Ричард!.. Я сама честность... Почти всегда!

— Злость, — сказал я, — проходит быстро, для вас не новость. А император, скованный по рукам и ногам законами и вековыми традициями, что мог сказать и сделать? Да, на мое неоднократное непослушание велел явиться к нему, иначе сам пришлет войска... а что еще мог сказать в присутствии придворных?

Иначе те сразу начали бы шушукаться о его слабости и никчемности. С другой стороны, давал мне титулы, однажды спас от петли... что, конечно, для вас не так важно, но мне почему-то приятно.

— Император все делал в своих интересах, — напомнил он. — Укрепляя вас, упрочнял свою власть на северном континенте. Пусть не власть, а влияние... Ну, как он рассчитывал или хотя бы надеялся.

— И все же, — ответил я, — как-то рука не поднимается убить по-тихому и забрать жен, любовниц, земли и корону себе.

— Сперва нужно поговорить, — согласился он. — А потом слово за слово... можно не просто убить, а разорвать на куски в благородной ярости, что воспеваема бардами и считается признаком благородного происхождения.

— Да? — переспросил я в имперской озадаченности. — Хорошо, будете сопровождать меня в столицу Германа. Посмотрите на императора, прикинете, как душить будете... или золотой табакеркой по голове, тоже проверенный вариант. Вам понравится.

Он вздрогнул, сказал опасливо:

— Может, не надо?

— Что с вами, герцог? — спросил я. — Не замечал за вами такой застенчивости.

Он вздохнул, выпрямился и взглянул с прежним холодным самообладанием.

— Что странно, я тоже за вами такого не наблюдал, а должен бы. На моих глазах от рядового рыцаря до императора, но все как должное, ни одного пира на радостях!.. А сейчас для вас и Маркус... как бы ровня. Сэр Ричард... ваше Звездное Величество, а что впереди?

Я ответил нервно:

— Дайте с этими конюшными разгрестись!.. Собирайте в мешок пудру и румяна, сейчас отправимся. И духи возьмите, вы ими даже сапоги брызгаете?.. Периальд, не спи, позови герцогиню из кабинета. Только вежливо, понял?.. Ты же теперь благородный рыцарь!.. А она благородная дама, хоть и женщина.

Герцогиня вошла быстро, деловито, однако мужчины за столом синхронно поднялись, кто-то даже слегка поклонился, остальные смотрят с вежливым вниманием.

Она охнула:

— Простите, у нас так женщин не встречают! Я просто даже не знаю, что и сказать...

Я кивнул на свободное кресло:

— Герцогиня, я отправляюсь на переговоры к императору Герману, но у соратников противоположные взгляды, как вести с ним дела. Что посоветуете?

Она опустилась в кресло без женской кокетливости, чувствует, как держаться с нами правильнее.

— Вы уже все, — ответила она моментально, — верно делаете, ваше величество. Не нажимайте слишком, можно сломать, а так вы достаточно мощная величина, чтобы под вашим давлением прогибался здешний мир. Но быстро нельзя, вас здесь слишком мало, а перемены никому не понравятся. Даже простому народу. Любой, кто идет против власти, на кого-то да опирается. У вас этой опоры нет. А Багровая Звезда в таких случаях только вредит.

Все молчали, рассматривая ее внимательно и продумывая сказанное. Я сказал со вздохом:

— Спасибо, ваша светлость. Вы внесли существенное уточнение. Весьма существенное.

— Просто зело, — буркнул Альбрехт.

— Не смею вас больше задерживать, герцогиня, — сказал я, — а мы пока продолжим...

Герцогиня быстро поднялась, улыбнулась всем светло и дружески, а когда за ней захлопнулась дверь, сэр Рокгаллер проговорил с завистью:

— Сэру Ричарду всегда везет! У него и женщины разговаривают, как люди, а у меня только лежат, раздвинув ноги...

Сэр Ровер сказал философски:

— Мы сами таких выбираем.

— Ничего подобного! — возразил Рокгаллер. — Я выбираю по фигуре, лицу и сладким речам. А что дуры, обнаруживаю только в постели. Потом, конечно.

— Ага, — сказал сэр Ровер с насмешкой, — значит, потом резко умнеете, а она как была дурой, так и осталась? Только вы раньше не зрели? Значит, до постели были таким же... умным.

— Грубый вы, — сказал Рокгаллер с мягким укором. — Разве можно так с соратником?.. И пахнет от вас, дорогой сэр, как-то странно. Пудра с вином, что ли?

Я похлопал ладонью по столу.

— Тихо, мы же на Совете или уже нет?.. Думаю, женщин приглашать больше не стоит. Только одна зашла, и то посмотрите на себя! Ладно, на этом заседание прерываем до моего возвращения из соседней империи. Они теперь соседи, помните!

Поднимались из кресел, суровые и сильные, но я при своей подозрительности уже замечаю, как Юг

медленно вползает в их суровые души, начиная с мелких украшений в одежде и заканчивая усложненными манерами.

Отцу Дитриху и его команде священников-миссионеров здесь придется очень непросто. Это не дикарям проповедовать Слово Божье, здесь даже часть крестьян грамотная, на веру ничего не принимают, да и как принимать веру тех, кто живет беднее и чуть ли не в дикости?

За день в яркой толпе придворных несколько раз промелькнула внучка Германа Третьего, принцесса Клариссия. Обычно с двумя невзрачными девушками явно незнатного происхождения, насколько в императорский дворец могут быть допущены незнатные или не совсем уж очень знатные, но, как мне показалось, и они стараются не слишком выказывать с нею дружеские отношения, все-таки заложница, не опасно ли как-то сближаться...

Она всякий раз демонстративно отворачивалась, перехватив мой взгляд, я пожимал плечами и шел дальше, наконец начала попадаться чаще и уже совсем на пути, я вежливо кивал и снова шел, занятый разговорами.

Придворные, стараясь угадать мои маршруты, старательно пытаются следовать в кильватере. Аристократичный Альбрехт и суровый неподдающийся моде Норберт помогали инспектировать дворец, в котором еще много комнат заперты, а затем по знаку Норберта им подали оседланных коней, а мне вывели громадного черного арбогастра, прекрасного статью, роскошной гривой и мощной грудью.

— Проедем через центр, — коротко сказал Норберт. — Горожанам надо чаще напоминать, кто в империи хозяин.

Альбрехт сказал кратко:

— Вы правы, сэр Норберт. Вешать надо чаще.

— Так не дают повода.

— Повод найти можно всегда, — сообщил Альбрехт. — А то как-то не совсем нас...

— Уважают?

— Да, — ответил он. — Эти снисходительные усмешки даже от каких-то булочников...

— Это не повод, — ответил Норберт строго. — Но вы правы, атмосфера мне очень не нравится. Не знаю, как наш сэр Ричард...

— Мне еще больше не нравится, — отрезал я. — Но всю империю не повесить, хотя и хочется.

Несколько всадников тут же молча двинулись следом, город громаден, мы проехали через центральную часть, что сама по себе крупный город, так называемый Старый, проверили многочисленные службы, как и должно быть в столице огромной империи.

У городской управы встретили Паланта с десятком всадников, помогает сэру Рокгаллеру удерживать в городе порядок. Местная охрана не справляется с горожанами, для которых железная рука Скагеррака исчезла, а новой так и не появилось.

Альбрехт, выслушав жалобы Паланта, сказал мне тихо:

— Я же говорил, нас всерьез не воспринимают.

— Мало вешаем?

— Дело не в виселицах, — шепнул он. — Да вы и сами знаете, сэр Ричард.

Я скривился, Альбрехт раньше другие замечает, что происходит в обществе, а здесь, понятно, никак не могут примириться с мыслью, что люди явно ниже их по уровню и развитию, имеют какое-то право командовать и отдавать распоряжения.

— Крепитесь, Палант, — сказал я. — Выстоим.

Он сказал с горькой обидой:

— Ваше величество! Горожане словно бы не замечают, что мы их спасли!.. Конечно, про себя рады, но нам хотя бы спасибо!

Я кивнул в сторону Альбрехта.

— Вон герцог Гуммельсберг уже все понял. Ему такое тоже не ндравится, но понял. Даже терпит.

Палант с надеждой повернулся к Альбрехту, тот с высокомерием поморщил нос.

— А что непонятного? Они аристократы, не заметил?.. По их мнению, их спасти мог только другой аристократ. А мы с вами, дорогой сэр Палант, нечто вроде мужиков из хлева.

— Ну уж из хлева?

— Хорошо, из овина, — согласился Альбрехт. — Как признать, что аристократы сдались с появлением Багровой Звезды, а простые мужики проявили больше отваги и мужества?

— Мы не мужики!

Альбрехт посмотрел на него с сожалением и снисходительной насмешкой.

— В сравнении с ними еще какие. Вот и делают вид, что оно как-то само.

— Как это?

— К примеру, Багровая Звезда заснула, а мы влезли в нее и взялись командовать.

Палант задохнулся от обиды.

— Заснула? Влезли? Им такая битва и во сне не привидится!

— Держитесь, Палант, — сказал я. — Не удержитесь вы, рухнет вся наша армия.

Он остался в непонимании с раскрытым ртом и вытаращенными глазами, а мы поехали дальше. Я перехватил взгляд Альбрехта, наш армейский аристократ понял правильно. Палант плоть от плоти армия, и что сломит его, сломит и все наше доблестное воинство.

Пока ехали через город, я подумал с отстраненной горечью, что наше превосходство не объяснить. И в моем прошлом мире большинство продолжает верить, что был культурный и просвещенный Рим — империя юристов, инженеров и ученых, но эту утонченную цивилизацию разрушили варвары и вандалы, втоптав высокую культуру в грязь.

На самом же деле варвары принесли более высокую культуру, в которой не было рабства, гладиаторов и культа плоти. С варварами пришло христианство, более высокая ступень цивилизации, но простой народ, а он весь простой, видит только блеск и роскошь, именно блеск для него мера культуры и цивилизованности, так что да, нам придется побарахтаться в этом мире всеобщего презрения, держась на поверхности, иначе утонем и растворимся.

Альбрехт сказал невесело:

— Мы явились такими победными... А теперь даже не знаю, чего ждать.

— Нас не принимают всерьез, — произнес Норберт. — А чего ждать... это виднее сэру Ричарду.

— И я не вижу, — признался я. — Никогда не сталкивались с таким противником!.. Никогда битва не

разворачивалась в таком пространстве... У нас только одно весомое преимущество...

— Отец Дитрих?

— Да, — ответил я. — Придется вызывать раньше, чем планировал.

— Что начнется, — ответил Альбрехт с тревогой, — что начнется...

— Сплюньте, — посоветовал Норберт мрачно.

— Все равно начнется, — ответил Альбрехт. — Этой войны не избежать. Посмотрите на сэра Ричарда!

Когда вернулись во дворец, по праву завоевателей не оставили коней у конюшни, как хотел педантичный и строгий Норберт, я нахально пустил коня к главному зданию дворца, Альбрехт с одобрением сказал: «Наконец-то!», я услышал за спиной цокот копыт их коней.

Соскочив на первую ступеньку, я бросил повод подбежавшим гвардейцам и сразу наткнулся на укоризненный взгляд.

Глаба 14

Из здания вышла и начала красиво и величественно спускаться солнечная девушка в платье цвета полуденного зноя, нежнейшая и миленькая, вся словно акварельный рисунок, вот только брови густо накрашены черным, резко выделяясь на нежном милом личике.

Вообще-то здесь почти все женщины рисуют брови широкими черными лентами, некоторым в самом деле идет, жгучим брюнеткам, особенно немолодым, но на личике этого светлого существа выглядят несколько странно.

Однако же что-то в этом есть, я сам невольно засмотрелся на этот контраст, а она остановилась и взглянула в упор.

Я ощутил, что надо сказать что-то, поклонился и проговорил дежурную фразу:

— Клариссия... Клариссия... кораллы любите, ваше высочество?

Она в изумлении вскинула ресницы, длинные и густые, под которыми блеснули чистые детские глаза.

— Да... а вы откуда знаете?

— Положено, — ответил я таинственно. — И про кларнет знаю, мне положено видеть людей насквозь. Нет-нет, это не значит, что вижу, как расположены родинки и прочие пятна у вас под одеждой, просто у нас на севере такая идиома.

Альбрехт хмыкнул, мне послышался укор, а щеки принцессы резко покраснели, но глаза вспыхнули, она даже копытцем притопнула и заявила резко:

— Нет у меня никаких родимых пятен!

— Вы просто невнимательно смотрели, — пробормотал я. — Впрочем, я тоже не видел, только предположение, не больше. Чего вы так вскинулись?.. А то я еще подумаю. Это же светский разговор, разве не? Тогда давайте сменим тему, ладно? Мы с вашим батей, то бишь дедулей, перетерли кое-что насчет политики и будущего расцвета сельского хозяйства. А также рыбного, как теперь вижу в перспективе. Весьма близкой!.. Он уже знает, что вы свободны как бы птица. И готовы лететь к нему... ага, как голубка. Это птица такая, вроде вороны, только белая и ноги короткие.

На ее выразительном личике надежда сменялась недоверием, страхом, глаза то вспыхивали, как звездочки в ночи, то угасали, и я почти отчетливо видел,

что думает в этот момент, у юных девушек мысли еще простые и чистые, наконец вскинула гордо мордочку и проговорила отчетливо:

— Вы готовы меня вернуть в Солнечный Город?

— Прямо щас, — ответил я. — Ваш дедуля...

Она сказала гневно, но с просительной ноткой, зверей дразнить опасно:

— Не называйте его так!

— Император Герман, — пояснил я мирно, — ждет меня в силу политической договоренности. Правда, мы не уточняли насчет обеда или ужина, но не к завтраку же ждет? Думаю, он спит до обеда, как вы все тут... и там. Я хоть и вожак банды, но что-то перетрем, увяжем, утрясем, политика дело такое, с каким отребьем только не приходится... Потом отбуду по делам, а он пусть императорствует на старости...

Она повторила, чуть осмелев, раз уж я не прищемил ей хвост в первый раз, когда повысила голос, женщины наглеют быстро:

— Не называйте его стариком!

— Повинуюсь, — ответил я нагло. — Видите, как вы управляете мужчинами?.. С пеленок такому учили?.. Или это инстинкт, как у богомольши? Я имею в виду жену богомола... Ладно, когда будете готовы...

Она вскрикнула:

— Домой? Готова!

— Прямо щас?

— Прямо щас, — повторила она. — Что, уже что-то мешает?

— Так мне ж не танцевать, — пояснил я рассудительно. — Доставлю вас к ужину. Идите переодевайтесь, я тут потолкую со своими, а потом пришлю за вами.

— А вдруг забудете? — спросила она. — На самом деле просто не получится, но что-то да соврете...

— И что? — спросил я. — Так и будете таскаться за мной до самого ужина?

— Буду, — ответила она с вызовом. — Чтобы не сбежали!

На лицах Альбрехта и Норберта нахальные улыбки становились все шире и шире.

Я взглянул на них с укором.

— Не стыдно? Вашего сюзерена обижают на ваших глазах, а вы молчите?

Альбрехт улыбнулся во весь рот, но смолчал, а Норберт сказал примирительно:

— Женщинам можно, ваше величество. Женщинам все можно. А таким очаровашкам так и вообще...

Клариссия поморщилась, но все же комплимент, от грубых солдат Севера не стоит ждать чего-то изысканного, промолчала, только вперила в меня требовательный взгляд.

— Ну тогда тащитесь, — разрешил я. — Я изволю отправиться в некое уединенное место.

— Подожду за дверью, — объявила она твердо.

— А вдруг там еще одна?

— Нет там никаких задних дверей, — отрезала она.

— Тогда не пойду, — ответил я.

Альбрехт и Норберт поклонились нам обоим, прощаясь, и, очень веселые, удалились, а принцесса пошла со мной рядом, поглядывая искоса снизу вверх, сердитая и все еще обескураженная, никак не удается решить, то ли я вожак шайки воров, каким-то чудом сумевший убедить Звезду Смерти подчиняться, то ли в самом деле император с далекого Севера, только какой-то совсем странный

император, таких не бывает... или быть точно не должно.

— Зайду в канцелярию, ваше высочество, — сообщил я церемонно, — в королевство крыс, древних кип бумаг, с которых пыль не стряхивали столетиями, в подземелья, где отвратительно скрипят перья...

— Там нет крыс, — отрезала она тонким голоском.

— Есть, — заверил я. — А сами канцеляристы? Почему их зовут канцелярскими крысами? Потому что они постепенно превращаются в крыс!

Она фыркнула и надменно задрала и без того мило вздернутый носик, а я спустился в цокольный этаж, там царство Джуллиана Варессера, и хотя сам туда не спускается, но через помощников руководит он, поддерживая империю в задаваемом императором порядке и равновесии.

Зал огромный, только потолок низковат, поддерживают его толстые колонны в пять длинных рядов, и везде эти нескончаемые столы, столы, столы...

Даже мир магии, мелькнула мысль, не избавляет от бюрократии, это она вечна, а не какие-то еще дисциплины...

Завидев нас, торопливо метнулся навстречу мужчина в сером камзоле, но с цветными лентами, в красных туфлях, а серебристый парик в самом деле заметно припорошен пылью.

— Ваше... Ваша Небесная Мощь?

Он поклонился так низко, что едва не ударился лбом о каменный пол, и даже не разогнулся полностью, а смотрел на меня со священным ужасом снизу вверх.

— Подробный отчет, — велел я, — что империя из себя представляет, с кем граничит, количество насе-

ления, состав, армия, экономика, внешние связи... Словом, все!.. Вкратце, но полно. Будьте готовы предоставить дополнительные сведения по вопросам, что заинтересуют меня особо.

Он, весь трепеща от усердия и ужаса, торопливо поклонился.

— Все, что скажете, ваша Небесная Мощь!

— Завтра мне на стол, — уточнил я и, повернувшись, пошел обратно, а сзади торопливо застучали каблучки.

Сокращая путь, прошел через залы, в которых еще не бывал, все то же ощущение, что иду внутри разукрашенной ювелирами драгоценной шкатулки: даже стены и потолок блестят знакомой желтизной, и, как мне кажется, это не позолота, фигурки из настоящего золота. Барельефы на стенах, потолке, ни пятнышка свободного места.

Тяжелые бархатные шторы, закрывающие панорамные окна, расшиты в обязательном порядке толстыми золотыми нитями, узор изысканный, на потолке двумя рядами хрустальные люстры, от которых идет сильный, но не слепящий свет, а беседующие на диванах вдоль стен придворные почтительно поднимаются и застывают в изысканных поклонах и приседах.

На той стороне здания расположены две оружейные мастерские, хотя само оружие здесь не делают, а только декорируют золотыми вставками, накладками и драгоценными камнями, ибо императорская гвардия дворца тоже должна выглядеть достойно роскошного дворца, в котором несет службу.

Вообще-то и само оружие сюда доставляется из лучших мастерских империи, потому мои военачаль-

ники зачастили сюда сразу. Сперва ради мечей из такой стали, что разрубает наши мечи, не получив ни зазубрины, а затем уже ради украшений, потому что мужчина себя не украсит, а коня и меч — обязательно.

Из оружейной вышел Кенговейн, тут же низко поклонился, адресуясь, как я сразу понял, не мне, а топающей сзади принцессе.

— Ваше высочество! — вскрикнул он. — Наконец-то наш сэр Ричард повеселеет!..

— С чего веселиться? — буркнул я. — Мечи украшаете, стыд какой, а скоро и туфли наденете!

Он вскрикнул в патетическом негодовании:

— Туфли?.. Ни за что!

Принцесса посмотрела на него с негодованием. Кенговейн развел руками, а я добавил ядовито:

— А еще и парик, чует мое многострадальное сердце, напялите.

Он даже дернулся, словно его ударили снизу в подбородок.

— Это уже совсем мерзко! Зачем?

— Без парика неприлично, — пояснил я. — Посмотрите на герцога Гуммельсберга!.. Да, парик пока не носит, но и не осуждает. Здесь это официальный головной убор аристократии. Когда женских волос не хватает на изготовление, часть заключенных казнят, выбирая тех, у кого волосы длинные и красивые.

Он высоко вскинул брови..

— Шутите?

— Какие шутки? — спросил я. — Спросите у принцессы, она знает. Парики в основном делают из волос казненных. Это удешевляет их стоимость. Хотя, конечно, для слуг и народа попроще парики из овечьей шерсти, собачьих хвостов... Но для аристокра-

тии только из мягких женских волос!.. Здесь женщин перед казнью всегда обривают наголо. Не заметили?

Он буркнул:

— Не присматривался.

Я сказал с мягким укором:

— Загоните вы себя работой, сэр Кенговейн. Нужно и развлекаться хоть немного, ходить на публичные казни. Там в толпе можно встретить очень милых девушек. Посмотрите на работу палача, бывают просто виртуозы!.. Редко видишь наглядно, что человек любит свою работу и делает ее душевно, тщательно, профессионально под бурные и продолжительные аплодисменты!

Он покосился на молча слушающую принцессу, отвесил ей короткий поклон.

— Ваше высочество...

Мы прошли дальше, принцесса порывалась что-то сказать, в это время один из воинов, что шел навстречу, заулыбался во весь рот, сказал фамильярно:

— Сэр Ричард, наконец-то видим вас с красивой девушкой!

Я отмахнулся.

— Да не моя это, не моя...

Он сказал уже вдогонку:

— А жаль, дивно красивая.

Принцесса смолчала, но на личике тут же высветилось крупными буквами высокомерное негодование, но я никак не реагировал, наконец она выпалила:

— Вы никакой не император! Даже простой барон не позволит, чтобы рядовые воины обращались к нему по имени!

— Не император, — сказал я легко, — так не император.

Ее негодование понятно, каждый шаг королев, тем более императоров, известен заранее, все двигаются и говорят в рамках протокола, потому на пути императора придворные выстраиваются заранее по рангу, титулам и земельным угодьям, только я вот не знаю и не желаю знать ни о каких протоколах, даже принцесса не удержалась от смешка, видя, как спешат угадать мой маршрут и попасть с поклонами на пути.

Мужчины красиво кланяются, ну прям балеруны, женщины изящно приседают, на принцессу посматривают с интересом, сегодня же начнут строить версии, что у меня с нею, со всех сторон пошло почти-тельное:

— Ваше Величество, Утро Нашего Мира...

— Ваше Звездное Величество, Рассвет Нашей Империи...

— Ваша Солнечность...

— Солнцеликость...

— Солнцесветлость...

Один назвал меня Вашей Непобедимостью, однако его сосед тут же перешеголял, назвав меня Победоносностью, что бесспорно выше, круче, и моему дурному самолюбию завоевателя должно льстить.

Принцесса заученно улыбается, в глазах и на личике победное выражение, у императоров есть четко обозначенное прозвище, ну какой я император?

Навстречу граф Мальгерт с двумя помощниками, остановился и отвесил короткий поклон.

— Сэр Ричард...

— Сэр Розамунд, — ответил я дружески.

Он кивнул на молча наблюдающую за нами принцессу.

— А что делает этот ребенок?

— Учится управлять, — пояснил я. — Ее скоро выдадут замуж, тоже за императора, здесь их как воробьев, она его в первую же брачную ночь серебряной табакеркой по голове, корону подхватит на лету и провозгласит себя единственной самодержицей...

— Чему ребенка учите, — сказал он с укором.

— А чему надо?

— Смирению и послушанию.

— Она не собирается становиться женой, — пояснил я. — Она желает быть царицей морскою!

— А-а-а, — протянул он, — тогда да, хорошо, там много всяких чудищ.

Из толпы придворных выбежал такой франт, что даже среди франтов франт, блестящий, весь в бантах, парик сверкает серебром, крупный ярко-пурпурный бант на косичке в виде бабочки с растопыренными крыльями, манжеты на руках в четыре ряда от локтей, а на ногах от колен, протанцевал сложнейший поклон, это вроде бы высшая степень почтения, но если так, то все должны танцевать, хочу посмотреть, как это повторит граф Джуллиан Варессер или лорд Грейгер Армстронг...

— Ваше величество, — воскликнул он патетически, — я Вуднайер, устроитель императорских торжеств и праздников! Позвольте в честь нашего избавления от неминуемой гибели устроить грандиозный бал-маскарад?.. Это будет прекрасное зрелище!..

Я на ходу пожал плечами.

— А чё?.. Устраивайте. Танцы — это тоже физкультурная подготовка к грядущим войнам за светлое и мирное будущее. Накачанные в танцах ноги помогают на коня вскакивать бодрее, а скорость ценится на войне как никогда, если приходится ретираться.

Глава 15

Он начал танцевать изъятие высшей благодарности, но я прошел мимо с тупым выражением высшего существа, облаченного неограниченной властью, который сам не танцует, танцуют за него и для него.

Каблучки принцессы стучат за спиной часто, как козьи копытца, а я подумал, что все эти балы, любовные игры — все знакомо, я знал это все это давно, у нас это называлось тусней, кагалом и прочими быстро меняющимися названиями.

История учит, что со временем любой труд упрощается, механизмуется, отдача возрастает, что хорошо видно при сравнении этих вот вечеров в императорском дворце и нашей тусни.

Здесь каждую даму добиваются месяцами, потом милостиво сдается неистовому напору распаленного любовным жаром кавалера, приглашающе раздвигает ноги, ради этого и воевал все это время... а что в том мире, который я оставил? Там на любой тусовке сумеешь вдуть хоть одной, хоть целой группе, на сколько хватит сил.

И не обязательно в постели, а тоже в типа альтанках и гротах, то есть в коридоре или в туалете между танцами, да и на крыльце или в подъезде, куда выйдешь покурить, заодно можно и посовокупляться, два в одном, мы же деловые.

Но там потому, что есть дела поинтереснее, есть учеба, работа, творчество, карьера, а здесь от безделья вынужденно усложняют такую простую вещь, потому что человеку препятствия необходимы...

Граф Мальгерт некоторое время сопровождал меня, но у нас этикет понимается иначе, незаметно отстал

и пошел заниматься делами. Я видел, как вдали встретил Альбрехта, поговорил, Альбрехт кивнул и пошел к нам с принцессой.

Я к этому времени уже обременился толпой, за нами с почтительным видом следуют не меньше дюжины, то ли самых знатных, то ли достаточно смелых, чтобы заявить о таком праве, но перед Альбрехтом расступились, кланяясь тоже с почтением, но на миллиметр недокланиваясь, чтобы не перепоклониться, как можно с императором.

Альбрехт кивнул молча, некоторое время сопровождал нас, наконец поинтересовался:

— А что за бал-маскарад? Мальгерт ничего не перепутал? Снова танцы?..

— Здесь хорошие танцы, — возразил я. — Медленные, степенные, каждое движение просчитано! Никакой сбивающей с толку импровизации, все державно и солидно, это же дворец, а не балаган.

Принцесса вздохнула, то ли одобряя, что да, дворец это не балаган, то ли недовольная таким вольным сравнением.

— Танцы для тугодумов? — уточнил он.

Я пояснил:

— Всегда успеешь сообразить, куда двинуть ногой... Замедленная в восемнадцать раз лезгинка.

— Ваше величество?

— Там тоже партнеры не отрывают один от другого взглядов, — пояснил я. — И не прикасаются один к другому. Двигаются, правда, несколько... живее. А здесь не танцы, а просто сказка.

Я кивнул на участок двора, мимо которого проходим, с двух сторон доносится слаженная музыка, несколько пар танцуют очень медленно, глядя друг на

друга застывшими, как и принято, глазами, эмоции выказывают только простолюдины, двигаются только ноги, да иногда руки очень неспешно протягиваются навстречу друг другу, чуть-чуть прикасаются кончиками пальцев, а то и не касаются, а только обозначают прикосновение, целомудренные, дескать, и снова партнеры с поклонами отступают, медленно поворачиваются, как фарфоровые фигурки на часах.

Свет льется от фонарей и развешанных даже во дворе люстр золотой, чувственный, но в этих танцах для высшего круга каждое движение строго регламентировано, словно не танец, а дипломатические переговоры на высшем уровне.

Я оглянулся на принцессу, идет за мной неотступно, на лице страх и надежда сменяются так часто, что захотелось остановиться, обнять, успокоить, но как такой человеческий жест истолкует высший свет, который я просто обязан приурочить?

Она ответила таким надменным взглядом, словно смотрит с горы на копошащуюся у подножия в грязи грязную свинью. Я нахмурился и пошествовал императорски дальше, хотя и мелькнула мысль, что это защитная реакция испуганного зверька, надо бы в самом деле проявить как бы тепло, но, с другой стороны, могла бы и не задираться. Императора может обидеть каждый.

Альбрехт пошел рядом, сказал тихонько:

— Сэр Ричард, почему-то мне чудится...

— Креститесь, — огрызнулся я, — хотя мы и в языческом мире!

— Но вы оттягиваете встречу с императором Германом, признайтесь? В оружейную можно было бы и не заглядывать. Не дело императора...

— А право на причуду?

— Не сейчас, — ответил он вежливо, но с твердостью. — Трусите?

— Так выглядит? — спросил я надменно, покопавшись на принцессу, ее чем-то отвлекли придворные, сказал шепотом: — Если честно, то да, оттягиваю.

— Впервые за вами такое, — заметил он.

— Таился лучше, — пояснил я, — а теперь уже сил нет, все страхи лезут. Чем выше уровень власти, тем страшнее ошибки.

— Так не ошибайтесь.

— Непогрешим только Господь, — напомнил я. — Как принято считать, хотя кто знает, мы же видим только окончательный вариант... Ладно-ладно, дойдем вон до фонаря, и сразу обратно. В Маркус и к Герману!

Краем глаза видел, как встрепенулась принцесса, услышав имя деда, Альбрехт тоже заметил, взглянул с сочувствием.

Лестницы во дворце не просто лестницы, а некое концертное произведение искусства, там постоянно дефилируют взад-вперед роскошные женщины, демонстрируя платья, прически и себя в самом выгодном свете. Причем поднимаются где-то по другой лестнице, а сходят красиво и царственно именно по этой, самой праздничной, самой освещенной и богато украшенной.

Огромные люстры с блестящими кристалликами создают еще более праздничный настрой, а мягкая фривольная музыка усиливает и игривое настроение, и поощряет на всякие вольности и непотребности, которые вообще-то потребности, но признают их через несколько столетий.

Альбрехт пробормотал:

— А вообще-то хорошо живут... Если вот так, не предвзято.

— А мы предвзяты? — спросил я.

— Еще как, — заверил он и, видя мое лицо, уточнил: — В лучшем смысле слова. Так что придется не просто трудно, а очень трудно. Местные нас не поймут. Да и наши начнут потихоньку распускать мышцы...

— А подвиги? — напомнил я.

Он вздохнул.

— Да, без подвигов какая жизнь?.. Но если вот между ними, между подвигами, то вполне, вполне и для наших. Так многие скажут.

Он бросил косой взгляд на длинную стену. В нишах рыцарские доспехи в полный рост и с опущенными забралами, не определишь сразу, есть внутри кто или нет. Все доспехи вроде бы из разных эпох, но различия не так уж. Ощущение такое, что не из разных времен, а из разных мастерских, соперничающих в искусстве выделки.

Стена напротив отдана под оружие, тоже из одной эпохи, растянувшейся на пять тысяч лет. И слишком замысловатое, чтобы таким вооружали армию. Возможно, это трофейное, отобранное у знатных полководцев противника, но, скорее всего, изделие собственных мастерских императорского двора, создающих такие вещи для украшения.

У лестницы двое гвардейцев из нашей армии отдали салют, оба уставились на принцессу. Один сказал в изумлении:

— Сэр Ричард, а что делает с вами этот ребенок?

— Восхотела в монастырь идти, — пояснил я, — вот и показываю прелести жизни, от которых отказывается.

— Ой, — сказал он с опаской, — вы только не все показывайте, ваше величество!.. Даже мне бывает стыдно, а я что только не видел!

Принцесса взглянула на меня с опасливым интересом ребенка, которому и хочется поиграть с огнем, таким красивым, но против которого предупреждали родители, и понятным колебанием мотылька, который тоже слышал, что к соблазнительно жаркому свету лучше не приближаться.

На выходе из зала стражники стукнули в пол тупыми концами копий, тоже уставились на принцессу, но ничего не спросили, но на ступеньках во двор попался Чекард, вытаращил глаза:

— Сэр Ричард, а что делает с вами этот ребенок?

— Что он со мной только не делает, — буркнул я. — Но сейчас вот просится в барабанщики. Думаю вот, в какой полк определить.

— Давайте в наш, — предложил он с живостью и плотоядно потер широкие ладони. — Нам для полного счастья только барабанщицы не хватало!

— Так она барабанить не умеет, — ответил я.

Он изумился.

— Ну и что?.. Сэр Ричард!

Когда мы отошли от них достаточно далеко, принцесса, все еще красная от гнева, заявила ядовито:

— Ага, вас даже дворовая стража называет сэром Ричардом!

— Верно, — согласился я. — Еще не забыли мое красивое и такое звучное имя.

— Вы именуете себя императором, — сказала она уличающим голосом. — А простые солдаты вот так по имени!

Я покачал головой.

— Простые не сумели бы в тяжелой битве захватить Багровую Звезду Зла, начисто истребив многочисленную армию противника. Мы все непростые, лапочка.

— Я не лапочка!

Не слушая, я увидел вдалеке сэра Гевекса, подождал жестом. Он подбежал, придерживая рукой болтающийся на боку короткий меч, взглянул преданно.

— Ваше величество?

— Как у вас? — спросил я кратко.

— Всеми багерами разосланы отряды, — доложил он. — Как вы и велели! Для установления и умиротворения. Кто против мира, того рубим на месте, а главарей вешаем. Народ нам еще не верит, но подчиняется.

— Все?

— Нет, конечно, но кто не верит вслух, тот умолкает сразу и навеки. Как вы говорили, ваше величество, ради мира можно пролить реки крови. А сейчас так, ручейки...

Я кивнул и прошел дальше, а притихшая принцесса пошла следом. Думаю, уже и сама не рада, что вот так за мной, но самолюбие не позволит отказаться на полдороги.

Куда бы еще зайти, подумал я, чтобы сбить с нее спесь императорской внучки, на бойню, что ли... Нет, все-таки ребенок, избалованный, но все еще невинный и чистенький, а есть зрелища, которые лучше и самим не видеть, а тем более показывать юной девушке.

Совсем некстати за спиной прозвучал ее капризный голосок:

— Похоже, все-таки стараетесь увильнуть от обещания?

— Какого? — спросил я с непониманием.

Она вскрикнула:

— Которое вы мне дали!

— А-а-а, — протянул я, — этого... Ну, я же хозяин своему слову, сам дал, сам взял... А что, я в самом деле вам что-то обещал?

Она топнула ножкой так, что чуть не подвернула ногу.

— Вы обещали меня вернуть моему императору!

— Чего? — спросил я. — Это когда же?

— Когда он изволит дать вам милостиво аудиенцию!

— А-а, — протянул я снова, — вы об этом... Да, я собираюсь к нему заскочить на ужин. Перетереть ряд дипломатических тонкостей. Могу и вас захватить... Это я и обещал? Что-то перестал запоминать несущественные мелочи... Вообще-то до ужина осталось всего ничего, верно?.. Тогда отправимся.

Она сказала решительно:

— Я готова!

— Хорошо, — сказал я, — только вот что, милая леди. Хотя я и вожак разбойников, но у меня строгие нравы. Потому с неприличными предложениями ко мне, пожалуйста, не приставайте. Я человек по большей части нравственный.

Она ахнула, задохнулась от возмущения.

— Что? Я?

— Ага, — сказал я злорадно, — уже подбиваете клинья?.. Не получится. Мы напрыгнем на Солнечный город раньше, чем успеете вытереть нос.

Она машинально вскинула руку, явно намереваясь потрогать кончик носа, но спохватилась и взглянула на меня с гордой надменностью.

— Так быстро?

— Даже быстрее, — сообщил я. — Пойдемте, ваше высочество. Только не приставайте ко мне по дороге, хорошо?.. Я застенчивый. Да и люди смотрят...

Впереди из казармы вышел, окруженный офицерами, очень богато одетый придворный, ух ты, это же Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, граф, а теперь уже герцог. Когда же он успевает везде бывать, а еще и переодеваться, хотя наряды это тоже его стихия.

Похоже, все точнее устанавливает грань между северностью в одежде и южностью, великолепен в блистающем золотом панцире, в туго приталенном камзоле из дорогого материала, на широком поясе прекрасно выделанной кожи блистают драгоценные камешки и позвякивают какие-то висюльки, но там же сбоку торчит рукоять кинжала из белой кости, дань северности.

Даже красного цвета брюки смотрятся вполне естественно, так как красный цвет, понятно, чтобы не видно крови на радость врагам, но у южан вряд ли такие далекие ассоциации. Однако вместо туфель все же сапоги из мягкой кожи с невысокими голенищами, уже почти не сапоги, а башмаки.

— Ага, — сказал я злорадно, — мимикрируете? В шпионы наметились? Такого везде за своего примут...

Принцесса сказала едко:

— Единственный в вашей армии, кто одевается со вкусом.

Альбрехт учтиво поклонился.

— Благодарю, ваше высочество. Сэр Ричард...

Я прервал:

— Герцог, я обещал сегодня поужинать с императором Германом. Принцесса вроде бы не против, он ее дедушка, хотя у меня есть серьезные подозрения, но не при юной же леди...

Он взглянул в упор.

— Почему сообщаете мне?

— Потому что отправитесь со мной, — ответил я. — Пока буду есть, пить и развлекаться, малость пошпионите среди местных. Надо же как-то использовать ваше полевое облачение шпиона!.. Надеюсь, вы не очень сегодня устали?

Он ответил с неудовольствием:

— А это послужило бы оправданием?..

— Я же должен проявить заботу, — объяснил я. — Но не сострадание, конечно, иначе какой я император?.. Топайте к северному выходу из города. Не хочу пугать народ Маркусом.

Он хмыкнул.

— Скажите честно, стесняетесь демонстрировать свою мощь. Вот уж не ожидал от вас деликатности.

— Все-то вы чувствуете, — ответил я. — Какой из вас солдат?.. Петь на клиросе не пробовали?..

Не отвечая, он жестом подозвал двух верховых, одного кивком согнал на землю, поднялся в седло и поскакал на выход из двора. Второй всадник поспешно развернул коня и поскакал за ним.

Я проводил его взглядом, принцесса рядом, притихшая, на лице надежда сменяется недоверием и наоборот, а я вздохнул и сказал громко:

— Зайчик, ко мне, лапушка!

Принцесса метнула взглядом крохотную молнию, конь у меня тоже лапушка, но тут же застыла в ужасе, когда с грозным грохотом копыт в нашу сторону по-

несся громадный и черный, как сверкающий уголь, конь с пышной гривой и красными глазами.

Можно было усадить ее первой, а потом самому, но я предпочел подняться в седло, а затем по-хозяйски подхватил ее худенькое тельце, как нарядную куклу.

Принцесса вспискнула, я придержал одной рукой, а Зайчик с красиво развевающейся гривой понес нас в сторону выхода из дворцового сада.

Точно так же быстро и красиво промчались через весь город к главным воротам. Бобик несся впереди, расчищая дорогу, хотя улицы все еще полупустые, но ему нравится, когда отпрыгивают в стороны, давая путь его обожаемому сюзерену и вожаку.

Часть вторая

Глава 1

Принцесса вздрагивала на свежем встречном ветерке, я заботливо прикрыл ее узкие плечики плащом. Она благодарно укуталась, по-детски нимало не беспокоясь, что может свалиться на скаку, это долг и обязанность мужчин заботиться о детях и женщинах, а она сейчас то и другое.

По ту сторону ворот в сотне шагов от них Альбрехт явно раздумал покидать седло, махнул рукой сопровождавшему его всаднику, тот послушно повернул коня и помчался обратно в город.

— Маркус, — велел я, — давай к нам, но не ломай лес. Трап!

Принцесса вспискнула и застыла, как мелкая птичка в когтях ужасного кота. Сверху на мир пала призрачно-плотная тень, в кустах моментально затихли чирикающие и стрекочащие существа. Даже бесстрашные кузнечики умолкли, только в ближайшем болотце нагло и бесцеремонно квакала басом крупная жаба.

К копытам страшного коня от днища Багровой Звезды по наклонной устремился край багрового трапа.

Бобик ринулся в Маркус первым, Зайчик взбежал следом легко и красиво. Альбрехт молча послал коня на край багрового трапа, тот сразу сдвинулся с места и понес их в направлении дыры в днище.

Принцесса в ужасе закрыла глаза, а едва мы оказались внутри, я велел громко:

— Закрыть и к Солнечному городу!..

И умолк, старательно представляя вид дворца Германа сверху. Маркус неуловимо быстро сдвинулся, теперь я научился замечать эти переходы. Отверстие диафрагмы сократилось до темной точки и тут же стремительно расширилось снова, но уже не абсолютно круглое, а что-то в виде проема для ворот.

Внизу на самом краю моментально сформировался выступ багрового трапа, тут же двинулся, разрастаясь на глазах, под углом вниз.

Зайчик сделал шаг к краю и остановился. Вряд ли его что-то испугало, но отчетливо ощутил испуг седока. А мое сердце в самом деле почти остановилось от страха.

Маркус завис, едва ли не касаясь днищем высоких зданий императорского дворца Жемчужной империи. Трап показался мне бесконечной красной нитью, что протянулась к земле, ничем не поддерживаемая и чуть ли не раскачиваемая ветром.

В моих руках жалобно пропищало:

— Что... где мы? Неужели...

— Да, — ответил я мужественным голосом, сам почти замирая от страха, — уже как бы да... Не снимая сапог и даже не покидая седла. Зайчик...

Бобик понял по моему тону, что все-таки спускаемся, не могу же я при женщине показывать страх, бодро ринулся по наклонной полосе. Трап под ним вроде

бы не раскачивается и даже не трясется, я перевел дыхание, а Зайчик, все еще чувствуя мой страх, ступил на красную полосу с некоторой осторожностью.

Принцесса взглянула испуганно, я успел увидеть, как на лице отразилось счастье, затем страх и ужас от того, что конь идет почти по пустоте, а справа и слева бездна.

— Он... не упадет? — прошептала она мне в грудь.

— Кто? — спросил я мужественно, не позволяя голосу дрогнуть, — Мост?.. Нет, все просчитано. Для нас это запросто... С любых высот в любое место!

— А конь?

— Конь, — ответил я высокопарно и твердо, — почти так же надежен, как и я сам. Вы же чувствуете мою надежность?

— Нет, — ответила она, голосок ее перестал дрожать, — нет!

— А вот теперь обидно, — сказал я.

— Я рада, — прошептала она мстительно.

— Почему?

— Вы же меня обижаете.

Зайчик продолжал спускаться красиво и торжественно. Двор и даже сад моментально опустели, но я видел, как из-за штор выглядывают из всех окон. Только у главного здания остались гвардейцы охраны, ярко одетые и в серых коротких париках, остальных как ветром сдуло.

Сам начальник охраны с коротким мечом наголо сбежал по ступенькам и остановился шагах в пяти от края трапа.

Бобик проскользнул, как черная молния, по красной полосе, обежал вокруг главного стража, понюхал и сел рядом, доставая ему головой до плеча.

Когда до земли осталось не больше двадцати ярдов, принцесса осмелела настолько, что высунула голову из плаща, как бабочка из кокона.

Косые солнечные лучи победно заиграли на бриллиантах ее диадемы, и сама она вся засияла, как маленькое солнышко.

Начальник охраны охнул и, выпрямившись так, что я услышал хруст его позвонков, вскинул светящийся как молния меч в торжественном салюте.

Огромный черный конь, почти такой же пугающий, как и Адский Пес, с грохотом тяжелых копыт ступил на каменные плиты. Я оглянулся, Альбрехт послал коня вслед за моим без заметной спешки, но достаточно быстро, и когда тот оказался на каменных плитах обширной дворцовой площади, я сосредоточился и сказал внятно:

— Маркус, в стратосферу!

Для всех, кто расслышал, это прозвучало, как жуткое заклинание, однако над двором мгновенно стало светло. Я услышал, как даже у бравого гвардейца императора вырвался вздох облегчения.

Чудовищная громада Багровой Звезды Зла исчезла. Из дверей домов начали робко высовываться трепещущие придворные Германа.

Я покинул седло, принцесса открыла ротик, готовясь что-то спросить, но я властно снял ее обеими руками и поставил задними лапками на землю.

Она бросила на меня гневный взгляд, я что-то снова не то сделал, но изобразила милостивую улыбку и, повернувшись к начальнику охраны, прошебетала легким голоском:

— Ах, сэр Стаммлер, вы всегда на месте!

Тот посмотрел на Альбрехта в седле, а со мной учтиво раскланялся, хотя взгляд на меня бросил очень недобрый и прицельный.

— Ваше высочество... мы несказанно счастливы... мы просто безмерно... вы дома, наконец-то дома... и в мире снова светло и радостно!.. А мы не верили, но приказ есть приказ...

Я с иронией смотрел, как из зданий с суетливой то-ропливостью спешат придворные. Очень важно показаться на глаза внучке самого императора и первыми поприветствовать, как же, счастье-то какое им всем, вот прям без нее и жизнь не жизнь.

Альбрехт смотрел на все с высоты седла холодными глазами. В его взгляде нет даже любопытства, только скучающее выражение, этот двор уже видел, а сейчас лишь слегка любопытственно, однако не очень. Дескать, поглядим, что будет дальше.

Принцесса повернулась ко мне, сияющая и наконец-то поверившая, что все страхи позади, а она дома.

— Проводите, — поинтересовалась она, глядя снизу вверх, но стараясь смотреть все же свысока, — меня в главный зал?

Я кивнул на толпу спешащих.

— Вырвут из рук. Посему уступаю им эту честь.

Она моментально нахмурилась.

— Тогда я приказываю!

— Ого, — ответил я. — Принцесса, я как бы тоже прынец... потому мы равны. Никто никому приказывать не может... Ах да, вы хотите милостиво напомнить, что за вашей спиной всемогущий дедушка, гнева и немилости которого все должны страшиться..

Она начала было победно улыбаться, но я закончил совсем тихо:

— А за мной всего лишь Багровая Звезда, даже звездочка.

Ее улыбка сразу померкла, а щеки побелели. Невольно посмотрела в небо, но Маркуса не видно за ползущими с запада плотными тучами, снова перевела взгляд на меня.

Альбрехт посмотрел на меня с укором, да я и сам ощутил неловкость за недостойное бахвальство.

Из толпы придворных только двое подошли к нам без видимой издали боязни, Айфорс Молер, лорд-канцлер императора, и Пауль Лазиус.

Оба поклонились мне с предельной почтительностью, из-за чего принцесса сразу нахмурилась, самолюбивая девочка, могла заметить, что мне почести выше, чем ей, к тому же мне поклонились первому.

— Ваша Звездная Мощь, — проговорил Молер вздрагивающим от усердия голосом, — вы продолжаете выказывать нам благоволение своим появлением! Мы безмерно счастливы...

Лазиус станцевал сложное приветствие и картинно застыл в низком поклоне.

— Ваша Небесная Сила, — заговорил он быстро в прогипе, — мы даже не могли надеяться... Его величество уже изволили все приготовить к вашей встрече!.. Но никто не ждал такого скорого возвращения ее высочества!

— Ого, — сказал я с интересом, — Пауль, вас не бросили в темницу и даже не разжаловали в дворники?

Он ответил подобострастно счастливейшим голосом:

— Его величество оставили меня управляющим, как вы изволили назначить. За верность работе и за те скромные усилия, которые я по воле вашей милости успел сделать...

По лицу Молера я прочел, что император оставил Лазиуса больше как примиряющий нас жест, который сразу увижу и оценю, как только появлюсь. Квалификация старших и младших управляющих при такой конкуренции примерно равна, но мне должно быть приятно, что мои назначения остались в силе. Умный жест со стороны императора. Ничего ему не стоит, а мне такое весьма.

Я кивнул Молеру, дескать, понял и ценю жест императора.

— Доставьте ее высочество по назначению. Вот оно, ее высочество. А мы с герцогом Гуммельсбергом изволим пока осмотреть, какую каморку выделили мне...

Молер сказал поспешно:

— Ваша Звездность, вы делите с его величеством четвертый этаж главного дворца!

— Ого, — сказал я, — не подеремся в тесноте?

— Его величество, — сказал он торопливо, — занимает правую часть от лестницы, вы — левую. Количество и размеры помещений на обеих сторонах абсолютно одинаковы. Кстати, там можно разместить целую армию.

Я отмахнулся.

— Тащить коней на четвертый этаж? Не-ет, я животных жалею. Почти, как и людей.

Принцесса взглянула на меня с патетическим возмущением. Я улыбнулся ей, а Молеру сказал с иронией:

— Лучше отдайте вот этому ее высочеству, хотя оно какое-то коротенькое. А я, как солдат, могу и на сеновале. Конечно, с сеновальшей.

Он развел руками.

— Ваша Багровозвездность, ваш ранг не позволяет ни на ступеньку ниже, чем вам приготовлено... Прошу вас, мы все сейчас покажем!

Лазиус добавил:

— А ее высочество вернется в ее комнаты. Уверяю вас, это самое уютное место!

— Верю на слово, — ответил я. — Все равно принцесса меня туда и на порог не пустит.

Она фыркнула и, приняв руку Молера, величественно направилась ко входу во дворец. Навстречу все еще выплескиваются яркие, как цветы, придворные, в глазах зарябило от пестроты ярких светлых красок.

Все немедленно выстраиваются двумя шеренгами, на лицах живейшее любопытство, но, похоже, с ними уже поработали и объяснили, с учетом каких особенностей варварского менталитета нужно приветствовать и как приветствовать.

Я повернулся к Альбрехту, он все это время молчал и не двигался, стараясь вообще не привлекать к себе внимание, только внимательно смотрел и слушал.

— Пойдемте, герцог. Вам не кажется...

— Мне всегда кажется, — ответил Альбрехт, не дослушав, — и чаще всего это оправдывается. Сэр Ричард, будьте готовы.

— К бою?

— Да, — ответил он серьезно. — Схватки бывают не только на мечах и топорах.

— Да, — согласился я, — еще на копьях, моргенштернах...

— Вы знаете, о каких схватках речь, — прервал он. — Будьте подозрительнее. Обдумывайте как свои слова, так и того, с кем придется говорить. Держитесь важно, говорите медленно и торжественно, это позволяет быстро-быстро продумать, что вам сказали на самом деле и что нужно ответить, чтобы на пользу вам, а не собеседнику.

Глава 2

Толпа придворных перед нашими конями распахи-вается, как камыши перед двумя лосями. Гвардейцы вытягиваются в струнку и, как мне показалось, даже закрывают глаза, чтобы не видеть ужасного черного пса, тот огромными прыжками несется в их сторону, обогнав нас с Альбрехтом.

По всему двору и до самого входа карнавальная пестрота костюмов, словно груды роскошнейших цветов навалили в две широкие шеренги от самых ворот и до ступеней главного здания, придворные выстроились в два-три ряда с каждой стороны оставленного для нас прохода.

Альбрехт сказал тихо:

— Бобик распугает... Паника будет?

— Вряд ли, — ответил я с сожалением, — думаю, с населением уже поработали. Здесь же Лазиус, Рек-вильд и прочие сотрудники администрации.

Он кивнул.

— Да, я видел, Лазиус ему тайком таскал жареных гусей, покупал лояльность.

Я буркнул с неудовольствием:

— Везде этот толстый жрун умеет найти друзей.

Придворные с обеих сторон с непонятной опаской отступили еще шире, я даже не понял, что так, Альбрехт сказал тихо:

— Ваше величество, а не пройти ли по свежему воздуху?

— Да какой он свежий, — буркнул я, — от духов и притираний уже в голове дурь и просветление, а что будет в помещениях...

Но намек понял, соскочил на землю и, бросив повод в лицо ближайшему мужчине с роскошной черной шляпой с белой опушкой сверху, пошел, не оглядываясь, четко ступая по каменным плитам в сторону дворца.

Альбрехт небрежно подал повод одной из дам, но не случайной, как я заметил сразу, а статной красавице в розовом платье и в розовой шляпке с кокетливо загнутыми вверх с боков краями.

День солнечный, одни дамы с зонтиками, другие прячут аристократически бледные лица под широкими полями шляп с множеством цветов вокруг тульи. Часто-часто трепещут яркие веера, похожие на перламутровые крылья стрекоз, у многих на лицах обещающие улыбки, подведенные глаза блестят маняще и загадочно.

Альбрехт проговорил негромко, не меняя выражение лица:

— Вас встречает цвет двора. Хороший признак.

— Нас, — уточнил я. — Мое величество быстро смоется, а вас оставит разгребать всякое... добро и счастье.

— Нехорошо таскать каштаны из огня чужими руками.

— А зачем тогда императорство?

На ступенях снизу и до самой парадной двери толпятся рядами, словно хор ансамбля малых народностей, ярко и кричаще одетые сановники и наиболее знатные женщины.

Проход для нас совсем узкий, я сразу подумал, что легко достать стилетом под ребро или в спину, но продолжал милостиво улыбаться, будто это не я страшный властелин Багровой Звезды, а вот этот, что идет со мной рядом.

Почти у самого входа похожие на кукол дети с затейливо уложенными взрослыми прическами, а то и вовсе в париках, ждут с букетами цветов, а когда я приблизился, церемонно приседали и протягивали цветы.

Я взял у первой девочки, кивнул:

— Спасибо...

Она пропищала:

— К вашим услугам, ваше высочество!

Альбрехт едва слышно хмыкнул, тоже обратил внимание, все помнят, что прибыл всего лишь принц императорской мантии, вассал, хотя и очень могучий вассал.

Я с приветливо-равнодушным видом двигался сквозь строй радостных вроде бы лиц, под которыми кроется плохо скрытый ужас перед существом, что прибыло на Багровой Звезде Зла.

Целый строй роскошных дам, у двух на громадных шляпищах целые цветочные клумбы, представляю, какая нагрузка на шейные позвонки, хотя у обеих шей как у буйволов, крепкие женщины, только щеки на-малеваны красным чересчур, как у клоунов, а так даже весьма приятно смотреть на статных и породистых, аристократия еще не совсем выродилась.

Альбрехт приотстал на полшага, позволяя все внимание концентрировать на мне, а я продолжал двигаться сквозь строй, держа на лице благожелательную улыбку чудовища на отдыхе.

Церемониймейстер или кто тут ими дирижирует умело вкрапил в этих самых как бы лучших, что были с императором в подземельях, несколько человек из оставленных, эти нас не страшатся, улыбаются искренне, кланяются без натуги, тем самым задавая тон.

Но отличить тех от этих легко, дамы обмахиваются веерами слишком нервно, улыбки вымученные, а кто без веера, те вообще прижали кулачки к груди.

У двери шестеро гвардейцев, двое по обе стороны, еще двое на три шага впереди, и еще два самых рослых вообще загораживают дверь, но распорядитель им шепнул что-то, и оба поспешно отошли в толпу придворных.

Пауль Лазиус забежал вперед, подпрыгивая и пританцовывая, но я плохо понимаю хореографический язык пчел, а он после заключительного поклона сказал торопливо:

— Позвольте, покажу вам апартаменты!.. Отдохнете, а потом вас примет его величество император...

— Веди, — велел Альбрехт.

Лазиус бросил на меня вопросительный взгляд, я промолчал, и он послушно засеменил впереди, смешной и одновременно грациозный во всех ужимках и подпрыгиваниях дворцового этикета.

На четвертом этаже лакеи в коридоре одеты богаче иных принцев, рослые и прекрасные лицом и статью, так я и поверил, что они только лакеи, а в прихожей моих апартаментов роскошно одетые слуги торопливо

расставляют вазы с яркими цветами, при нашем появлении поспешно удалились.

У стен в ряд четыре молодые девушки в розовых и розово-синих платьях, держатся чопорно, но слишком миленькие, чтобы чопориться слишком долго. Альбрехт тоже понял сразу, кивнул в их сторону, я покачал головой, он преувеличенно грустно вздохнул.

При нашем приближении синхронно присели, скромно опустив взоры долу, так же замедленно поднялись.

Я кивнул, две остались на месте, а две пошли дальше в сторону распахнутой двери во внутренности покоев. У двери молча остановились, глядя выжидающе и с непроницаемо приветливыми лицами.

Альбрехт двигается тоже с величаво застывшим лицом, но по взгляду вижу, как ему все это осточертело, когда каждому жесту и движению придается некий важный смысл.

Из первого зала двери распахнули во внутренние покои, я хотел было переступить порог, но задержался, оглядывая апартаменты.

Великовато даже для пиров. Можно устраивать конные турниры сто на сто рыцарей, однако все пропитано изысканной роскошью, чувствую себя в картинной галерее лучших мастеров живописи и ваяния.

Впечатление такое, что император даже из своих кабинетов и спален велел перенести сюда самые ценные шедевры, чтобы я не ощущал себя ущемленным. Апартаменты личные, никто из его подданных не увидит, что мои комнаты богаче императорских, так что все в порядке, а на виду он — император Герман Третий, властелин земель таких-то и таких-то, а я всего лишь принц императорской мантии, властелин Ба-

гровой Звезды, а также император каких-то земель на той стороне океана в далеком мире, который вроде бы и не существует.

Альбрехт прошелся вдоль стен, поскреб ногтем статуи, подозревая позолоту, но нет, чистое золото, оставился.

— А что тогда у самого императора?

Я в неловкости пожал плечами.

— Подозреваю, что это были его.

— Что?.. Отдал вот так, не страшась придворных?

— Это личный этаж, — напомнил я. — Сюда никто не смеет подниматься, кроме самого императора. А мне таким образом старается как бы компенсировать...

Он снова прошелся по залу, трогая мебель, стены, рамы массивных картин.

— Как-то жутковато... Но привыкнуть можно. Человек ко всему привыкает. Вы тоже терпите, ваша Звезднокометность!.. Хотя, наверное, вас этим не удивишь?

Он спрашивал вроде бы невинным тоном, как бы вскользь, но подтекст ясен, я ответил так же невинно-отстраненно:

— Мы еще не то увидим, сэр Альбрехт!.. А не увидим готовое, сами забабахаем.

Он сказал со странным выражением:

— А я думал, наконец-то отдохнем...

— В таких апартаментах?

Он вздохнул.

— Хорошо, отдыхайте, если у вас получится, готовьтесь к разговору. А я пройду, пошпионю.

В дверь деликатно постучали, я крикнул громко:

— Открыто!

Дверь приоткрылась, в щель я рассмотрел только громадную голову в таком исполинском кудрявом сером парике, словно там целая овца, что сразу узнал и крикнул:

— Заходите, сэр Айфорс!.. Что вы там в коридоре?

Он приоткрыл шире, робко переступил порог и с грациозностью циркового слона учтиво, хоть и с трудом, поклонился.

— Ваше высочество... Так неловко, что вы не взяли своих слуг, а наши не знают ваших правил...

Я отмахнулся.

— Да ерунда. Я в походе, а в походе какие правила? Что-то случилось?

Он сказал с трепетной почтительностью:

— Мне велено передать, что вы сейчас отдохнете после трудной дороги, а завтра после завтрака его величество примет вас...

Я с сочувствием смотрел в его державное лицо крупного государственного деятеля, рожденного для трудной работы по управлению империей.

Даже одет хоть и ярко и с цветными лентами через плечо, где сияют звезды простые и хвостатые, все из золота, но с еще большей строгостью в одежде, чем при первой встрече.

Я рассматривал его с сочувствием, не сразу сообразил, почему на его лице появляется выражение озабоченности и даже тревоги.

— Все путем, сэр Айфорс, — ответил я благодушно. — Что это они не нашли лакея или парня помоложе?..

Он взглянул почти с испугом.

— Как можно, ваше высочество!.. Простого парня можно к простому человеку...

— Ага, — сказал я, — ну тогда ладно, все по протоколу?.. Передайте его величеству мою искреннюю благодарность. Как за апартаменты, так и вообще за радушие и гостеприимство. Буду ждать вызова от его величества.

— Приглашения, — уточнил он поспешно и с облегчением в глазах и даже в фигуре. — Вас пригласят, если вы не против, через полчаса после завтрака.

— Да, — согласился я. — Пусть уляжется в пузе. У вас тут по-прежнему хорошо кормят?

Он сдержанно улыбнулся.

— Наши повара постараются, ваше высочество. Полевому вождю должно понравиться.

Когда он удалился, Альбрехт проводил его взглядом, дверь наконец плотно захлопнулась, он сказал вполголоса:

— Чувствую, разговор будет нелегким.

— К сожалению, — признался я. — Император привык быть императором. Делиться властью могут мелкие вожди, но не птицы такого полета. И хотя я как бы вассал, но он все-таки реалист, иначе какой правитель? Эти великолепные апартаменты пожалованы не принцу императорской мантии, дорогой друг.

— Ну-ну? Давайте похвалите себя.

— Это как бы в благодарность, — пояснил я, — за избавление империи и всего населения от неминуемой гибели! Официальная версия.

Он кивнул.

— Неофициальную знаю. С сильным не борись и не задирайся. По возможности ублажай и льсти его дурному самолюбию. У вас оно дурное, верно?.. Но публика все равно должна верить во всемогущество императора. И что вам пожалован большой пряник за службу.

— А так все по-старому, — подтвердил я. — Для публики. Но теперь не только мы, но император тоже знает, мы наш, мы новый мир построим, как сказано в Библии, кто был ничем, тот станет всем...

Он кивнул, поднялся.

— Пойду пошпионю, как уже сказал. А вы соби-
райте мысли перед дипломатической дракой.

Едва он вышел в коридор, я сказал негромко:

— Карл-Антон, я чувствую вас. И почти вижу.

Глава 3

Под стеной медленно проявилась высокая фигура в длинном до пола плаще и в шляпе с высокой тульей. Чародей поднял голову, на лице проступила смущенная улыбка.

— Ваше величество, я видел, что замечаете, потому и последовал за вами. Раз уж вы могли остановить меня в любой момент.

Я спросил коротко:

— Как вам эти апартаменты?

Карл-Антон прошелся вдоль стен, я видел, как его лицо становится все озабоченнее.

— Опасность?

Он ответил с затруднением:

— Очень много магии... Сильной магии!.. Все здесь, даже стены...

Я предположил:

— Может, саморемонт и самообслуживание? Я слышал, дворец сам поддерживается в идеальном состоянии. Как-то подает воду на самый верх, освещает ночью, воздух постоянно теплый, а ветер в комнаты не задувает, даже если окна настеть...

— Эту магию и не учитываю, — сказал он, — но здесь каждое кресло пропитано магией!.. Зачем? А стол... взгляните на стол!

В той стороне зала словно осколки солнца горят во всем блеске, середину столешницы занимают с полдюжины высоких бокалов, наполненных оранжевым соком, а внизу отборные с такой же солнечной кожей апельсины. Штук пять уже разрезаны, внутри каждого тоже солнце, и только с самого края стола дюжина яблок, таких же солнечно-оранжевых, сок просвечивается сквозь тонкую шкурку, видны темные пятнышки зерен.

Я прислушался, где-то в фибрах предостерегающе пискнуло. Смертельной опасности не чувствую, но, как сказал Карл-Антон, сама магия пропитывает здесь все, даже ножки стола.

Он взглянул на меня с настороженностью.

— Ваше величество? Похоже, вы тоже что-то чувствуете... И вообще, какие-то особые планы есть?

Я пробормотал:

— Покажемся на людях, пусть увидят нас вместе с императором. Поработаем над общественным сознанием, утвердим и его положение, и мою легитимность. Простому народу крестьян и лордов необходима ясность. А потом вернемся к своей армии в Клонзейд.

— Часть вашей армии здесь, — напомнил он.

— Постепенно заберем, — пообещал я. — У нас впереди море великих дел.

Он взглядом указал на стол.

— А что с этим?

— Оставим до выяснения, — ответил я. — Мне лично нравится вон тот стол, что с золотыми ножками. А вам?

Он сказал понимающе:

— Еще бы.

Стол с золотыми ножками чуть поменьше, всего на дюжину человек, но нас двое, я с ходу начал заполнять столешницу яствами.

Карл-Антон взмолился:

— Ваше величество, довольно!.. Мы и половины не съедим.

— Человек должен иметь свободу выбора, — пояснил я. — Так велел Господь, дав нам свободу даже от него самого. А кто мы, чтобы спорить с самим Господом?

— Он мне нравится все больше, — ответил Карл-Антон. — Еще малость, и сам в него уверую. Но магию все-таки зря не тратьте. Вообще не понимаю, как это христианин и... магия!

— Я паладин, — напомнил я. — А паладинам дано некое... это не магия, а ближе к чудесам. А из этого источника восполняется очень быстро, ибо Господь всемогущ и во всем. Садитесь ближе, нужно и на виду быть сытыми и довольными.

— Это вам нужно, — уточнил он. — На виду я лучше останусь незримым. Так услышу больше, увижу то, что предпочитают скрыть... С вашего разрешения удалюсь вслед за герцогом... точнее, с той же целью. Послушаю, о чем говорят, постараюсь оценить ситуацию...

Я вздохнул.

— Действуйте. Завтрашний день будет нелегким, хоть и без драки. Хотя насчет драки кто знает...

Он поднялся и, по дороге к двери медленно истончаясь в незримника, словно превращаясь в быстро тающий пар, вышел в коридор.

Разговор с императором обещает быть не то чтобы нелегким, все ключевые моменты уже намечены в прошлый раз, сейчас только обсудить частности и договориться их придерживаться, но неловкость ситуации в том, что я выкручиваю императору руки, а я этого не люблю. Одно дело прикидываться Держимордой или унтером Пришебеевым, другое — быть ими. А придется. Здесь, как и везде, лучший аргумент — у кого меч длиннее.

В открытые окна доносится музыка, веселая, игриво-танцевальная, бездумная, создающая беспечное настроение. Счастливы здесь живут, когда все размерено и определено на века и тысячи лет.

Господь дал нам свободу воли даже от себя самого, чтобы мы сами отвечали за свои поступки, а Великие Маги дерзнули присвоить себе божественные функции и самим определять, как жить людям, чему радоваться и чего желать.

Только за одно это стоит их всех без пощады и жалости. Даже зверей можно жалеть, те не ведают добра и зла, врага можно помиловать и простить, но не магов. Маги — враги не отдельным людям, не странам или государствам, а всему роду человеческому.

Чувствуя, что вряд ли засну, слишком зол, и никому не признаешься, что не из-за бабы или потому что наступили на ногу, а из-за всего человечества дергаюсь, подумать только, я вышел на балкон и тихонько остановился у двери, стараясь не привлекать к себя внимания.

Между зданиями светло, как в солнечный день, только небо пугающе черное с множеством таинственно мерцающих звезд, да сами здания подсвечены

только до второго этажа, что значит, меня на балконе четвертого никто не видит.

Ну да, у придворных день только начался. Спят до обеда, потом завтракают неспешно, красятся, мужчины тоже красятся, пудрятся и даже губы красят, перемеряют одежды, размышляют, что надеть, а потом велят закладывать экипаж, чтобы отправиться в чей-то великосветский салон.

Самая высшая честь — присутствовать при дворе, так что никто из удостоенных этой чести не пропустит.

Везде яркие и очень разноцветные одежды, звучит бравурная музыка.

Одна из женщин показалась знакомой, хотя лицо почти все время скрыто шляпкой, но вокруг нее толпятся женщины, живо жестикулируют, что-то рассказывают, мило улыбаются и всячески стараются привлечь ее внимание.

Наконец она повернулась, я узнал по этому наивно-беззащитному жесту Сюзанну, сестру Герберги, невесты маркиза де Куртена.

Поколебавшись, я покинул кабинет и, бодро сбежав по лестнице с застывшими гвардейцами, вышел из здания.

Заметили меня моментально, хотя вряд ли потому, что ждали именно меня, но из главного дворца может выйти сам император, потому сразу качнулись широкой волной в мою сторону.

Я помахал рукой Сюзанне еще с крыльца. Она счастливо заулыбалась, бросилась ко мне, радостная и счастливая.

Я без церемоний сбежал по ступенькам, она только ухватила за края платья, но не успела присесть, как я обнял ее и чмокнул в лоб.

— Надеюсь, тебе здесь понравилось?

Она вскрикнула испуганно и застенчиво:

— Сэр Ричард, как такое может не понравиться?

По лицам окруживших нас видно, что сразу заметили и оценили и мое объятие, и отеческий поцелуй, и то, что она назвала меня сэром Ричардом, а не полным титулом.

Я с нежностью смотрел в ее чистое ясное лицо, понимая, что теперь не просто окружена заботой дам императорского двора, а плотно окутана так, что и шелохнуться трудно.

Всем нужно знать, в каких она отношениях с властелином Багровой Звезды Зла, а если не в отношениях, то как к такому грозному человеку встать поближе...

И конечно же, никогда у нее не было столько знатных и как бы преданных подруг, что появились моментально, как только стало известно, что ее привел лично Ричард, тот самый, который.

Дорогой маркиз де Куртен, сказал я мысленно, спи спокойно. Твоя невеста успела найти себе мужа, а ее сестра, более достойная, чтобы стать твоей женой, вырвана из лап негодяев и теперь счастлива.

Она застенчиво высвободилась из моих объятий, глаза сияют, прошептала благодарным голосом:

— Спасибо за все, что сделали.

— Пустяки, — ответил я и добавил многозначительно, — если чё, обращайтесь.

Понятно, что больше обращаться не станет, постесняется, но как эта брошенная мною как бы вскользь фраза повысит к ней жгучий интерес! А насколько больше у нее станет якобы преданных подруг, друзей, связей...

Прошел через пахнущую всеми видами духов толпу, мужчины и женщины в предельно ярких и нарядных костюмах, мужчин от женщин отличаю издали только по голым ногам в белых чулках от колен и до черных туфель.

В одной группе, где преимущественно мужчины, произошло движение, все повернулись в мою сторону, а двое сразу решительно направились, как я понял, ко мне.

Один из них Айфорс Молер, лорд-канцлер, с ним мужчина повыше, помоложе, пахнуло чем-то военным, хотя густо напудрено все лицо и даже брови, однако легкая синева проступает на чисто выбритом подбородке и над верхней губой. Что странно, у такого жгучего брюнета парик сияет первозданной белизной, словно тайный агент Клонзейда забыл сменить на серый или рыжий, пусть даже на черный, но белых здесь пока еще не носят. Правда, парик без буклей, а в привычных плотно посаженных крупных локонах, нашитых каждый по отдельности на шапочку из плотной материи.

Задыхаясь и часто постукивая в мраморные плиты посохом, Молер заспешил наперерез, издали сорвал шляпу и торопливо поклонился, величавый и державный.

— Ваше высочество!

Я остановился, Молер жестом отодвинул напудренного брюнета и устремил на меня вопрошающий взгляд.

— Говорите, — разрешил я.

Он заговорил торопливо:

— Я от имени всей канцелярии его величества и всего двора благодарю вашу Звездность!

Я отмахнулся.

— Вы о филигонах? Да их одной левой. Растоптали и забыли.

Краем глаза я заметил, что напудренный брюнет, что с повадками военного, решительно остановил любопытных, а Молер взял меня деликатно двумя пальчиками за локоть, отвел в сторону и сказал тихо, но очень серьезно:

— Ваша Звездность, мы благодарны за все. И за спасение, и за вашу... позицию. Об этом вслух не говорят, но заметно по тихим разговорам, взглядам, жестам... При дворе особо оценили ваш великодушный жест... я имею в виду в отношении императора...

Я пожал плечами.

— Великодушный? Ничего такого за собой не заметил.

Он посмотрел по сторонам, еще больше понизил голос:

— Простите, Ваша Небесность, для вас это как бы... а вот наши все думали, что вы еще и камней над входом в пещеру, куда забрался император, добавьте побольше!

— Ого, — сказал я. — Мудрые у вас тут все.

Он сказал просительно:

— Но это было бы так естественно! Даже убивать бы не пришлось. Просто император и все его люди ушли в глубины земли и... ушли. Империя ваша!

Я ощутил, что эту стену полного непонимания не пробью, надо что-то адекватное, Молер все пытается увидеть какие-то скрытые мотивы, политики иначе видят мир, а я все еще не совсем политик и ответил с надлежащей грубоватостью:

— У меня империя на Севере!.. Там единственная и неповторимая. И намного, уж простите, богаче... А еще в десять раз громаднее... Нет уж, сэр Айфорс, меня власть не интересует. Я больше маг, чем император, но я северный маг, а у нас нет башен и нет Кодекса невмешательства в дела людей. Потому повторяю для вас особо: император от меня в полной безопасности!.. Более того, если кто на него попрет, защищу.

Он радостно округлил глаза, как-то подчеркнуто радостно.

— Даже так?

— Именно, — подтвердил я и добавил с брезгливостью: — А зачем мне какие-то нелепые войны, дворцовые перевороты, мятежи?.. Это отвлекает от обеда!

— Ваша Звездная Мощь...

— Идите, идите, — разрешил я.

Он поклонился и отступил, а я сделал не больше десятка шагов, как из-за двух грузных вельмож поперек себя шире вышел Альбрехт, я с укором покачал головой, мол, следишь, негодяй, а он приблизился словно бы невзначай и сказал тихонько:

— Здорово вы его...

— Обидел? — спросил я.

— Нет, показали, кто в доме хозяин.

— Имеете в виду империю?

Он хмыкнул.

— В доме? В деревне!

— А с чего он так? — поинтересовался я. — Здесь никто пальцем не шевельнет без дальней цели. И ничто, как я понимаю, не делается без воли императора.

— Может быть, — предположил он, — он выполнял не такое уж и прямое поручение императора. Подчи-

ненные должны угадывать, что нужно их властелину. А он заверил от имени всего двора, что вам рады. Остальное как бы вскользь.

— Будем надеяться, — ответил я с сомнением. — Хотя кому-то очень не понравится. Ладно, кончайте за мной присматривать, а то не сделаете то, что обещали!.. Идите, герцог, идите!

Женщины, приветливо улыбаясь, поворачиваются ко мне и приседают в поклонах, кончиками пальцев растопыривая платья, хотя при таком обилии материи и так не увижу размеры их жоп, это узнается только после долгого обольщения и соблазнения, что должно распалить аппетит, как аперитив перед роскошным обедом.

У всех такие прически, что смотрю, как на пышные торты именинниц, столько муки, клея и сахара, что недостает только свечей, но здесь такие все, потому хоть и смотрю, как на дур, но на самом деле весь мир дурной, одно утешает, раньше был совсем идиотский...

Глава 4

Бесцельно блуждая, словно броуновская частица, я ловил обрывки разговоров, всматривался в лица, стараясь уловить общее настроение, двор императора все-таки хороший индикатор самочувствия общества, но все выглядят глупо беспечными и радостными.

Дворец в прошлый раз не так уж изучил, но сработала идеальная память, вспомнил закоулки, прошел через пару длинных коридоров, чтобы выйти на другую сторону двора, и в конце второго почти наткнулся на медленно бредущую навстречу молодую девушку,

настолько солнечную, ясную и светлую, с сияюще-золотыми волосами и дивным оттенком алости, что остановился и засмотрелся помимо воли.

Одета по моде, но без вычурности, личико чистое, глаза желто-зеленые, чуточку подрисованы сверху и снизу красным, губы тоже алые, пухлые, верхняя губа чуточку вздернута, но не капризно, а так, как у детей.

Что сразу бросилось в глаза, так это алмазная диадема, даже не диадема, а тиара, прижимающая волосы солнечного цвета. Смотрится однако не как корона, а просто украшение, но что-то в ней говорит, что не просто украшение, а настоящая корона принцессы, то ли королевская, то ли императорская, при дворе Германа принцесс должно быть не меньше, чем уток во дворе зажиточного хозяина.

На меня взглянула без страха, словно живет в ином мире, приседать не стала, я тоже не стал, мы же равны, она поинтересовалась тихим мягким голосом:

— Вы и есть тот властелин Багровой Звезды, свирепый и могучий захватчик? Что будете делать с нами и нашим императором?

Я спросил с неудовольствием, не с этого хотел бы начинать разговор:

— А я что-то должен?

— Ну да, — ответила она с искренним убеждением. — Вы же мужчина!.. Разве потерпите, чтобы кто-то был сильнее вас?

— А вот потерплю, — ответил я сердито. — Конечно, он не умнее, это же понятно, умнее всех на свете я, а еще и красивее, только мир этого не понимает, но император сильнее, это пусть, не жалко.

— Совсем не жалко?

— Самую чуточку, — пояснил я. — Но стерплю. Я вообще терпимец еще тот, толерантный и мультикультурный терпимец. Правда, в глубине своей чуткой мохнатой души, потому что государь не может быть терпимым к проявлению инакомыслия, но, увы, должен, из-за чего и страдает непомерно.

Она посмотрела с недоверием.

— Непохоже, чтобы вы страдали.

— Я скрываю от подданных, — сообщил я с печалью, — чтобы не страдали в унисон, ибо государство — это я. Представляете страдающее государство?.. Вот и я не представляю. Потому должен. Вы уже готовы меня утешать всячески?

— Всячески... это как?

— Ублажать, — пояснил я. — Потакать моим грязным животным инстинктам. По полной программе.

Она поморщилась от неожиданной грубости, опять же вроде бы непритворно, слишком чистая и солнечная душа в туфельках.

— Фи, как вульгарно. Конечно же не стану...

Я сказал бодро:

— Как жаль, как жаль!.. Ухожу с разбитым сердцем и великой печалью в моей отзывчивой душе.

Она смотрела вслед с удивлением, что-то я слишком быстро сдался, у придворных кавалеров всегда начинается длинная изысканная охота с множеством двусмысленных намеков, а я удалился быстрым упругим шагом, а то вдруг успеет сориентироваться и сказать или сделать то, что ей мягко подсказали, подготавливая все службы к моему визиту.

Остался только быстро испаряющийся осадок. Я говорил нарочито грубо, выбирая слова, нужные мне, потому сумел закончить в мою пользу, то есть

позорно убежал с поля боя, на котором обязательно бы проиграл.

А душа у меня в самом деле отзывчивая. Теперь уже могу отозвать взад как великую печаль, так и скорбь, если того требуют государственные интересы.

Вышел в сад, фонари и фонарики упрятаны даже в кронах деревьев, так что ночь совсем не ночь, пусть небо темное, но внизу все залито почти солнечным светом.

Из разных углов сада звучит музыка, томная и располагающая, придворные начали попадаться чаще, но уже вижу, большинство для антуража, чтобы не заметил тех, кто подготовлен и нацелен, как мощная торпеда на авианосец.

Вообще-то нацелены все, даже та солнечная девушка с короной принцессы, только большинство сами, но среди них могу не заметить тех, кто нацелен тайными службами. Не с целью вульгарного покушения, хотя и это исключать не стоит, мужчин моего возраста обычно ловят на женщин.

Здесь всё еще не знают моих предпочтений, будут пробовать разные варианты, начиная от задеирования самых высокопоставленных красоток, знатных и титулованных, и заканчивая смазливymi служанками.

Но я помню фразу Наполеона «Любовь для праздного человека — занятие, для воина — развлечение, для государя — подводный камень», а я далеко не все умные фразы пропускаю мимо ушей.

Сделав небольшой круг по саду, вернулся в здание, где, отвечая на поклоны, поднялся на четвертый этаж. За все время еще дважды видел вдаль Альбрехта, все же следит и за мной, оберегает, но ни разу не уловил присутствия Карла-Антонa.

Когда в своих апартаментах я стянул через голову рубашку и швырнул на спинку ближайшего кресла, распахнулась входная дверь, из коридора вошел Альбрехт, очень серьезный и подтянутый даже в несерьезном цветном костюме придворного шеголя.

— Не спешите, — сказал он и, взглянув на мою мускулатуру, добавил сухо, — жирком пока что не обросли, а мышцы у вас как у циркового бойца.

— Качался, — ответил я скромно, но не стал объяснять, что такое кач. — А что случилось?

— В городе слишком много войск, — ответил он. — Позвольте сесть?

— Да-да, — ответил я поспешно. — Вина?

— Не откажусь, — сказал он. — В горле пересохло. Так вот, хотя в столице полный штиль, это еще мы поработали, но войска продолжают подходить к столице. Кроме той гвардии, что была с императором, сейчас прибывают еще и еще.

— Опасается беспорядков?

Он покачал головой.

— Для подавления беспорядков достаточно остатков императорской гвардии. К тому же наши отряды контролируют город и обеспечивают спокойствие.

Я нахмурился, Альбрехт взял фужер с вином и выпил, не отрываясь. Я мысленно перебирал варианты, зачем императору это надобно, но в голову лезли только мысли насчет перехвата власти.

— Император, — произнес Альбрехт, он медленно поставил фужер на столешницу, я моментально наполнил до краев снова, — император нас не потерпит. Мы всегда будем угрозой его власти. Потому он должен нас уничтожить.

— А как же угроза Багровой Звезды Зла?

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— А не думаете, что он вам не поверил?..

— Что, — переспросил я, — я выгляжу настолько гуманистом и человеколюбом?

— Ничуть, — заверил он, — однако его разведка на Севере могла собрать о вас совсем другие сведения. Как ни странно, но на Севере мораль человечнее. У нас не принято убивать невинных. Подумайте!

Я подумал, и стало еще горше.

— Бабетта, — сказал я с сердцем. — Она сделала зарисовку моего характера, привычек, пристрастий, оценку моих поступков... и все то, что где-то называется психологическим портретом.

Он взглянул на фужер, там снова вино, отпил уже на треть, подержал в руке, любуясь янтарно-золотистым цветом.

— И что, — спросил он, не глядя на меня, — на портрете нюхаете цветочки?

— Наверняка, — заверил я. — Это тот образ, который я стараюсь создать в глазах окружающих. Не скажу, что раскрываюсь в постели с женщинами. Скорее, наоборот. Расстегивая штаны, я застегиваю душу. Бабетта могла не обмануться... но могла и поверить.

— И сообщить императору?

— Да. А он на основании неверно сделанных выводов может наломать дров.

— Потому ему придется ответить резко и жестко?

— Да, — подтвердил я. Что-то в груди начало камнеть, словно сильное обезболивающее парализовало все нервы, я без всякого ужаса вдруг ощутил, что в самом деле могу отдать приказ нанести испепеляющий город удар. — Да, могу. Если придется, слишком долго колебаться и говорить о слезинке ребенка не стану.

Он вздохнул, отпил еще треть. Некоторое время мы пили, не закусывая, настроение препаршивейшее, он сказал с неохотой:

— Возможно, это на него давит окружение. Дескать, негоже, чтобы на императора кто-то оказывал влияние из чужаков.

— Завтра узнаем, — сказал я.

Утром, еще не раскрывая глаз, подумал с иронией, что сейчас советники Германа все еще ломают головы, на какой козе подъехать, если не получилось подложить мне в постель ни одну из женщин, что вообще-то самый простой вариант и самый работающий.

А какие были соблазны!.. Особенно та удивительно нежная девушка с солнечными волосами и тиарой принцессы. Как же умело рассчитали мои передвижения и сумели выдвинуть ее в такой момент!

Но это говорит еще и о том, что меня, такого простака, просчитать легче, чем мне их.

Но прав Наполеон, прав. Для государственного деятеля это что рифы для корабля. А я капитану остороженько. Ну, как получается. Хотя вообще-то получается.

К моему вялому удивлению, у двери с этой стороны на стульчике уже сидит Альбрехт, красивый и привычно нарядный. Правда, по моде Клонзейда, инстинктивно чувствует ее преимущества.

На скрип моего ложа тут же, не вставая, поднял голову.

— Сэр Ричард, проснулись?.. Или еще поспите?

— Я всем вам посплю, — пригрозил я хриплым голосом. — Мы разве спать прибыли в этот спящий мир?

— Мы всех разбудим, — заверил он бодро. — Войнами и пожарами. Сегодня у вас встреча с императором?.. Как-то оденетесь иначе?

— Императоры Севера выше правил, — ответил я. — И этикета, что придуман людьми, а не Богом. Разве я не прекрасен?.. То-то. Императоры всегда прекрасны. Да и вообще... чего это вы Хрурта подменяете? Он обидится. А я наябедничаю.

Он поднялся, на ходу повел плечами.

— Здесь императорам и даже королям прислуживают обладатели самых высоких титулов. Просто демонстрирую сближение Севера и Юга.

— В штаны и сам могу влезть, — сообщил я и шумно потянул носом, Альбрехт взглянул с предостережением, но я все равно сказал весело и беспечно: — Герцог, от вас прет духами!

Он буркнул:

— Это я поинтересовался, что у них такое в склянках. Пролил несколько капель. Нечаянно!

— Духи женские, — сказал я уличающе.

— Перепутал, — ответил он с холодком.

Я одевался быстро, северянам слуги в этом деле не нужны, сказал отечески:

— Когда же успеваете? Вчера от меня ушли за полночь, а сейчас уже свеженький, как огурчик. Амулеты?.. Мало я вам даю работы, вот и ходите от безделья по бабам. Как получилось?

Он проговорил с неохотой:

— Здесь придают слишком большое значение мелочам.

— И, — сказал я поощряюще, — на какой попались?

Он взглянул с прежним холодком.

— Вообще-то попадаться в их дикарско-пышном мире нетрудно. Помните, когда покинул седло, то бросил повод кому-то из придворных...

— Не кому-то, — уточнил я ехидно, — а одной весьма аппетитной даме. Вы видели, кому бросаете! Да и не бросили, а вручили чуть ли не с поклоном.

— Пусть так, — ответил он, — я же человек вежливый, не император, которому сойдет любое хамство. Но я вручил всего лишь ремешок от конской узды!

— Ну-ну, — сказал я, — а это не то же самое, что нечаянно оброненный дамой перед вами платочек?

Он вздохнул, взглянул почти с отвращением.

— А предупредить не могли?..

— Да ладно, — сказал я, — не скромничайте, герцог. Дама выглядела весьма так... и вообще в теле. Вы еще не знали, что делаете, а инстинкты все рассчитали на несколько дней, точнее, ночей вперед, вплоть до того, кто у нее будет, мальчик или девочка и с каким цветом глаз.

Он дернулся.

— Я вас чаще всего не понимаю, сэр Ричард. Такое несете... Но дама оказалась в самом деле заботливой. Даже разбудила вовремя, хотя ей подобные спят до обеда. Просто не обожаю, когда инициативу перехватывают.

— Вы слишком важная и таинственная персона, — объяснил я, — чтобы упустить из рук такой шанс! Я же видел, вашего коня потянулись ухватить и другие руки. Это вроде свадебного букета, что бросает невеста... У вас не бросают? Дикари... Ладно, что удалось от вашей дамы узнать из важного? Сядьте, мы сейчас позавтракаем, как люди, а их церемонный пропустим.

Глава 5

Он прошел вслед за мной к столу, я кивком указал на кресло. Он опустился, прямой и собранный, застегнутый на все пуговицы и подпоясанный местным широким ремнем из кожи оранжевого цвета с множеством блестящих камешков.

— В основном, — ответил он таким же собранным голосом, — все стараются разузнать наши планы, намерения, даже поползновения. Конечно, я пытался в первую очередь узнать их истинное отношение к нам, однако как-то преуспел не очень... Станный какой-то народ, скажу вам. Даже спасению от Багровой Звезды порадовались как-то слишком... вяло. И тут же вроде забыли, что мир изменился.

— И что никогда не будет прежним, — добавил я.

Он сказал тихо:

— Кто знает... Предположим, им как-то удастся от нас избавиться. Неважно как. Думаете, что-то изменится?

Я подумал, покачал головой.

— Нет. Это статичная цивилизация. Миллионы лет могут быть на этом уровне. Только острая необходимость порождает и двигает прогресс. А здесь все потребности общества удовлетворены.

Он кивнул, я быстро создал по куску жареного мяса, блинчики с творогом и сразу же по фужеру красного вина. Мы мужчины, нам пускать пыль в глаза разнообразием просто неприлично.

— Образ жизни их здорово подпортил, — согласился я. — Как о близкой гибели старались не думать, так и теперь не задумываются, как жить дальше. Про-

сто живут! Как коровы в сарае. Герцог, мясо можете брать руками, как у нас принято.

— Я уже наловчился ножом и вилкой, — сообщил он. — Знаете ли, удобно. Сарай, надо признаться, роскошнейшие. Хотите выгнать из такого хлева в ночь на холод и ветер?

Я огрызнулся:

— Нас Господь вообще откуда выгнал?.. Чтобы не жили, как вот эти живут, а сами ручками-ручками!.. Какое отношение к нашим отрядам?

— А никакое, — ответил он с тем же выражением. — Они знают только свой напудренный мир. Наши люди где-то в самом низу социальной лестницы, до общения с ними даже не снисходят. И не замечают, как, к примеру, свою же городскую охрану, что пугает мелких воришек.

— Зачем воровать? — буркнул я. — Все зажиточны в равной мере... Разве что романтики, что презирают грошевый уют. Но я предпочел бы мир, где преступности куда больше, зато чтоб была движуха...

Он опустил на стол пустой фужер, вздохнул.

— Чудесное вино! Сам бы пошел в паладины, если бы не ваши обязанности.

— Еще бокальчик?

— Спасибо, довольно, — сказал он с сожалением. — Не знаю, не знаю, но здесь как будто подавлено и такое прекрасное человеческое свойство, как навредить соседу! Не знаю, как они без этого живут, если преступные деяния у нас в натуре со времен Каина и Авеля? А то и раньше?

Я отмахнулся.

— Ладно. Дождемся вызова к императору. Не думаю, что попытка захватить нас будет во время раз-

говора. Возможно, это имитация активных действий, чтобы припугнуть и склонить нас быть сговорчивее. В идеале хорошо бы закрепить договоренности на бумаге и прыгнуть в Клонзейд. Сейчас важнее отыскать, куда ушел Скагеррак. Если у нас сорвется в Клонзейде, то сорвется по-крупному. Скагеррак не этот размагниченный Герман.

Он сказал жестким голосом:

— На этот раз не смерехлюндичаем. А то уж показалось, ваши интересы теперь еще и здесь.

— Вам чудится, — ответил я, — будто стараюсь удержать два арбуза в одной ладони?

— Похоже, — согласился он.

— Мне тоже, — ответил я. — Потому отсюда переносу свой штаб и ставку Верховного. В Клонзейд. Точнее, в Волсингсбор. Займем весь дворец Скагеррака.

— Уже твердо?

— Да, — ответил я. — С Германом в общих чертах решено, хоть и не подписано. Это если не считать подковерных движений.

— Слава богу.

— В общих чертах, — напомнил я. — Шероховатости будут. Но в целом, да, а вот в Клонзейде разойдемся во всю дурь.

— Что с тамошним императором? Как и здесь?

Я покачал головой.

— Там тоже буду принцем? Или императором, а Скагеррака низведу в принцы?.. Не стоит, мы же с Севера, люди простые и грубые, решения у нас тоже должны быть куда уж проще...

— Наконец-то, — согласился он.

— Нет, — возразил я, — это слишком грубо. Мы варвары, но не дикари пещерные!

— Не нравится, — сказал он, — что забегаю вперед? Так и здесь могут чересчур предвосхищать волю императора, о чем он даже не знает... Ладно, они пусть, если мы в Клонзейде. Но, как понимаю, империю Германа совсем уж выпускать из рук не желаете?.. Не думаете как-то укрепиться...

— Например?

— Ну, династический брак... Неужели отказываетесь даже от императорских дочерей?.. Или, ладно, внушек?

Я ответил, понизив голос:

— Сэр Альбрехт, после того, что мы совершили... будет много желающих отблагодарить нас мелкой монетой.

— Мелкой? — переспросил он. — Вообще-то да, за спасение мира любые награды как-то мелковаты. А что, по-вашему, крупные?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— А они все мелкие, сэр Альбрехт. Все. И любые. Так что самое правильное решение...

— Не принимать никаких?

Я кивнул.

— Точно. Пусть лучше будут в вечном долгу, чем приму мелкую монету, и этим со мной рассчитаются.

Он покрутил головой.

— Хитро. Но мудро. К счастью, нам, вашим соратникам, принимать награды не возбраняется. Перед вами они все равно в долгу!.. а как планируете подстегнуть прогресс?

— Уже придумал, — сообщил я.

В дверь робко постучали, Альбрехт поднялся, прежде чем я успел ответить, быстро подошел к двери и распахнул, едва не ударив тяжелой створкой в лоб почтительно кланявшегося господина в сильно напудренном парике.

— Стучать следует громче, — сказал он строго. — Когда его величество сэр Ричард поэт, он даже себя не слышит.

Господин торопливо поклонился.

— Адриан Скророронг, заведующий личной канцелярией его императорского величества. Если будет угодно, я со всей почтительностью и уважением провожу принца Ричарда в кабинет его величества.

Я поднялся из-за стола, Альбрехт отступил, давая мне дорогу.

— Угодно, — сказал я. — Сэр Альбрехт, пойдете со мной?.. Для поддержки?

— Вам не нужна поддержка, — сообщил он. — Да и вообще важные разговоры всегда один на один, а сейчас вам надо собраться. Думаю, император уже выслушал всех своих советников...

— Вы стоите их всех, — сказал я. — Ладно, нагуляйте аппетит перед обедом... Господин Скророронг, выступаем.

Скророронг повел меня в правую половину здания, у главной лестницы четверо гвардейцев, но все с правой стороны, лишнее напоминание, что там уже императорская половина и что она под охраной.

У всех четверых мощные амулеты под одеждой, теперь я это умею видеть издали, даже могу сказать, у кого на цепочке на груди, у кого в виде браслета на запястье, у кого на бицепсе.

У всех лица, как вырезаны из камня, никто не шелохнулся, хотя чувствую, как напрягаются, когда мимо идет властелин Багровой Звезды Зла.

Секретарь остановился у хорошо знакомой мне двери императорских апартаментов, там я успел измять постель и оставить кое-какие свои следы, но сейчас прислушался к себе и не ощутил ни горечи, ни злорадства, вообще ничего.

Лакеи распахнули передо мной двери, я шагнул через порог. У массивного стола император разговаривает вполголоса с осанистым вельможей, но, увидев меня, кивнул ему, тот сразу же поспешил к двери, где обогнул меня по широкой дуге и торопливо выскользнул в коридор.

Дверь за ним захлопнулась, император повернулся ко мне, уже в роскошном камзоле, конечно же, золотистого оттенка, с голубой и розовой лентами через плечо, украшения из жемчуга и бриллиантов неприлично крупного размера, белоснежные манжеты, начиная от локтей, и в роскошнейшей треугольной шляпе оранжевого цвета, обрамленной роскошнейшим пухом.

— Прошу вас, сэр Ричард, — сказал он и широким жестом указал на кресло у стола.

Я неспешно опустился на мягкое сиденье.

Он сел в такое же кресло на своей стороне стола, я уловил, как с заметным облегчением перевел дыхание. Шляпу так и не снял, то ли забыл, то ли это что-то означает. Тем более, что я с непокрытой головой.

— Вы же понимаете, — произнес он значительно, — ритуалы в самом деле крайне... необходимы. И чем выше статус, тем важнее каждая мелочь. Любые нарушения протокола воспринимаются крайне болез-

ненно и становятся предметом долгих обсуждений. Спасибо, ваше величество, за важную уступку!

— Ради мира на земле, — сказал я равнодушно и ощутил желание зевнуть, — ради спокойствия и предсказуемости...

Не удержал пасть, зевнул все-таки, император сделал вид, что не обратил внимания на бестактность высшей пробы, мне можно, я же варвар, да еще с Севра.

— Несмотря, — сказал он осторожно, — на неприятный и тягостный инцидент при первой встрече.

Я ответил сухо:

— Прогресс не без жертв. Но с обеих сторон погибли не зря. Тем самым предотвратили гораздо большие разрушения. Я имею в виду, если бы... вы успели в город. Если кто-то думает, что я пощадил бы столицу ради ее мирных жителей, тот здорово ошибается. Мы на Севере сжигали целые города и без всякой Багровой Звезды.

Он слегка наклонил голову, взгляд исподлобья мне очень не понравился.

— Полагаете, хоть получилось и не совсем мирно, но все-таки удалось снять вопросы, что возникли бы позже?

— Да, — подтвердил я. — Множество нехороших вопросов. А так сразу видна и наша мощь, и нежелание поступаться своими интересами или принципами. Всякий в империи и при дворе видит, мы способны и на большее. Когда в руках молоток, все похоже на гвозди.

Его лицо напряглось, а во взгляде вслед за тревогой проступил страх.

— Это не одного меня тревожит, ваше величество.

— С этим придется жить, — сказал я с лицемерным сочувствием. — Но вам не привыкать, верно?.. Жили же как-то под властью Великих Магов?..

Лицо его не изменилось, а ответил с той искренностью, что даже я не уловил фальши:

— Великие Маги не вмешиваются. Их вообще как-то не замечают. Но они тоже вскоре выйдут... Страшно и подумать, что случится.

— А что случится? — полюбопытствовал я.

Он взглянул в упор, взгляд показался колючим и прицельным.

— Полагаете, допустят, чтобы вы взяли власть?

— Думаю, да, — сказал я, — допустят. Точнее, возражать просто не решатся.

Он не сводил с меня испытующего взгляда.

— Ваша уверенность... на чем-то основана?

— Маркус здесь бывал не однажды, — напомнил я со всевозможной любезностью. — И что сделали ваши Великие Маги? Попытались лучше других?

Он со вздохом уронил голову.

— Да, это так... Но при моем дворе возникло твердое убеждение, что вам как-то повезло. Или же Маркус сам подчинился. Меня в этом уверяют со всех сторон и говорят, что скоро ваша власть рухнет.

Взгляд его был осторожный, но пытливый. Я ответил со всей показной искренностью:

— Пусть и сами в это верят. А пока ждут нашего краха, им не стоит что-то предпринимать самим. Мы же варвары, ответим жестко. К старости я стану жалостливым и мягким, но сейчас я зол и готов отвечать быстро и резко.

— Я приложу все усилия, — заверил он. — Я всегда избегал конфликтов. Как в обществе, так и... вообще.

— Проигравшие, — напомнил я, — всегда находят тысячи причин для оправдания своего проигрыша... Но пока Маркус у нас, пусть лучше ведут себя прилично. Мы, северные варвары, люди бедные, но гордые. Наше достоинство лучше не задевать. Что делать, дела чести очень деликатные... Можем ответить не по разуму, как стараемся делать мы, императоры, а как простые честные люди.

В кабинет заглянул человек в элегантной ливрее имперского лакея, в белом парике и весь донельзя вышколенный, замер в позе ожидания.

— Да, — ответил император, — подавайте.

Он поклонился, отступил, и дверь захлопнулась снова.

— Время обеда? — спросил я.

Он мягко улыбнулся.

— Нет, просто промочим горло, а еще чуть перекусим. Чуть-чуть. Чтобы голова работала. Вы не против?

— Я даже помогу, — ответил я.

— Ваше величество? — спросил он в недоумении.

Я не ответил, уже начал создавать самые совершенные и уникальные фужеры, какие только видел на выставке истории венецианского стекла от средневековья и до наших дней, когда хайтек позволил создавать вообще чудеса.

Император охнул и застыл, а я наполнил фужеры шампанским, затем уже в быстром темпе создал изящные тарелочки с пирожными и сладостями всевозможного размера и оттенков.

Он вздрогнул и взял фужер с вином, но с такой осторожностью, словно поднимает что-то чрезвычайно хрупкое, хотя вообще-то такой с виду почти воздушный сосудик не разбить и ударом молота.

— Ваше здоровье, — сказал я, стараясь, чтобы в голосе не звучало торжество, и, чуть приподняв фужер в знак приветствия, отпил большой глоток.

Его губы коснулись края фужера, почти незримого, если бы не двойная полоска золота по ободку и не золотые орлы на выпуклых краях. Однако страха я не видел в его лице, только удивление и осторожность, однако глоток все же сделал, затем еще один...

Прикидывайся, подумал я беззлобно, прикидывайся. Не может быть, чтобы Бабетта не донесла о таких моих возможностях.

Глава 6

Двери распахнулись, вошел тот же имперский лакей, за ним еще двое толкают изящно выполненную из чего-то наподобие слоновой кости широкую тележку, уставленную кувшинами с вином, массивными чашами из золота и блюдами с едой.

Император посмотрел на меня, я сказал с виноватой улыбкой:

— Мы люди военные, все делаем быстро.

Вошедшие остановились, обалдело глядя на уже накрытый стол. И хотя места вроде бы хватит, чтобы сгрузить на него все, что привезли, но, похоже, и сами ощутили, что тяжеловесная роскошь привезенного заметно уступает той роскоши более высокого порядка, что уже перед императором.

Я посматривал на Германа, а он сделал им нетерпеливый жест.

— В другой раз.

Они послушно развернулись и уехали так же торжественно, и не делая ни одного лишнего движения.

Когда двери за ними захлопнулись, император сделал еще глоток и, не выпуская фужера из ладони, сказал тихо:

— Бабетта рассказывала, я верил... но с трудом. И все время думал, что преувеличивает. Наверное, это помогло вам захватить Багровую Звезду?

Я с улыбкой посмотрел ему в глаза.

— Ваше величество, с вашего позволения я не буду раскрывать вам свои тайны и возможности. Скажу только, что Маркус не только под моим контролем, но и предан мне. И будет уничтожать всех, кто попытается нечто насчет несанкционированного доступа...

Он вздрогнул.

— Ваше величество?

— Кто попытается в него проникнуть, — пояснил я, — в расчете на то, что Багровую Звезду захватить легко, будет уничтожен. Но это так естественно, не находите?.. Кстати, для Маркуса все равно, кто попытается сунуться, крестьянин, император или Высший Маг. От любого останется легкий неароматный дымок... А то и его не останется, Маркус это умеет. Возьмите это пирожное, ваше величество! Вы не представляете, сколько поколений кондитеров сменилось, прежде чем научились создавать такое совершенство вкуса и стиля.

Он машинально взял двумя пальцами хрупкое пирожное, но взгляд обшаривал мое лицо. Я старался держаться невозмутимо, но вряд ли это получилось, мальчишеское бахвальство живет в каждом, и сколько его не дави, всегда старается прорваться сквозь удушающий гнет на свободу, чтобы там каркнуть во все воронье горло.

— Дивное вино, — проговорил он медленно, — дивные лакомства... Это все на Севере?

— Так ли это важно? — ответил я. — Мы сейчас обсуждаем, как я понял, вопрос разграничения полномочий центра и субъектов. Нет, это слишком выспренно... просто взаимоотношения. Взаимоотношения власти, моей и вашей.

Он подзадержался с ответом, по его лицу улавливаю, что наши личные взаимоотношения тоже очень важны, влияют и на власть, и на политику, и на все остальное, но смолчал, трюизмов лучше избегать на таком уровне общения.

— И вот эти лакомства, — сказал я и сотворил в хрустальной вазочке изысканнейшее мороженое шариками. — Это наше, так сказать, северное, для нас снег нечто родное.

Он попробовал серебряной ложечкой шарик в тонкой шоколадной оболочке, на миг зажмурил глаза в наслаждении, но когда распахнул их, сказал очень трезвым голосом:

— Вы маг, ваше величество. Я все-таки верю, что это помогло захватить Багровую Звезду. Не так ли?

— Я бы не сказал, — уточнил я, — что получилось с помощью магии. Просто у нас хватило отваги, мужества и готовности отдать жизни. Кстати, у вас, как вижу, магией пропитано здесь все. Даже стены!

Он ответил с некоторой неохотой:

— Магов нет даже у императоров. А то, что появляется с предложением услуг, обычно нечто очень слабое. Да и они находятся при дворе королей или императоров до тех пор, пока о их появлении не узнают Высшие Маги.

Я кивнул.

— Отбирают?

— Забирают к себе, — уточнил он. — Не только потому, что даже Высшим нужны ученики и помощники...

Он снова сделал паузу, я продолжил только для того, чтобы он видел, насколько это все элементарно для понимания:

— А чтобы не нарушалось равновесие на уровне простого люда.

Он сказал с невеселой гримасой:

— Императоры для них тоже простой люд. Как и крестьяне.

Я поглядывал на него изучающе, поинтересовался, понизив голос:

— Ваше величество... а не потому ли вы мною заинтересовались, что ощутили достойного противника магам?

Он запнулся, прямой вопрос не столько смутил, как нарушил плавность доводов, ответил с вынужденной усмешкой:

— Ваш титул Защитника Веры побудил вас ревностно бороться против остатков магии там на Севере. И хотя северные маги почти не обладают мощью, но все же ваши успехи впечатляют.

Я впери́л в него прямой взгляд.

— Хотите устранить своих противников?

Он сказал поспешно и с каким-то испугом:

— Что вы, я так далеко зайти даже не мечтаю. Но вот ослабить их хватку на собственном горле какому бы императору не хотелось?

Я вздохнул.

— Ваше Величество... а если скажу, что в моих планах ни малейшего желания воевать с Великими Магами? Даже не знаю, чем они заняты!..

— Но это вторая власть, — сказал он торопливо. — Вообще-то, даже первая, как ни стыдно в этом признаваться императору!

— Ваше величество, — произнес я твердо. — Как вы хорошо знаете, я паладин. А паладин всегда на стороне справедливости. В этом его отличие от рыцаря, который всегда верен своему сюзерену, какой бы тот сволочью ни стал. Потому, ваше величество, я всегда готов поржать над нравственностью, чистотой и верой, но на самом деле в глубине своей мохнатой звериной души все же как бы слегка исповедую и придерживаюсь этих невыгодных простому существу ценностей... потому что с ними я лучше и чище, чем я есть.

Он слушал внимательно, мне даже показалось, что понял что-то, хотя в таких случаях сам себя понимаю плохо, у меня ж не доводы, а мычание души, говорить она вообще не пробовала, дура набитая.

— Значит, — проговорил он колеблющимся голосом, — вы хотите все тщательно обдумать?... Я понимаю, на Юге все для вас внове, нужно всмотреться, вникнуть...

Мне почудилась в его голосе покровительственная нотка, почему-то ощутил себя задетым, а кто смеет задевать такого могущественного, сильного и тем самым мудрого, и возразил раньше, чем уловил провокационную нотку:

— Не так уж и все ново, ваше величество. Не только вы засылаете шпионов на Север. Я как-то заскочил к вам по дороге... в королевство Гессен, если не изменяет память. Посмотрел, порезвился, заскучал и поехал себе дальше...

Он откинулся на спинку кресла и некоторое время смотрел на меня остановившимися глазами.

— Королевство Гессен, — произнес он, — на окраине моей империи... но мне подробно доложили о случившемся там. Правда, с опозданием на полгода.

— Да ничего особенного, — ответил я скромно, — что достойно ваших высоких ушей императора. Я чуточку наладил там экономику, погулял малость и вернулся. Работать надо! Мужчины вообще-то рождаются для работы, а не развлечений. У вас в империи, как я заметил, считают иначе?

Он медленно покачал головой.

— Порезвились самую малость?.. С той поры королевство без Великого Мага!

— Разве? — спросил я.

Он сказал быстро:

— Да-да, по упорным слухам, победивший Великого Мага Гатонеса бродит среди народа неузнанным! Но выказал такую силу, что никто из магов не смеет даже пробовать утвердиться там! Это единственное королевство, где нет Башни Мага, что вообще-то не башни, а неслыханно укрепленные крепости.

— Не такие уж и укрепленные, — ответил я небрежно, хотя во внутренностях появился холод, когда вспомнил, какой тяжелой ценой досталась та первая победа. — Да еще неслыханно...

— Да-да, — сказал он торопливо, — вы после победы еще и саму гору, на которой была крепость, снесли до основания!

— Пожелание простого народа, — ответил я и уточнил: — моих простых как бы воинов. Нет, моих как бы простых, хотя все мы уникальные в глазах Господа, о котором у вас здесь и не слыхали?

Он бледно улыбнулся.

— Слыхали.

— Но не больше?

Он ответил тихо:

— Ваше величество, я чувствую необходимость каких-то изменений. Этим частично объясняется мой несколько болезненный интерес к вашей личности.

Дверь приоткрылась, заглянул Айфорс Молер, сказал плачущим голосом:

— Ваше величество, мне нет прощения, но королевство Блюфорсия заявило, что выходит из вашей империи!.. Это срочно!

Я перевел взгляд на императора, тот напрягся, а через секунду сказал сдавленным голосом:

— Погодите минутку. Ваше высочество...

Я прервал:

— Закончим в другой раз?

Он сказал виновато:

— Если вы не против, то сегодня и продолжим. Я отвлекусь на пару часов, вопрос в самом деле чрезвычайный. Прошу прощения...

Я поднялся, сказал легко:

— Да пустяки, я же понимаю, меры нужны срочные. Поговорим перед ужином. Или после. Нас ничто не торопит!

Он со вздохом развел руками, я направился к двери, а мимо меня к императору проскочил лорд-канцлер, непривычно суетливый при всей его солидности и величавости.

Глава 7

От меня, такого молодого и красивого, ожидается, что не утерплю без хвастовства своим могуществом, потому, чтобы верили, будто видят северного варвара

насквозь, из императорского кабинета отправился не в свои апартаменты, а спустился по парадной лестнице в общий зал.

Там с двух сторон звучит приторно-сладкая музыка, две пары танцующих церемонно вышагивают к центру, эти кукольно-механические движения здесь считаются танцами. С полсотни особо приближенных к императору сидят группками вдоль стен, одни играют в карты, другие просто сплетничают, дамы картинно улыбаются и бросают хитрые взгляды на мужчин, показывая им, насколько те абсолютно не интересны.

Я моментально усмотрел в одной из групп весело щебечущих женщин Клариссию. Отвести взгляд не успел, она обернулась, легкое и воздушное существо, полное несказанного очарования, так светло и чисто улыбнулась мне издали, что в моей мохнатой и заскорузлой душе потеплело, еще чуть, и растает верхушка моего материкового айсберга.

Я поклонился так же издали, повернулся в сторону выхода, но через пару минут за спиной прозвенел ее чистый детский голосок:

— Принц, куда же вы?

Я повернулся, она спешит ко мне, обеими руками приподнимая пышное платье, длинный подол волочится за нею, как хвост самки павлина. Две хорошенькие и миленькие фрейлины едва поспевают за нею, тоже приподнимая по бокам платья.

— Э-э, — проговорил я, — принцесса... Простите, я не думал, что это мне...

— Вы здесь единственный принц, — сказала она обвиняюще.

— Да? — переспросил я. — Все такие нарядные... К тому же я разве не вор и вожак шайки разбойников?

— Меня уже переубедили, — заявила она.

— Жалеете?

Она взглянула в изумлении.

— С чего бы?

— Разбойник, — пояснил я, — это всегда так романтично. Почему все придурки и мечтают быть разбойниками, пиратами, флибустьерами, что песенки поют... И они презирают туфли.

— Как вот вы, — сказала она и перевела взгляд на мои сапоги. — Но у принца преимуществ больше.

— Вот так, — пробормотал я. — Потому мы на «вы» и со всеми церемониями?.. Печалька, раньше было так романтично и волнительно... Ну да ладно. Надеюсь, за ваше отсутствие ваши игрушки не поломали и не продали? Наверняка все дорогие, ювелирные?

Она покосилась по сторонам, придворные вроде бы держатся в сторонке и не прислушиваются, но я вижу, как у всех удлиняются уши.

— Ваше высочество, — сказала она и вдруг чуточку покраснела, — боюсь, я вас чем-то обидела.

— Ничем, — заверил я. — Общение с вами было лучшими минутами в моей жизни!

— Ой, — сказала она, — как это приятно...

— А мне приятно, что вам приятно.

— Принц, — сказала она, — я не хочу разговаривать на выходе из зала, а мне так многое хочется у вас узнать.

— Ничего, — ответил я, — столкнемся как-нибудь и во дворе. Не в этой жизни, так в следующей.

Ее щеки заалели ярче, и, вдруг решившись, она почти выпалила:

— Вы гость, и я, как хозяйка, приглашаю вас навестить меня в моих покоях!

Я запнулся с ответом, она стоит передо мной вся пунцовая, кроме щек заалела даже шея, а в глазах что-то похожее на страх за свое безрассудство и такое серьезное нарушение придворного этикета.

— Ваше высочество, — проговорил я осторожно, — у нас установились хорошие, хоть и странноватые отношения. Не хочется их портить.

Она взглянула с удивлением.

— Вы считаете, что оказанная вам честь как-то вас испортит?

— Ваши покои, — пояснил я. — Там есть койка, да? Ну пусть даже нет, но есть диваны... Да ладно, пусть даже их не увижу, но не утерплю и сладострастно изнасилую вас хоть на обеденном столе. Или на письменном. Хотя на письменном вряд ли, откуда у вас письменный? Не принцессе дело читать и писать.

Она отшатнулась, лицо напряглось. Я ждал взрыва гнева, не может не разгневаться, но пересилила себя и произнесла почти ровным голосом:

— Вы настолько... солдат?

— Я не родился во дворце, — пояснил я. — Уже знаете, полевой вождь. У солдатского костра уж точно провел времени больше, чем на балах и маскарадах. Если скажу, что я девственник, даже вы не поверите.

Она произнесла с усилием:

— И все же рискну.

— Пригласить в свое гнездышко?

— Да...

— Почему?

Она гордо выпрямилась.

— Чтобы показать, как вы тяжело ошиблись, утверждая, что не позволю переступить порог своих апартаментов!

— А-а-а, — протянул я, — ну разве для того, чтобы ткнуть меня мордой... Тогда это относительно безопасно...

Она полуобернулась и сделала повелительный жест в сторону фрейлин. Те сразу замедлили шаг, начали отставать, а когда мы поднимались на второй этаж, шли уже как будто сами по себе.

В коридоре второго этажа у стен ярко одетые лакеи застыли, как деревянные изваяния. Принцесса подошла к богато отделанной серебром двери, двое слуг моментально распахнули, открылся роскошный и ярко освещенный зал.

Фрейлины остановились в коридоре, а я шагнул за принцессой в ее покои, но дверь оставил открытой, как того требуют приличия.

Огромное роскошное зеркало на полстены в круглой массивной раме из серебра и золота с вычурным орнаментом. В зале чистота и порядок, несмотря на дикое количество мебели, сундуков, столиков, ваз с цветами, и только зеркало больше чем на половину затянуто серой неопрятной паутиной с седыми свисающими космами пыли.

Она перехватила мой взгляд, грустно улыбнулась.

— Ах да, у вас на Севере таких нет?.. Ваше высочество, эту паутину не убрать. Раньше умели, а теперь все позабыто.

— А что тут трудного?

Она ответила с неловкостью за мою тупость:

— Ваше высочество, паутина с той стороны.

— А протереть с той стороны?

— Простите... но... с той стороны отражения.

— Ух ты, — сказал я. — Тогда это не просто зеркало? Может, портал?

— Простите, — что такое портал?

— Неважно, — сказал я великодушно. — В каждом королевстве свои названия. Или у вас более унифицировано?..

— Я не понимаю северного языка...

Я отмахнулся.

— Принцесса, а император знает, что я здесь... в ваших покоях?

Она на краткий миг запнулась, но я теперь такие моменты замечаю моментально, ответила очень искренним голосом:

— Нет, конечно, я и не думала вас приглашать... а потом как-то само...

— Ясно, — ответил я, хотя, конечно, совсем не ясно, пусть и говорит правду, но император с его колоссальным опытом общения с людьми мог заранее просчитать ее простенькие все еще детские желания и даже движения, так что лучше исходить из того, что знает. И, возможно, как-то даже косвенно сумел подсказать ей насчет того, чтобы попыталась меня заинтересовать.

Если клюну, он, понимая, что видит и мои подспудные мотивы, постарается просчитать, что делать дальше в интересах империи, исходя из моих телодвижений.

Она внимательно следила за моим лицом.

— Что-то случилось, ваше высочество?

— Хуже, ваше высочество, — заметил я. — А как было просто, когда на «ты»! Когда я был всего лишь только вором, которого вы потом подняли до главаря банды...

Она виновато улыбнулась, даже чуть присела в полупоклоне.

— Прошу прощения, ваше высочество. Даже, ваше величество, как вас там у себя зовут. Но вы в самом деле необычны...

— В вашем мире, — уточнил я. — А в моем таких, как я, больше, чем гусей в богатой усадьбе.

— Не верю, — возразила она. — Вы человек необычный!

Я спросил с иронией:

— И не страшно пригласить такого вот, вожака разбойников, в свою спальню?

Ее щеки чуть заалели, бросила беспомощный взгляд в сторону дальней стены, близь которой раскинулось роскошное ложе под высоким балдахином из голубой ткани.

— Здесь не спальня!

— Когда такие мелочи останавливали солдат, — заявил я нагло. — Ладно, вашу спальню осматривать не буду, и не просите, и не уговаривайте...

Она бросила на меня озадаченный взгляд, а я сел за стол. Принцесса молчит, а пошел с козырного туза, что так впечатляет женщин: создал изящнейшие фужеры из безумного тонкого стекла и украшенного рисунками из золота, а сверху двумя полосками, а то не заметишь края и хряпнешься зубами.

Она затаила дыхание, хотя уже видела, как я делал в прошлый раз, когда вломился к Джонатану Кавендишу, королевскому магу второго допуска.

Я наполнил фужеры шампанским, расставил по столешнице нежнейшие пирожные, восточные сладости и прочую хрень, на которую так падки женщины, да и мы тоже, хоть и не показываем вида.

— Перед тем, — сказал я, — как потащите меня в койку, нужно перекусить, потом будет некогда. Что, вам не нравится шампанское?

Она осторожно взяла фужер, пригубила чуть, пузырьки стремительно поднимаются со дна и стенок вверх, такие же блестящие, как глаза принцессы, подпрыгивают, красиво лопаясь и брызгая мельчайшими капельками ей на нос.

— Оно красивое, — ответила она зачарованно.

— Женский ответ, — заметил я.

— А какой мужской?

— Наверное, — ответил я, — насчет недостаточной крепости... Лопайте пирожные. А то ваш дед скажет, что спаиваю малолетку в гнусных целях соращения несовершеннолетней.

Ее щеки заалели сильнее, но удержалась от ответа, и только когда справилась с первым пирожным, проговорила прежним детским голоском:

— Он не дед... Дед — это дряхлый старик, а он сильный, отважный и мудрый император.

— А что насчет отца? — перебил я. — Я варвар, да еще северный, что всем варварам варвар, мне спрашивать можно все, я по натуре бестактен, грубый и любопытный, что прикрываю любознательностью.

Ее взгляд потускнел, даже голову опустила, из груди вырвался легкий вздох.

— Он в изгнании, — ответила едва слышно. — Дурные люди подбили на попытку захвата власти. Дескать, отец уже стар, а он молод и силен, готов править мудро.

— Понятно, — сказал я. — Парижские тайны мадридского двора, это сплошь да рядом в вашем развращенном мире... Вот эти пирожные подсластят горечь, а глоток вина заставит ее забыть вовсе.

Она машинально взяла другой фужер с темно-красным вином, взглянула в удивлении.

— Мне такое пить еще не разрешают!

— Тогда не пейте, — ответил я мирно. — Старших нужно слушаться.

На ее милом личике отразилось колебание, то ли не пить, то ли заявить, что уже взрослая, но осторожность пересилила, сказала рассудительно:

— Да, старших слушаться надо.

Здесь был и очень далекий намек на то, что я тоже старший, и напоминание, что она вот такая послушная, потому, поколебавшись и все еще выжидая, что я скажу, вдруг да разрешу выпить хоть полбокала, но я придвинул ей хрустальную вазочку с сахарным печеньем, что просто тает во рту.

— Тогда вот это. Детям можно.

— Благодарю вас, — произнесла она церемонно. — Вы очень любезны.

— Я такой, — сказал я хвастливо. — Не сразу за пазуху, а сперва комплимент, а уже потом за афедрон... Мы солдаты, люди простые и честные, не говорим, а делаем!.. И вот этот изумительный зефир в шоколаде, здесь такого нет. Как бы эксклюзив, хоть и не знаю, что это за слово такое красивое, как петух с вот таким хвостом, как шляпа у сэра Молера.

Она поглядывала на меня боязливо, а я неспешно смаковал красное вино, рассматривал ее с удовольствием, чистую и нежную, но уже знающую какие-то обязанности члена императорской семьи, а еще то, что эти обязанности превыше всего на свете.

Вино сладкое и слегка терпкое, хорошо-то как чувствовать себя умудренным рядом с таким птенчиком, которого даже со всеми его хитростями видишь как на ладони.

Император явно дал ей какие-то инструкции, наверняка не прямые, а как бы вскользь, предостерегающе, что вот с мужчинами нужно быть поосторожнее, они такие, хитрые, только и думают, как воспользоваться девичьей невинностью, но в то же время мог и намекнуть, что этим можно воспользоваться, в свою очередь, самой в интересах империи... Или это объяснили женщины из его окружения, подготавливающие к великой миссии быть принцессой, а то и императрицей, от каждого слова которой будет так много зависеть даже в делах государства.

Она все чаще поглядывала с некоторым испугом и ожиданием во взгляде, наконец поинтересовалась несколько трусливо:

— Что-то не так?

— Все хорошо, — ответил я успокаивающе, — наслаждаюсь вашим обществом, принцесса. Вы просто чудо какой дивный цветок!..

Она робко улыбнулась.

— Я впервые принимаю мужчину в своих покоях, потому чувствую себя так неловко...

— Вы принимаете друга, — заверил я. — Вы же помните, как мы с вами познакомились?

Ее щеки запылали алым румянцем, а в глазах заблестели веселые огоньки.

— Ой, мне так стыдно, что вам наговорила... Но слишком уж все как-то было не так... В Клонзейде, как и везде, все смирились с близкой гибелью и уговаривали друг друга держаться достойно, ведь никто не выживет... И вдруг вы, такой, такой...

— Наглый?

— Необычный, — уточнила она. — Вы необычный принц. Потому и я с вами так необычно и в нарушение всех-всех протоколов...

Я пожал плечами, глядя в ее ясные чистые глаза юной девушки-ребенка.

— Не страдайте. Возможно, по нашим северным протоколам поступаете идеально верно.

Она взглянула испуганно и с надеждой во взгляде.

— Правда?

— У нас жесткие правила для собак, — пояснил я, — лошадей и овец, а люди свободны. Наш протокол прост: не делай другим то, что не хотел бы, чтобы сделали с тобой. Все остальные законы и правила, как говорят в народе, лишь умствования и толкования тех людей, кому заняться больше нечем... Спасибо, ваше высочество, за прием. Не смею больше задерживаться. Хотя этого времени достаточно, чтобы вас изнасиловать, но, надеюсь, ваши фрейлины, заглядывающие в дверь, подтвердят, что этого не было.

Я поднялся, поклонился и, отвесив как можно более почтительный поклон, быстрыми шагами направился к двери.

Фрейлины успели отскочить вовремя, давая мне дорогу, даже вообще сделали вид, что не следили за каждым нашим движением. Я взглянул на обеих с иронией, обе синхронно покраснели, а я пошел по коридору быстрыми шагами, чувствуя, что совершил подвиг.

Еще минута, и уже не смог бы сопротивляться очарованию ее чистоты, доверия и редкого обаяния. Уже протянул было загребушие, чтобы заключить в объятия, прижать к груди, точно не будет противиться...

Но император, император... Как все просчитал! Правда, я малость подыграл, но остальные действовали как бы по своей воле, даже принцесса наверняка уверена, что сама так восхотела.

Возможно, конечно, император посоветовал заинтересовать меня сближением с его двором, его семьей и вообще привязать покрепче, но вряд ли вдавался в детали. Впрочем, его поощрения могло оказаться достаточно, чтобы переступила сразу кучу строжайших запретов, в том числе и тот, что мужчин в свои покои не приглашают даже в присутствии наблюдающих фрейлин.

Глава 8

В ожидании Альбрехта или хотя бы исчезнувшего Карла-Антоня прошелся по предоставленным мне апартаментам. Целый ряд помпезных залов, где можно разыгрывать пьесы античных авторов или шекспиров, везде изыск, блеск, богатство и роскошь уверенной в себе власти.

Хотя, признаться, это довольно умело заползает под кожу, начинаешь чувствовать себя комфортнее, чем в суровом быту наших северных королевств.

— Надо держаться, — напомнил я себе шепотом, — помнишь, не вылезал из качалки? Тяжко было, зато потом...

В самом конце обыскал роскошнейшую ванную комнату, не комнату, а зал с двумя бассейнами и пятью ваннами, начиная от одноместной, хотя и весьма просторной, и вплоть до сооружения человек на семь.

Я прошелся по диагонали, рассматривая и хмыкая с презрением цивилизованного человека, который

мыться не любит, и вообще знает, что мыться вредно, защитная пленка смывается, организм теряет защиту от бактерий.

Из стены над каждой ванной торчат по две трубы, даже не трубы, а произведения искусства: длинношеие драконы из серебра и золота, пасти распахнуты, готовые ударить струями воды, в глазах блестят крупные рубины, каждая деталь выполнена с удивительным и никому не нужным в таком месте изяществом.

В просторной комнате непонятного назначения послышались шаги, на пороге появился сэр Альбрехт, уже успевший сменить одежду, согласно моде, по которой придворные меняют ее хотя бы пару раз в день.

— Меня впустили, — сообщил он, — сказали, принц осматривает свои апартаменты. Ну и как, принц?

— Быть принцем неплохо, — сообщил я. — Есть некоторые преимущества.

— Какие?

— Скоро узнаете, — пообещал я.

Он отшатнулся.

— Что-о?

— Расту я, — сказал я зловещим голосом, — растут и мои соратники. Был в наших краях один орел, своих маршалов королями поставил!.. Все норм. Его уже не стало, а они правили, потом их дети, внуки, целые династии! Герой ушел, но дело его живет, вот что важно.

Он указал кивком на роскошные ванны.

— Сэр Ричард, вы решили помыться?.. Что-то случилось?

— С чего бы я стал мыться? — спросил я оскорбленно. — Водой грехи не смоешь.

— Тогда что?

Я кивнул на краны.

— Один для горячей, другой для холодной. Все остальное непонятно.

— Сэр Ричард?

— Стена, — объяснил я. — Это же внешняя. Пусть толстая, массивная, но внутри не разместить котельную.

Он в недоумении сдвинул плечами.

— Что непонятного? Магия...

— Магия, — сказал я с безнадежной злостью. — Самый простой вопрос, сразу снимающий все вопросы! Чертова магия, что делает жизнь такой приятной и беззаботной. Даже над такой мелочью думать не надо! Знай, разрабатывай новые способы обольщения женщин...

— Да, — согласился он, — способы больно изощренные. Зачем?

Я сел на край ванны, кончиками пальцев дотянулся до поверхности воды, теплая и пахнет цветами из сада.

— А чем еще заняться? Как не гаси инициативность, она ищет выхода. Правда, большинство сдаются легко и с удовольствием. Когда-то у нас в такой же роскоши жили всякие там людовики, а потом рассвирепевший народ потащил их на эшафот вместе с антуанеттами!.. Но у нас народ прозябал в нищете, а здесь хоть и не купается в богатстве, но и не прозябает!.. Ни голода, ни засухи, ни-че-го!.. Я имею в виду ничего такого, что подтолкнуло бы работать больше, придумывать, искать способы защиты... а еще лучше — нападения. Потому все останется в таком виде, как есть...

— Ваше величество?

— Я к тому, — объяснил я, — что когда эти в прошлый раз вышли из пещер в дикий и разоренный мир, то лет за сто-двести полностью восстановили все, что

было раньше. А раньше было, как вот сейчас!.. И пять тысяч лет без изменений. Сиди вот так в теплой воде, все хорошо, даже вылезать не захочется.

Он смотрел на меня пытливо.

— Это плохо?

Я вздохнул.

— Герцог, в вас я тоже бьюсь лбом, как в стену. Представьте себе, что Маркус больше не будет прилетать и уничтожать жизнь на земле...

— Представить легко, — ответил он с самодовольством победителя. — Мы молодцы!

— И тогда, — сказал я мертвым голосом, — жизнь будет продолжаться вот так тысячи и десятки тысяч лет. Даже миллион, если Господь позволит такое непотребство и не сотрет народ, не оправдавший возложенной на него задачи. Всемирным потопом от упавшего в океан астероида или всемирным огнем, если тот бомбанет в материк и проломит кору до ядра или хотя бы магмы.

Он посмотрел на меня несколько странно.

— А какая возложена задача?

Я огрызнулся:

— Откуда мне знать? Неисповедимы пути Господа!.. Но ясно вижу, лимит времени истекает. Уже созданы Господом астероиды-убийцы, уже поднесен запал к Солнцу, уже готовы вспыхнуть ближайшие звезды, что испепелят не только Землю и ее окрестности, но и само Солнце...

Он вздрогнул, зябко повел плечами.

— У меня от ваших пророчеств мороз по коже!.. Прямо Видение Страшного Суда. Что за страшные видения?.. И как предотвратить, если час Страшного Суда близок?

Я сказал с болью:

— Разбудить народ!.. Человек живет только тогда, когда страдает, борется, преодолевает... а здесь все только существуют. Потому нужно...

Я запнулся, подбирая точные слова, а он сказал холодным и четким голосом, словно несколько раз ударил молотом по наковальне:

— Пора звать отца Дитриха.

Я ответил с мукой:

— Как же хреново делать то, что надо, а не то, что хочется!.. Но вы правы, герцог. На днях отправлюсь за отцом Дитрихом и армией священников.

— Придется созвать из всех королевств империи, — ответил он и уточнил деловито. — От вашей, но можно и от империи Вильгельма Блистательного, его священники должны быть рады нести Слово Божье в дикие туземные страны. И вообще можно монахов мобилизовать. Здесь каждое герцогство с наши королевства! Народу как муравьев в запущенном огороде.

— Священники дадут цель, — сказал я. — Даже не цель, а Цель!.. И по-своему объяснят, что настал час не страданий, а испытаний, посланных Господом, что нас любит, как отец детей, и в тоже время по-отечески готовит к великим свершениям.

Он покачал головой.

— Народ будет бунтовать.

— Разбунтуем, — отрезал я.

— Как неразумных своих или как противника?

Я сказал жестко:

— Если малой кровью избежим полной гибели, то какие мерехлюндизмы? Разве хирурги не вырезают опухоль, спасая жизнь?

Его лицо мрачнело, на меня посматривал с тревогой и сочувствием.

— Не хотел бы я узреть видения, — произнес он, — которые Господь посылает вам. Но я с вами, сэр Ричард. Какими бы абсурдными ни казались ваши решения, но что-то зрите в мраке грядущих времен. А лучше видеть, чем жить с закрытыми глазами... Император что-то сказал важное?

Я покачал головой.

— Прервался под благовидным предлогом на размышлизмы.

— Чем-то поставили его в затруднительную позу?

Я поднялся, повел плечами, разминая спину.

— Надо пройтись хотя бы по залам. Теперь, когда император здесь, как народ к нам?

— Я пока не заметил, — обронил он.

В его голосе прозвучало некоторое сомнение, словно не доверял самому себе, вышел со мной молча.

Гвардейцы в коридоре тут же сдвинулись, закрывая спинами дверь в покои. На всем протяжении пути до лестницы с потолка падает мягкий рассеянный свет, хотя ни ламп, ни свечей, широкий длинный туннель света, а там у лестницы словно солнце горит под сводом, и четверо неподвижных гвардейцев императора охраняют вход на его половину.

Альбрехт сказал рядом:

— Здесь магия не только в таких мелочах, как свет без свечей... На ней держится, если присмотреться, очень многое. Даже, как вы говорите, зиждется. Мы до сих пор не знаем, сколь много, и что может рухнуть, если взять и запретить...

Я подумал, кивнул.

— Вы правы, дорогой герцог.

Гвардейцы встретили нас настороженными взглядами, всегда готовые к схватке, а когда мы пошли вниз по ступенькам, я долгое время чувствовал, как рассматривают нас со спины.

Альбрехт сказал недовольно:

— Да что вы меня все этим герцогством шпыняете?.. Я уже почти привык. Только еще не понял, какой герцог.

— Подберем титул покрасивше, — пообещал я. — А магией у нас заниматься будет можно... с разрешения Моего Величества! В переходной период. И в пределах. Ежовых рамках, так сказать.

— Каких именно?

— Решим, — пообещал я. — Дело новое, решать будем в каждом отдельном случае. Или отрасли. Сразу можно установить базовый принцип: что народ может делать без помощи магии — обязаны делать без всякой магии!.. Да-да, ручками-ручками, проливая пот, ибо сказал Господь, в поте лица будете выращивать хлеб...

На третьем этаже охраны уже нет, только неподвижные лакеи у стен, рослые и статные, в ливреях и париках, но все-таки чувствуется, военная форма сидела на их плечах совсем недавно.

— Добывать хлеб, — уточнил Альбрехт, он тоже заметил, судя по его виду, что здесь за лакеи. — Там записано, добывать. Ибо каменщик тоже зарабатывает на хлеб в поте лица, хоть и не выращивает его лично на своем поле.

— Верно, — сказал я с одобрением. — Хотите в ректоры университета, сэр Альбрехт?.. Что вы так дергаетесь, когда-то эта должность станет почетнее королевской...

— Тьфу-тьфу!.. Это же мир рухнет.

— Рухнет, — согласился я. — Но из руин встанет новый. Да что там встанет, поднимем! Как бы ни упирался.

В большом зале, что служит как бы холлом, народу маловато, только служащие и лакеи носятся, как испуганные мыши. Придворные начнут подходить к обеду, а самые именитые к вечеру.

Глава 9

Внизу на лестнице начал нарастать шум, донеслись возмущенные крики. Я с изумлением узнал знакомый голос, потом еще, тоже из далекого прошлого.

Сердце радостно застучало чаще, узнавая раньше меня, такого умного, но туповатого, я вскочил и поспешно ринулся вниз по ступенькам.

В зале с полсотни гвардейцев с алебардами в руках окружили двух рослых мужчин с загорелыми лицами. Те одеты хоть и вроде бы по моде, но с той небрежностью свободных людей, что если и одеваются «как принято», то лишь чтобы избежать постоянно бить в морду тех, кто посмеет отпустить неумную шуточку.

Главное, никаких напудренных лиц, никаких булелей из-под роскошных шляп, уже изрядно потрепанных ветрами и штормами.

На меня начали оглядываться, когда я еще сбегал по лестнице. Гвардейцы чуть отступили от задерживаемых, а я распахнул объятья с радостным воплем:

— Гитард!.. Рамиро!

Граф-капитан Гитард, все такой же здоровенный и с пудовыми кулаками, ну настоящий вельможа, типичный для маркизата Черро, сорвал с головы шляпу

и почти элегантно помахал ею над выставленным вперед кончиком сапога.

— Маркиз!

Я крепко обнял высокого и крепкого, как прибрежная скала, повернулся ко второму, Рамиро Фруэлесу, что и при первой встрече выглядел щеголем, а сейчас вообще в камзоле золотой парчи, с лентами, цветными шнурами и в кружевных манжетах, только загорелое лицо без следов пудры, а на ногах прекрасные сапоги из мягкой кожи, а не постыдные для мужчин туфли.

Он с неловкостью дал себя обнять, спросил торопливо:

— Маркиз, здесь говорят, вы уже король?

— С чего вдруг?

— Сказали о вас, что его величество пока заняты...

Мы еще вчера прибыли!

— А-а-а, — протянул я. — Вообще-то уже и пока еще император, но это такая ерунда между друзьями!.. Пойдемте, расскажете новости. Мне тут каморку выделили... Герцог, это мои старые дружбаны.

Альбрехт с интересом окинул обоих острым взглядом.

— Что-то в вас есть общее. Вы тоже пиратствовали, сэр Ричард?

Гитард грохочуще захохотал, громко и жизнерадостно, Рамиро улыбался во весь рот, они с Альбрехтом обменялись изысканными помахиваниями шляпами, а я повторил:

— Все за мной!.. Ваши новости могут быть важнее всех прочих.

Альбрехт сказал, приятно улыбаясь:

— Не буду мешать встрече друзей, а я пройдусь внизу, поинтересуюсь расстановкой сил.

— Действуйте, герцог, — ответил я.

Рамиро, глядя в спину удаляющегося Альбрехта, поинтересовался ревниво:

— Почему не сказал «с вашего разрешения»?

— Старым друзьям формальности ни к чему, — ответил я.

Втроем поднялись в мои апартаменты, Гитард ахнул с порога:

— Ничего себе каморка! А где вы императора поселили?

— Это он меня милостиво поселил, — заверил я. — Садитесь, за вином расскажете новости.

Усаживаясь в кресла, они все еще осматривались, а когда я создал из воздуха и поставил на стол три чаши и большой кувшин с вином, Рамиро сказал с завистью:

— Как удобно в плавании...

— И вообще, — добавил Гитард. — Лакеи за спиной не подслушают.

— Верно мыслите, — похвалил я. — Чем больше у нас власти, тем больше шпионов прислушиваются к каждому слову. Ну, за встречу!

Они быстро и с огромным удовольствием осушили чаши, вино все-таки великолепное, я тут же наполнил снова, с удовольствием всматриваясь в их обветренные загорелые лица, полные удали и отваги.

— Рассказывайте!.. Как вы здесь оказались?

Гитард, памятуя, что он не просто Гитард, а урожденный Гитард д'Альбре, потомок старинного, хоть и обедневшего рода, сказал с церемонной вежливостью:

— Когда мы увидели приближающуюся Багровую Звезду Зла, все приготовились к бою и достойной ги-

бели, но... вдруг из нее выпала какая-то палка с цветной тряпкой, полетела вниз... Уж простите, маркиз, но попала прямо в середину вашего двора! А когда воткнулась, оказалось, что это древко с вашим знаменем!..

Рамиро добавил, улыбаясь:

— А Багровая Звезда, не обращая на нас внимания, что странно и обидно, полетела дальше. То-то у нас был переполох!.. Синтия выбежала из дома, схватила это знамя и начала размахивать, крича, что маркиз вернулся.

— Кстати — перебил я, — как они там... с Маргаритой?

Гитард ухмыльнулся.

— Скажу только, что умеете подбирать женщин. Не знаю, как вас делили, но сейчас работают, правят от вашего имени... Ну, как обычно, когда мужья уходят надолго в походы, а жены остаются на хозяйстве. Моя мама так стояла у штурвала замка и двух деревушек, когда отец годами пропадал где-то в дальних странствиях. Правда, Синтии и Маргарите мощно помогает Совет Капитанов. Обе они называли себя маркизами, но когда ваше знамя воткнулось посреди двора, Синтия заявила, что маркизат уже не маркизат, будем именовать его королевством!.. Тем более что...

Он замялся, я спросил строго:

— Давай рассказывай.

Он ответил с неловкостью:

— Да и рассказывать нечего... Багровая Звезда нависла над миром, а это смерть всему на свете. Мы, пираты, не овцы, которым все равно, пастись или идти под нож. Драться не можем, не допрыгнем, так решили погулять напоследок...

Рамиро, поглядывая на меня с опаской, сказал торопливым голосом:

— Просто из королевства Лантарона наконец-то прорубили к нам дорогу через дикie леса, а болота замостили, но Багровая Звезда заставила всех разбежаться. Мы и решили гульнуть на чужих территориях... Собрались и сами вторглись на их земли!.. Порубили, пожгли, а Синтия заявила, что отныне Лантарона входит в состав Черро, что теперь уже не маркизат, а королевство!

— Ого, — сказал я, — размахнулась. Правда, Синтия всегда была... деятельной. А что Совет?

Гитард развел руками, едва не расплескав вино из чаши.

— В Совете чуть не до драки! Не из-за Лантароны, а насчет выпавшего из Багровой Звезды знамени. Вы же знаете эти морды... Наконец вытерли кровавые сопли и решили снарядить делегацию в столицу, выяснить. Синтия доказывала, что сброшенный флаг — это вещий знак, маркиз жив и снова на коне! Возможно, даже на Багровой Звезде, что было совсем дико, но разве мы под вашим руководством не сотворили дикое?

— Ребята, — заверил я, — как вы понимаете, хотя и не верите, я денно и нощно только и думал, как добиться еще большего развития Черро и нашего сельского хозяйства... которое теперь, как понимаю, еще и рыбное. Но тоже сельское.

Гитард сказал с ликованием в голосе:

— Вижу, придумали?

— Да, — ответил я. — Сейчас только у Черро есть выход к океану, а он вообще-то нужен всем и каж-

дому. Кроме дураков, но и тем нужен. Чтобы помочь экономическому развитию нашего маркизата...

— Королевства, — поправил Гитард и посмотрел на меня с вопросом в глазах.

Я кивнул.

— Пусть королевства. Одним больше, другим меньше... Так вот, чтобы помочь нашему обожаемому Черро, краю истинной свободы и сравнительно честного предпринимательства, я захватил Багровую Звезду, перелетел сюда с армией, здесь пообщался с императором Германом и грубо — я же маркиз пиратского Черро! — захватил империю Клонзейд.

Они слушали с вытаращенными глазами, даже у Рамиро перехватило дыхание, он едва прошептал:

— Клянусь всеми ветрами... И все это сделали, чтобы возвеличить Черро?

— Да, — сказал я твердо, — возвеличить и дать ему настоящую славу, честь и богатство!.. Истинное богатство хлынет, когда пойдут нескончаемым потоком караваны с товарами по прорубленной через горный хребет дороге...

Гитард ахнул.

— Через... через что?

Я сказал небрежно:

— Да я тут между делами прорубил дорогу через горный хребет, отделяющий империю Клонзейд от Гессена. Широкую дорогу, сто человек пройдет в ряд, даже если растопырят локти. Надеюсь, там уже все остыло. Целые сутки рубил! А всего каких-то сто миль, а то и меньше. Так что теперь маркизат... что уже не маркизат, находится в самом прибыльном месте.

Гитард в сильнейшем возбуждении потер ладони одна о другую, а Рамиро сказал быстро:

— Сэр Ричард, у нас уже строятся порты!.. Расширим, если нужно, заложим новые... Черро весь вдоль берега, сможем контролировать все!.. Так вы задумали?

— Точно, — подтвердил я, — все морские перевозки пойдут через вас. Сейчас главное — не отдавать контроль ни над Черро, ни над компаниями.

Рамиро сказал со смешком:

— Над Черро никто не посмеет, это же ваши личные владения. Но насчет компаний все верно... Но что за дорога? Вы планируете или... уже?

— Как бы уже, — ответил я, — но пока это только ущелье. Но у нас же всякая дурь получалась! Получится и это. Дороги будут!.. Вы где-то остановились? Располагайтесь здесь. В таких апартаментах можно разместить на постой целую армию...

Гитард отставил пустую чашу и торопливо поднялся.

— Сэр Ричард, — сказал он густым сильным голосом, — нам дали комнату в доме для гостей. А вам нужно заниматься важными делами, а не с нами возиться. Рамиро!

Рамиро подхватился, раскланялся с изяществом.

— Сэр Ричард... или ваше величество?.. мы уже сделали все, ради чего прибыли. И все новости узнали, и вас встретили! Теперь спешно обратно, нужно подготовить наших.

Они раскланялись, я проводил их до двери.

— Рад, что все у вас получилось. И что не испугались Багровой Звезды.

Гитард сказал чуть осевшим голосом:

— Как не испугались?.. Поджилки у всех тряслись. Но когда нам страшно, мы первыми бросаемся

в бой. Даже когда сердце обрывается, а душа забивается под стельку в сапогах. У нас кое-кто ушел в море, чтобы погибнуть, как мужчины, но вон Рамиро и Синтия настояли, что нужно отыскать вас, маркиз.

Рамиро строго поправил:

— Это умаление титула!

Я отмахнулся.

— Для них маркиз. Были славные деньки... Ребята, я рад, что намек знаменем поняли правильно. Но захваченное королевство еще и удержать надо!.. Сумеете?

Гитард ухмыльнулся.

— Каюсь, мы там сразу сообщили, что отныне в объединенном королевстве правит сэра Ричард Длинные Руки... тогда мы еще не знали все, а теперь так и вовсе кто посмеет?

— Посмеют, — ответил я кратко, — так что учитесь держать вожжи крепко. Вы прямой и честный народ, а короли честными быть не могут, так что уши на макушке, а мечи за спиной. Рад, что Маргарита и Синтия уживаются...

— И правят вашим именем, — ответил Гитард преданным голосом. — Правда, им помогает Совет, но вообще-то правят они... от вашего имени.

Рамиро, что явно опасался неудовольствия за рискованный захват Лантарона, сказал с облегчением:

— Вот это правильно. Имя сэра Ричарда — щит и добавочный запас прочности. Но как это здорово, когда обе королевы...

— Без намеков, — сказал я строго. — Они стали королевами сами!..

Он сказал ревниво:

— Нетрудно стать королевами, когда муж император!.. Да еще император императоров, раз у него Багровая Звезда.

— Обе еще не знали, — напомнил я. — Но, молодцы, намек поняли. У меня вообще все жены понятливые.

Оба уже вышли в коридор, но Гитард повернулся ко мне с самым заинтересованным видом.

— У вас еще есть жены?

Я в неловкости развел руками.

— Жизнь иногда проделывает с нами всякие штуки. Не успеешь оглянуться, как уже... А то и вовсе... В другой раз так и вообще!..

Рамиро сказал с удовольствием:

— Да знаем-знаем!.. Я такого наслушался. Говорят, у вас и среди рыб уже детей полно?.. Я тут пообщался с людьми из вашей армии, что прибыли с Севера...

Я охнул:

— Даже полно? Что за клевета...

Гитард сказал понимающе:

— Я тоже сказал, что брешут. Ну один-два, ну десяток, но что уж совсем полно — это перебор. Тогда на птиц и ящериц совсем времени не осталось бы.

Рамиро сказал тихонько:

— Да-да и такое говорят.

Гитард кивнул с важным видом.

— Возможно, у сэра Растера их больше, не знаю, кто это у вас такой, но о тех помалкивают, а вот о потомстве сэра Ричарда что только не говорят...

— Император, — напомнил Рамиро, — о знатных сплетничать интереснее.

Я похлопал их по спинам и закрыл за ними дверь, но, отпуская дверную ручку, уже ощутил, не поворачиваясь, присутствие в комнате чего-то огромного и пугающе могучего.

Глава 10

У раскрытой двери балкона, небрежно упершись спиной в косяк, с приятной улыбкой на лице смотрит на меня элегантнейший франт в роскошном камзоле с множеством лент, плетеных шнуров из разноцветных нитей, манжеты на руках и ногах в четыре ряда, чулки сияют белоснежной чистотой, а туфли словно выкованы из золота.

— Сэр Сатана, — сказал я, — вы как-то слишком уж...

Он сказал весело:

— Конечно, слишком. Ничего, эта мода уйдет, а сейчас почему не посмеяться, малость утрируя?.. Они все так по-детски счастливы!.. И мода совсем детская. Так только дети обожают наряжать куклы... Взгляните!

Он вышел на балкон, повел рукой, охватывая пространство двора и сада, где праздничные огни, со всех концов доносится танцевальная музыка. На площадках танцуют, весело хохочут, сплетничают, флиртуют, радуются...

Я посмотрел через ограду, перевел взгляд на его довольное лицо.

— Вы тоже счастливы?..

— Мне нравится, — ответил он уже серьезно, — когда люди счастливы. Разве не за это я сражался?

Я пожал плечами.

— Хотя бы один посражался за то, чтобы люди были несчастливы!.. А то все только за их благо... Земля уже по колено в крови, скоро совсем обезлюдует, зато какое щасте сражаться за всеобщее щасте!..

Он покровительственно усмехнулся.

— А можно напомнить? Здесь как раз никто и не сражается. Живут и, как видите, пляшут и песни поют. Счастливы.

— Да что это за счастье? — возразил я. — Достойной жизни не видели... Чашечку кофе?

Он кивнул.

— Да, спасибо. В здешних землях такое зелье не встречается. Очень даже весьма. Даже, как вы говорите, зело.

Я создал две чашки, он с удовольствием принял одну, взглянул с любопытством.

— Что?

— Да интересно, — сказал я. — Когда можно быть бестелесным, обходиться без еды и воды...

— Можно, — согласился он. — Я и обхожусь. Но иногда облакаюсь плотью, как в свое время бунтующий Азазель и двести его сторонников. Это дает ощущение более тесной сопричастности к нашему великому делу... И все яснее вижу, у вас все идет просто изумительно хорошо!

— Думаете? — спросил я с сомнением. — Ах да, вы же все просчитываете, как надлежит Великому Мастеру...

— Верно-верно. Все просто безупречно.

Я ответил медленно:

— А мне так не кажется... Мы только прибыли, а болото уюта уже затягивает.

Он в изумлении вскинул брови.

— Уют — это плохо?

— Уют замечательно, — ответил я, — когда после тяжелой работы на благо. А когда уют и ничего кроме уюта, во что превратимся?.. Для того ли вселенная создавала человека?..

Он взглянул с любопытством.

— Впервые слышу такое прозвище Господу.

— Да какая разница, — ответил я с небрежностью, — Господь создавал все более высокие формы жизни, от амеб до людей не для того, чтобы самое высокое Его творение разлеглось на солнышке и нежилось, ничего не делая... Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор... Но чтобы выбраться из этого болота, пока вижу единственный выход...

Его взгляд стал острым, чашка вспыхнула в его ладони багровым пламенем, тут же исчезла, оставив аромат пробудившегося вулкана.

— Сэр Ричард, — сказал он строго. — Даже не вздумайте!

— Чего?

Он сказал жестким голосом:

— У вас слишком откровенное лицо. А в глазах уже огни инквизиции, распятые тела, огонь и кровь... В этот счастливый благополучный мир призвать церковь?.. И оставить здесь пепелище? Я не ожидал от вас такой бесчеловечной жестокости!

Я зябко передернул плечами, по спине прокатился холодный ком, словно за шиворот запихнули ком снега.

— Испортит ваше видение счастливого устройства мира?

— Испортит ваши победы, — ответил он. — Церковники испоганят этот мир, вообще уничтожат!.. И начнутся долгие Темные Века... Вы их хотите?

Я покачал головой.

— Сэр Сатана, версия насчет Темных Веков придумана для простого народа, так называемой интеллигенции. Но мы с вами знаем, что так называемые Темные Века и были зарождением и долгим рассветом нового мира, новой культуры, науки и цивилизации. Любой, кто взглянет на карту, увидит, что наука зародилась именно в тех землях и среди тех народов, где церковь укрепилась и обрела влияние!.. Остальные, где не было христианства, прозябали в роскошном и сытом невежестве. Как вот здесь. Потому я буду идти своим путем, уж не обессудьте.

Он пересилил себя, натянуто улыбнулся.

— Сэр Ричард... вы все равно идете по тому пути, который я для вас начертал. Хотя и делаете иногда ненужные рывки в стороны.

— Сэр Сатана, — ответил я так же учтиво, — я иду своим путем, ничего не зная о ваших планах. Возможно, на каких-то участках пути наши дороги совпадают, но еще вернее то, что оба идем дорогой, которую нам начертал Господь.

— Думаю, — сказал он тихо, — скоро увидим, к чему идем. Сэр Ричард...

— Сэр Сатана...

Он исчез без хлопка и запаха серы, как иногда забавлялся, намекая на суеверия простого народа.

Я постоял некоторое время, перебирая разговор по отдельным словам, ощущение странное, он же всегда утверждал, что горой за прогресс, это же его дети от Евы построили первые города, начали добывать металлы, проводить дороги и вообще умножать знания, а дети Евы и Адама только молились и жили сбором плодов и корней, но почему сейчас такой крен в магию?

Ничего не придумав, я махнул рукой, уперся животом в перила, внизу бесконечный карнавал, танцы, веселый смех, повизгивание, а когда повернулся спиной, в комнату быстрыми шагами входил Альбрехт.

Он явно торопился, одной рукой придерживая шляпу, а ладонь другой лежит на рукояти кинжала в ножнах.

— Сэр Ричард, — вскрикнул он, — все в порядке?

— Да вроде бы, — ответил я. — А что случилось?

Он подошел, всмотрелся в мое лицо встревоженными глазами.

— Могу ли спросить...

— Можете, — буркнул я.

— Сэр Ричард, — сказал он тихо, — с кем вы общались на балконе?

— Чего? — спросил я. — Беседовал?.. Когда?

— Да вот только что, — ответил он. — Я со двора увидел. Какой-то странный человек с вами был...

Я спросил:

— Странный? В чем странность?

— Весь в каком-то темном облаке, — пояснил он. — Прозрачном, но темном. И как-то нехорошо мне стало, тревожно. Будто выюгой пахнуло. Грядет большая беда?

Я ответил уклончиво:

— Дорогой герцог, сядьте за стол, выпейте вина. Вам какого? Пахнуло, еще когда высадились на Юге, но мы не обратили внимания. Но беда большая, все верно. Даже не знаю, справятся ли священники отца Дитриха... Однако других шансов вообще не вижу.

Он послушно сел, цапнул, не глядя, кубок с вином.

— Это вы и обсуждали?

Я взглянул остро.

— Сэр Альбрехт, у вас очень острый ум. Я мог бы обсуждать и другие задачи, но вы правы, эта самая насущная. Если ее не решить, остальные и решать будет некому.

Он сделал плоток, с заметным облегчением перевел дыхание.

— Я рад, что смиряете свою гордыню и решаетесь призвать церковь.

— Я бы все равно ее призвал, — огрызнулся я. — Только чуть позже. Ладно, чего мы тут стоим, пойдемте развлекаться.

Он скупой улыбнулся.

— Да, нужно прогуляться по двору, чтобы народ видел сытого и довольного принца императорской мантии, а еще и властелина Багровой Звезды Зла.

Я кивнул, поднялся из-за стола.

— Видите проблемы?

Он тотчас вскочил, оставив кубок. Я шевельнул пальцами, он исчез. Альбрехт сказал с заметной нервозностью:

— Как раз не вижу, что и тревожит. Как будто кто-то подкрадывается с уже занесенным молотом, а я не вижу...

— Увидим, — пообещал я без уверенности.

Мы быстро спустились в огромный холл, оттуда через толпу прошли на выход в сад.

Издали донесся веселый женский вопль:

— Рич!

Я обернулся, по мраморной лестнице, дробно и часто стуча каблучками, сбегает Бабетта, в парике, что непривычно, однако смотрится на ней так органично, будто собственные волосы, в легком платье голубого цвета, символизирующем невинность и целомудрен-

ность, лицо сияет, на щеках умильные ямочки, рот до ушей, настолько очаровательная, что просто невозможно, как будто там в пещерах проходит некую регенерацию и вылезает из кокона еще очаровательнее и соблазнительнее.

Не останавливаясь, со счастливым визгом ринулась мне на шею. Я невольно подхватил ее, а она повисла, как обезьяна на дереве, сжал в объятиях, нежную и горячую, как только что испеченная булочка.

Альбрехт лишь мгновение смотрел на нее, оцепенев, но тут же улыбнулся, отступил в толпу и моментально затерялся, а в зале все остановилось, даже пламя свечей перестало колыхаться.

Я почувствовал себя на перекрестье десятков пар глаз, но все по фигу, я же северный варвар, мне все можно по дефолту, а вот Бабетте...

Но, похоже, ей тоже можно, что наверняка говорит о ее высоком или, точнее, особом статусе.

Я осторожно опустил ее ногами на пол, но сцепленных на моей шее рук не разомкнула, с жадностью всматривалась в глаза.

— Ты изменился, Рич!.. Стал взрослее, что ли... И какая-то печаль в глазах... Почему?

Я указал взглядом по сторонам, где весь мир замер, придворные стараются не пропустить ни одного нашего слова, ни жеста, ни взгляда.

— Тебе так все и рассказать?

— Уединимся в альтанке? — предложила она. — Ах да, для северян у альтанок слишком скверная репутация... Тогда ко мне?.. Нет, будешь стесняться, а мне интереснее, когда ты раскованный, наглый, дерзкий свинтус... Пойдем к тебе. Уже знаю, где твои апартаменты. Покажу, вдруг забыл...

— Я всю тебя помню, — ответил я. — До последнего пятнышка.

— У меня есть пятнышки? Я думала, у ангелов пятен не бывает...

— У ангелов ада бывают, — заверил я.

— Откуда знаешь?

— Видел, — обронил я небрежно.

Она заулыбалась, но что-то рассмотрела в моем лице, вздрогнула.

— Рич, ты меня пугаешь. Про твои увлечения троллями уже молчу...

— Уже даже увлечения? — поинтересовался я. — И не троллями, а троллихами, да и то один раз не считается... Вот уж придворные сплетни...

— Здесь никто не знает, — заверила она. — И никому не скажу, а то у женщин к тебе будет такой повышенный интерес, что и работать не сможешь. В смысле, воевать, у вас же война и есть основная работа и цель жизни... А вот и твои апартаменты!

Лакеи с невозмутимыми лицами молча распахнули перед нею обе створки, я вошел следом, а она огляделась как-то слишком бегло, словно всю мебель здесь двигали под ее руководством, остановилась в раздумье.

— Сразу в постель, — поинтересовалась она, — или пообщаемся?

— А пообщаемся, — поинтересовался я, — все то же, только без постели?.. Нет, давай за стол. Я тебя так долго не видел, а ты хочешь бросить мне то, что могу получить от любой служанки!

Она победно заулыбалась, у меня комплименты всегда грубо-изысканные, красиво опустилась в кресло у стола, деловито расправив складки платья.

— У тебя миленько, — сказала она и поинтересовалось деловито: — Здесь получается творить вино и сладости?

— Я все тот же, — сообщил я, — а декорации пусть меняются. Держи вино...

Она взяла из моей руки фужер, вино загадочно темно-красное, а поверхность сразу стала удивительно ровной, будто вино превратилось в лед.

— Красиво, — проговорила она задумчиво, — словно не вино, а растаявшие рубины... И вкус необычный, у нас вина другие..

— Может, — предположил я, — ты не все пробовала? Она приподняла брови.

— Обижаешь... Вижу, ты силенки не только сохранил, но и приумножил. Правда, как-то странно исчез... Где я только не искала! Но магия отказывалась искать, будто тебя вообще нет... Теперь поняла, Багровая Звезда Зла ревниво защищает тебя в себе!

— Думаю, — сказал я осторожно, — умеет намного больше.

— Ой, — воскликнула она ликующе, — покажешь изнутри?

— Нет, — ответил я. — Нет, Бабетта.

Она тихо улыбнулась.

— Другого ответа и не ждала.

— Тогда чего спрашивала?

— А поддразнить?

— Когда-нибудь придушу, — сказал я серьезно.

— Ой, — воскликнула она радостно, — давай сегодня?.. Хотя зачем нам ждать какой-то ночи?

— А приличия? — спросил я.

Она сделала большие глаза.

— А что это? Расскажешь?

Я горестно вздохнул.

— Сам знаю, что неприличному человеку среди приличных жить легче. Но зачем-то приличия придуманы?

— Никогда не задумывалась, — сообщила она. — Все не могут быть приличными, иначе общество зацветет и протухнет. Нужны лягушки, что баламутят тину!.. Я вот такая лягушечка. Правда, же хорошенькая?

— А еще и умненькая, — пробормотал я. — Скажи, затем император так настойчиво требовал меня к себе? А в конце даже в такой форме, что даже не знаю...

Глава 11

Я спрашивал очень серьезно, она ощутила и сама посерьезнела, сделала глоток и, осторожно опустив фужер почти невидимой ножкой на поверхность стола, прямо посмотрела мне в глаза.

— Я думала, — проговорила она, — ты уже догадался...

— С чего вдруг?

Она покачала головой.

— Я знаю о твоих фанфаронских подвигах в Черро. Ты с таким блеском решил труднейшую задачу, с которой не могло справиться несколько поколений правителей Жемчужной империи, что всякий бы тобой заинтересовался... Правда, до императора Германа вести дошли нескоро, но он был впечатлен.

— Ну-ну?

— Во-первых, — сказала она, — его Военный Совет очень недоволен потерей земель за океаном. И желал

бы их вернуть. Если надо, послать туда эскадру наших кораблей. Во-вторых, сам император очень заинтересован, чтобы ты предстал перед его очи...

Я буркнул с угрозой:

— Это случится сегодня.

— Ты не так понял, — сказала она нежно, — император нуждается в тебе!..

— Что-что?

Она сказала тихо:

— Он давно старается привлечь на службу северных рыцарей! Среди его телохранителей есть один из твоих друзей.

— Это кто же? — спросил я, но тут же вспомнил, — ах да, сэр Смит!.. Победитель турнира, получивший Золотой Шлем!.. Да, не повезло мне тогда...

Она пожала плечиками.

— Как сказать. Там ты уже император, а кем был бы здесь?

— Может быть, — предположил я, — богом?

Она весело расхохоталась.

— Знаешь ли, милый Рич, я бы не очень и удивилась. Удивилась бы, но не очень. Теперь понимаешь, император ближе к тебе больше, чем думаешь?

Я посмеивался, с Бабеттой всегда почему-то легко и раскованно. Ее удивительное чутье когда-то подсказало, что можно перейти на дружеское «ты», чего не позволяла ни одна женщина, и сейчас смотрит светло и přátельски, готовая во всем помочь только потому, что я друг...

— Ты прелесть, Бабетта, — сказал я. — И самая опасная в мире женщина.

Она округлила глаза.

— Ой, мне уже страшно...

— Всех видишь насквозь, — спросил я, — верно? Вообще-то мужчины простые существа, женщины сложнее намного, на вас возложена миссия поважнее нашей. Потому я польщен твоим интересом...

— Рич, ты меня пугаешь!

— А-а-а, — сказал я злорадно, — попалась, жукоглазая?.. Или ты местная, но из других времен?.. Как тебя звали вначале, случаем, не Лилит?..

Она с самым серьезным видом подумала, вздохнула.

— Красивое имя? Кто она?

— Ладно, — сказал я, — не признавайся, если еще рано. Тогда и я не скажу, кто я. Ага, глазки заблестели?.. То-то. Вашим салом да по вашей шкуре.

Она сказала умоляюще:

— Ну, Рич... разве можно так мучить женщину?

— Нужно, — заверил я твердо.

— Почему?

— А потому!

— Но... зачем?

— А затем, — ответил я злорадно. — Чтобы не!.. А то ишь... Что, не нравится ваша женская логика?

Она сказала жалобно:

— Рич, это нечестно! Мужчина должен быть мужчиной. Прямым, честным, бесхитростным, стойким и без всяких там.

— Император выше правил, — заявил я.

Она охнула:

— Ах да, прости, я совсем забыла, ты же император... Хотя вроде бы в каких-то случаях предпочитаешь оставаться принцем? Чтобы укрыться от ответственности?

Я покачал головой.

— Мою сложнейшую натуру видишь насквозь, удивительно. Знаешь, о чем мечтаю? Надеть платье простого горожанина, сесть на Зайчика, свистнуть Бобику и... скитаться по землям, старым и новым! А тяжесть государственной службы пусть несут другие.

Она сказала очень серьезно и с сочувствием:

— Когда-нибудь постраниствуешь.

— Когда?

— Когда совсем состаришься, — сказала она с сочувствием. — Тебе совсем-совсем осталось... Ну, еще год или полтора... Но сейчас тащи воз, что уж, знаю-знаю, размером с гору. Рич, ты и со мной играешь в прятки? Зачем? Я же понимаю, после победы над Багровой Звездой ты теперь властелин всего Южного континента. Как догадываюсь, и Северного тоже...

— Не всего, — ответил я мирно. — Так много королевств, где обо мне еще не слыхали. Да и в море немало островов, где может скрываться очень даже всякое. Но в целом да, ты права, я вот такой красивый.

— И, — спросила она тихо, — каковы твои планы?

— Насчет тебя?

Она ответила очень серьезно:

— Рич, женщин тоже может волновать судьба империи.

Я отмахнулся.

— Бабетта, ты что, теряешь нюх? Я не стану захватывать то, с чем могу не управиться!.. Здесь другой мир, на северный не похож абсолютно. Да и северный мне тоже незачем, но иногда события сами нас ведут и выбирают...

— Знакомо, — ответила она быстро. — Но если не захват, то что?

Я пожал плечами.

— Честно говоря, не знаю. Мне знакома жизнь получше и правильнее, чем у вас в империи, но абсолютно не представляю, как к ней прийти. Вернее, представляю, но на это понадобятся сотни, если не тысяча лет!.. Что меня, конечно, не устраивает.

Она взглянула с некоторым испугом.

— Думаю, ты не откажешься.

— От попыток? Нет. Однако я человек осторожный...

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Ты?

— Еще какой, — заверил я. — Другого бы назвал трусливым. А еще достаточно ленив и не люблю трудиться. Придумывать люблю, но чтоб жилы рвали и каторжанили себя на моих проектах другие. Видишь, насколько я перед тобой откровенен? Никому бы так не открылся, а перед тобой душа нараспашку, а сердце на рукаве.

Она сдержанно улыбнулась, давая понять, что понимает, почему я такой вот весь нараспашку.

Альбрехт внимательно выслушал, серые глаза то светились, как жемчужины, то становились привычно стального цвета, а лицо принимало аристократически надменное выражение.

— Прекрасно, — сказал он, — Бабетта была последним козырем. Ею пустили в ход, когда остальная мелочь успеха не достигла. Теперь все, ваше величество!.. Скоро появится гонец, извинится, что императорское величество чуть задержалось, у него был важный разговор... или же мебель не успели переставить, в общем, теперь только император...

Двери распахнулись, из коридора шагнули трое вельмож такого облика, что самих хоть сейчас в императоры, синхронно станцевали сложный танец приветствия, прям акенобобы в париках, помахивая шляпами, звонко прищелкивая каблуками, вот откуда взялась чечетка, только кастаньет недостает...

Наконец все трое застыли в низком поклоне, а средний величаво выпрямился и произнес прочувственно-бархатным голосом:

— Его императорское величество Герман Третий передает свои извинения. Разговор с послом из империи Небесной Воли продлился чуть дольше запланированного, но теперь со всем радушием просит его высочество сэра Ричарда, принца императорской мантии проследовать в личный кабинет императора...

Альбрехт выслушал, не моргнув глазом, а я сказал ему тихонько:

— Вы стали совсем местным, дорогой герцог.

— Туфли не надену, — предупредил он.

Я кивнул вельможам.

— Ведите.

Они расступились, освобождая дверной проем, тот же вельможа сказал сладким голосом:

— С вашего разрешения мы, герцоги Улаширский, Треваньский и Сикорский, проводим ваше высочество к его императорскому величеству...

Двое по протоколу пошли сзади, один рядом, но на полшага приотстав, только почтительнейшими жестами указывая, куда свернуть, а где снова прямо.

У двери императорского кабинета, уже другого, по обе стороны неподвижные красавцы, в париках и ливреях, императорские лакеи, хотя с гвардейской статью и выправкой.

По кивку вельможи одновременно распахнули обе половинки двери, а он перешагнул порог, величаво и красиво, как гусь из Голландии, и громогласно провозгласил:

— Его высочество принц императорской мантии Ричард Длинные Руки!

Я шагнул в комнату, от императора как раз выходят некие набундюченные господа с очень важными лицами деятелей имперского масштаба.

Император в том же камзоле сидит за столом в кресле, откинувшись на спинку, но теперь у него на голове огромная шляпа треугольной формы с роскошнейшей белой опушкой, что закрывает весь верх и слегка ниспадает по краям.

Я пошел к столу твердыми шагами северянина, сапоги придают добавочную мужественность шагу.

Император торопливо поднялся, на лице виноватое выражение, торопливо указал на кресло рядом со своим.

— Ваше величество, прошу простить за неожиданный перерыв. Но эти сепаратисты...

Я кивнул.

— Да это ожидаемо. Энергичные люди хватаются за любую возможность, а сейчас их уйма.

Он сел одновременно со мной, а то чересчур, если сяду, а он хоть на мгновение пробудет на ногах дольше. Шляпу не снял, здесь и обедают в них, что непривычно для северян, потому я то и дело поглядывал на этот роскошный головной убор с настолько богатой белоснежнейшей опушкой, словно там сидит дюжина шелковых кур. Пух красиво ниспадает и по краям, трудно рассмотреть, какого цвета под ним шляпа.

— Надеюсь, — поинтересовался он, — вам понравились ваши апартаменты?

— Роскошные, — заметил я. — Весьма. Нужно ли?

Мы сидим рядом, сейчас нас никто не видит, потому никакого чинопочитания, хотя вообще-то он, несмотря на моложавый вид, уже дед, а у меня байстрюки только из пеленок начинают вылезать.

— Ваше величество, — ответил он со вздохом, — стоит ли говорить очевидное?

В его взгляде читалось, что у меня слишком много мощи, и хорошо бы, чтобы эта мощь была дружественной, хотя для этого он мало что может сделать, кроме как предложить апартаменты богаче, чем у него самого. Сейчас главное, чтобы все окружающие видели, что этот страшный человек, которому подчиняется Багровая Звезда, на стороне императора.

— Простите, — ответил я смиренно, — сглупил. Слишком много времени с простыми солдатами. Отвык просчитывать ходы на много шагов вперед и в стороны.

Он ответил вроде бы бесстрастно, но я уловил в его тоне глубоко запрятанную грусть:

— Этикет правит не только королями. Императоры те же короли... Укрепляя ваше положение, уж простите, укрепляю и свое. Ваш дружественный жест на счет моей внучки...

Я отмахнулся.

— Пустяки. Я отпустил всех заложников. Правда, сказал, пусть сами ищут, как вернуться. Не я их заложничал!

— И как они? — спросил он вежливо.

— Не спешат, — пояснил я. — Им пока нравится. Там в основном сыновья местных королей, могут воспользоваться багерами.

Он чуть наклонил голову, белоснежный пух на шляпе красиво заколыхался, словно под легким дыханием зефира.

— Да, — ответил он, — однако мой двор видит принцессу Клариссию, которую вы не только освободили, но и доставили домой. Это только я понимаю, что вы не освобождали ее, как и других, а просто захватили город, но пусть это останется недосказанным. К тому же вы самолично доставили ее сюда...

Я развел руками.

— Было по пути, вот и захватил. К тому же трудности пути, гм, принцесса перенесла достойно.

На его губах промелькнула улыбка, знак мне, что мой юмор понял, принцесса явно успела рассказать, что даже с коня не успела слезть в этой страшной Багровой Звезде Смерти. Такая скорость перемещения впечатлит даже всесильного императора.

— Ваше императорское величество, — сказал я, — вы очень настойчиво велели мне предстать пред ваши ясны очи... Вот я, эта, предстал. Чуть запоздал, каюсь, пришлось по дороге разобраться с экипажем Багровой Звезды. Но теперь все в порядке, супостаты вбиты в землю, а Звезда отныне наша... В смысле, моя. Сейчас вот ждет моих указаний.

Он проговорил осевшим голосом:

— А что вы ей велели?

Я улыбнулся.

— Ах, ваше императорское величество, вы же сами понимаете... Обычные житейские предосто-

рожности. Хочу напомнить, что если вдруг споткнусь и сломаю шею, Багровая Звезда тут же сотрет в порошок не только этот славный дворец, город, но и всю империю...

Он побелел, сказал быстро:

— Но вы уж поосторожнее на ступеньках! Могу выделить придворных из самых знатных семей, чтобы водили под руки!

— Я человек осторожный, — заверил я. — Сам не споткнусь. Главное, чтобы не толкнули.

— У меня надежная стража, — сказал он тревожным голосом. — У всех необходимые амулеты...

Глава 12

Я кивнул, но сразу же мелькнула мысль, что Карл-Антон как-то обходит здешнюю стражу. Или же маги его уровня не снисходят до таких мелочей, чтобы входить во дворцы лично?

Пух вроде бы качнулся утвердительно, а император перехватил мой взгляд, на мгновение в глазах мелькнуло недоумение, но тут же сказал с неловкостью:

— Шляпа?.. Ах да, у вас на севере шляпу принято снимать еще на пороге...

— В чужой монастырь со своими правилами не вхожу, — ответил я.

Он обеими руками снял шляпу, под нею обнаружился парик с такими же крупными локонами, что спадают на плечи, спину и грудь, а шляпу бережно опустил на свободный край стола.

— Могу же выразить уважение вашим обычаям? — сказал он. — Мы наедине, как вы точно заметили...

Он умолк, я кивнул.

— Я слушаю, ваше величество.

Он продолжал тем же голосом:

— Если допущу какую-то слабость... хоть в чем-то, могут не так понять... истолковать не так... а на правителе так много держится... вы не повиновались мне, хотя я старательно одаривал вас и титулами, и землями...

— Да, — согласился я. — Но, ваше величество, не так уж трудно одаривать землями, которые вам принадлежат только на бумаге, как и титулами, что ничего не значат.

Он попытался улыбнуться.

— Но вы установили свою власть над Гандерсгеймом?

— Вот вы удивились, верно? — спросил я.

Он покачал головой.

— Не особенно, наша общая знакомая уверяла меня, что вам такое по плечу. И она оказалась права.

— Желаю вашему величеству, — произнес я вежливо, но с твердостью, — укрепить свою власть.

Он вздохнул.

— У меня нет за плечами Багровой Звезды.

— У меня ее тоже не было, — напомнил я. — Императором я стал еще до ее появления. И, кстати, вы верно говорите, что за каждым вашим словом и жестом следят тысячи глаз. Кстати, за мной тоже. Ваши слова насчет явиться или иначе будет худо слышали все мои военачальники.

Он напрягся, взгляд метнулся из стороны в сторону.

— И что... вы...

Я ответил с прежней учтивостью человека, который вынужден идти предначертанным путем:

— Мы с вами, ваше величество, связаны условностями крепче, чем простолюдины. Мы вынуждены многое делать так, как принято. Как вы понимаете, потеряю уважение своей армии, если не отвечу достойно на это требование явиться, дескать, иначе ваши войска вторгнутся на земли моей империи.

Он сделал попытку еще раз улыбнуться.

— Сэр Ричард... я тогда еще не знал, что вы уже император... Хорошо-хорошо, но что хотите сейчас? Ваши условия?

Я обвел взглядом кабинет, с холодком ощущая, что в самом деле держу в кулаке слишком многое, а это слишком для кого бы то ни было.

— Еще не сформулировал, — произнес я медленно. — Разумеется, сперва пылал жаждой справедливого отмщения, а Багровая Звезда готова была по одному моему слову перепахать весь южный континент и сжечь землю на глубину в два копья.

Он начал медленно бледнеть, но я сказал так же раздумчиво:

— Потом поостыл и решил уничтожить только вашу империю... еще чуть поостыл и решил стереть с лица земли королевство Монтегю. А когда Багровая Звезда зависла над Солнечным Городом, я восхитился красотой и решил всего лишь уничтожить дворец и ваш род с корнями...

Он сказал дрожащим голосом:

— Проявите милосердие и к дворцу, его строили восемьсот лет лучшие мастера империи! Возьмите мою жизнь... И если так уж нужно, моих детей и семьи...

Я ответил холодно:

— Вы уже видите, ничего этого не будет. Я перебазируюсь в Клонзейд, но здесь мои апартаменты прошу

сохранить за мной. Надеюсь, это не создаст неудобств, дворец огромный...

Он подвигался в кресле, я видел, как лицо начинает оттаивать, взглянул почти с благодарностью.

— Ваше величество, вы спасли империю и весь материк!.. Мы уже безмерно счастливы. А что ваши апартаменты останутся за вами, это прекрасно... Думаю, мой двор другое тревожит...

— Ваше величество?

Он проговорил медленно, то отводя взор в сторону, то устремляя на меня:

— Кто уверен в получении всего, не удовольствуется половиной.

— Верно, — согласился я. — Но, ваше величество, смею заверить, мне ваша империя без надобности. Ни вся, ни половина. Я уже знаю, что такое тащить тяжелую телегу.

Он чуть наклонил голову, продолжая всматриваться в мое открытое и честное, надеюсь, лицо.

— И все-таки желающих больше, чем самих телег.

— Я не из их числа, — заверил я.

Он взглянул несколько исподлобья.

— Ваше величество... могу я поинтересоваться... каковы ваши планы насчет этой ужасной Багровой Звезды Смерти?

Я помолчал, рассматривая его так же внимательно.

— Поинтересоваться, конечно, можете. И, конечно, я отвечу, что я полный ее хозяин. Вы можете не поверить, это естественно, однако в самом деле по движению моего пальца уничтожит хоть дворец, хоть город, хоть королевство. Можно и весь континент, это почти так же просто. Жаль, строить ничего не может,

а только рушить и ломать. Я вообще-то строитель, хотя еще ни разу не пробовал.

Он зябко передернул плечами.

— Даже вообразить не могу такую мощь.

— Мощь еще та, — согласился я. — Но как телега тоже хороша. Можно загрузить армию, какой бы громадной ни оказалась. Или армии всех королевств и восьми империй континента.

Он взглянул на меня в упор.

— Я могу поинтересоваться...

Я кивнул.

— Да интересуйтесь о чем угодно. Наедине можем обсуждать все, что захотим. И не будет урона вашему или моему престижу, если что-то пойдет не так. Главное, чтобы никто не видел.

Он улыбнулся одними глазами.

— Тогда... что насчет других империй?

— Что именно вас интересует?

Он ответил с бледной улыбкой:

— Эта империя, как я понимаю, да и все понимают, отныне под вашей властью. Но остаются еще семь?

— Ваше величество, — ответил я. — Со всей шепетильностью поясню, что не претендую ни на ваш, ни на чей-то еще трон. Меня, как человека творческого и вообще неглупого, никогда не привлекала борьба. Все эти игры престолов — приманка для дебилов. Жизнь положат, чтобы перебить соперников и наконец-то водрузить жопу на трон... А дальше что? Ну конечно, жрать в три горла, пить лучшие вина и трахать баб. Блин, мечта дебилов!..

Он усмехнулся.

— А мечта романтиков — завоевать трон, чтобы с него отдавать приказы насчет великих свершений.

— Ваше величество, — сказал я вежливо, — вы великий правитель уже в том, что умело держите империю в мире и покое, не поддаваясь соблазну напасть на соседа справа, прихватить земли соседа слева, завоевать себе славу великого полководца, мечом раздвинувшего пределы...

Он взглянул с удивлением.

— Сэр Ричард.

— Да?

— Простите, я знал, что вы умный человек, но не думал, что настолько. Вы можете догадаться, сколько у меня советников, что предлагают именно то, о чем вы сказали... И очень настойчиво. И сколько было требований, чтобы я собрал армаду кораблей и двинул через океан на покорение северного континента, возрождая славу своих дедов, что правили чуть ли не половиной Севера!.. Дескать, я же должен оставить о себе славу, как великий Император!.. Чтобы статую на вздыбленном коне в центре площади, а внизу надпись с перечнем моих героических подвигов!

— Но вы предпочитаете остаться безымянным императором?

Он криво усмехнулся.

— Возможно, время моего правления будет названо закатом золотого века?

— А почему не двинули армию на захват Севера?

Он вздохнул.

— Половина кораблей погибла бы еще на пути к северным землям. По дороге подстерегают не только чудовища, нападающие на корабли, но и штормы, что либо топят, либо уносят корабли за сотни миль за Край Мира, откуда никогда не возвращаются... Многие мрут от голода, запасы продовольствия заканчива-

ются слишком рано, стоит только в пути задержаться хоть на неделю, а для этого достаточно штиля...

Я уточнил:

— Вас удержало не милосердие в отношении местных народов, которые окажут сопротивление и которых придется истребить, а милосердие к своим воинам?

Он развел руками.

— Я предпочел бы не истреблять местных, но они вряд ли покорятся вот так сразу... а война есть война, милосердие считается слабостью. Если бы я решился на поход через океан на северные земли, пришлось бы, вы правы, говорить и думать по законам войны. Но я всячески противился новому завоеванию Севера.

— Оттягивали.

— Да, — согласился он. — А вы, к счастью, не задрались. Напротив, подыгрывали, догадываясь насчет здешних течений?..

От двери донеслись голоса, император поморщился. Обе створки распахнулись, из коридора стремительно вошла, почти ворвалась молодая женщина в золотисто-голубом платье. Император со вздохом только начал разворачиваться в ее сторону, как она еще от порога вскрикнула с возмущением:

— Ваше величество!.. Прошел слух, вы не будете на церемонии бракосочетания принца Розенбальда с герцогиней Ширнейской?

Он тяжело перевел дыхание, а я невольно встал, будто джентльмен какой, но, оказывается, существуют на свете женщины, при появлении которых сам по себе поднимаешься со стула и почти готов согнуться в поклоне, от чего я, правда, удержался.

Она бросила удивленный взгляд в мою сторону, а император несколько вынужденно улыбнулся и сказал с укором:

— Дорогая Кэйт, у нас с принцем Ричардом серьезное совещание...

Она воскликнула:

— Но бракосочетание!.. Как можно?

Он сказал со вздохом:

— Ваше высочество, позвольте представить вам мою родственницу, вельможную герцогиню Кэйт-риссу Бланчет Истрегонскую, чьи владения впятеро превосходят мои...

Я ответил почтительно:

— Таких женщин нельзя представлять, это им должен быть представлен всякий, кому выпадет такое счастье.

Она воззрилась на меня с еще большим изумлением, кукольнолицая, с огромными синими глазами, но в них я увидел то, чего не ждешь от красивой куклы: пытливый ум, характер, настойчивость и даже отточенный интеллект.

— Принц, — произнесла она певучим меццо-сопрано, — очень приятно... да... так вы, дядя, все-таки придете? Вы обязаны!

Император с мольбой поднял руки.

— Не обещаю, но постараюсь. Пока это все, милая...

Она кивнула и, гордо вскинув носик, так же стремительно и без всякой вельможности устремилась к двери.

Когда за нею захлопнулись обе створки, император со вздохом кивнул в ее сторону.

— Какой натиск... Как вам она?

— Прекрасна, — ответил я с чувством. — Прекраснейшая женщина. Такую любой мужчина мечтает встретить... случайно.

Глава 13

Он промолчал, на лице ни тени досады, понимает, я видел и не такие ловушки и приманки, иначе сгорел бы на ступеньках ниже.

Я ждал, он наконец продолжил с невеселой иронией:

— Вообще-то я планировал как-то вызвать вас, чтобы сделать своим помощником в некотором трудном деле.

Я пожал плечами.

— Я здесь.

— Но теперь, — произнес он, — вы намного сильнее, чем я ожидал. И, конечно, уже не возжелаете ходить в помощниках даже у императора.

— Не возжелаю, — согласился я. — Но можем быть союзниками, ваше величество. Во всяком случае, в сопротивлении господству магии.

— Верховных Магов?

— И Верховных, — сказал я, — и мелких. А самое главное — самой магии. Вижу по вашему лицу, что здесь вы не союзник.

Он пробормотал:

— Но младшие маги не посягают на власть...

— Вас интересует только власть? — поинтересовался я.

Он уловил в моем голосе разочарование, встрепетнулся.

— Ваше величество, но разве отсутствие власти не главное препятствие для реформ?..

— Власть нужна, — согласился я. — Однако, ваше величество, предположим, Верховные Маги, абсолютно не вмешиваются в нашу жизнь. Что тогда? По-прежнему жить да поживать до следующей катастрофы?

Он взглянул на меня с любопытством.

— Да-да, вы вовремя напомнили. Багровая Звезда отныне нашему миру не угрожает... вроде бы.

— Миру не угрожает, — согласился я. — Ваше величество, давайте прямо. Почему у вас на протяжении достаточно заметного времени странный интерес ко мне? И почему заметная поддержка... хотя, если честно, как-то обошелся бы без нее. Хотя один раз вообще-то спасла от петли. Хотя точно не знаю, в самом ли деле король меня повесил бы...

Он невесело усмехнулся.

— Не догадываетесь?

— Нет, — ответил я честно.

Он посмотрел по сторонам и произнес тихо:

— По-моему, вы догадываетесь. Дело в самом деле, как вы сказали, в магах.

— Смутно что-то чувствую, — ответил я. — Но маги при чем?

Он понизил голос еще больше:

— Я сейчас рискую, сообщая вам это, потому что маги при желании могут слышать все, что пожелают. У вас на севере королевствами правят короли, а империями — императоры. А здесь...

Он сделал паузу, давая мне продолжить, я сказал так же тихо:

— Что, маги сильны настолько? Я слышал, заняты высокими делами, а такой ерундой, как власть, не интересуются.

— Не интересуются, — подтвердил он, — но вам станет яснее, если скажу, что границы королевств всегда совпадают с границами власти Верховных Магов.

Он умолк, в глазах я наконец рассмотрел великую печаль и стыд. Наверное, это в самом деле хреновое чувство, когда маги выше императора.

— Да, — согласился я, — это новый взгляд... и несколько... ошарашивающий. Хотя я пришел к этим выводам вообще-то самостоятельно. А если какой-то маг усиливается?

Он кивнул.

— Быстро схватываете. Королевство становится... крупнее.

— Вне зависимости от воли короля? — спросил я. — Да, этого как-то не ожидал. Хотя зря, конечно. Власть на самом верху отбрасывает тень и вниз. А сейчас вы хотите ковать железо, пока горячо? В смысле, все Верховные Маги пережидают катастрофу в глубоких пещерах, а у вас руки развязаны...

— У вас, — уточнил он.

Я покачал головой.

— Давайте этот вопрос отложим. Сейчас, как я понимаю, нужно составить договор о взаимопонимании и взаимоотношениях. Да-да, я знаю, что при составлении любых соглашений и договоров оговариваются и особые пункты, которые не разглашаются. Тайные такие условия, под которыми подписываются обе стороны.

Он произнес медленно:

— Что вы хотите внести?

— Реальность, — сказал я. — Я не претендую на ваш трон, однако некоторое влияние оставляю за собой. Постараемся сделать его незаметным для населения. Как понимаете, я в самом деле защитил империю не только от Багровой Звезды, но и в более приземленном случае — от притязаний Скагеррака. Уж за это должен обрести что-то взамен.

— Лорды этого не примут, — обронил он. — По их мнению, каждый обязан делать все для защиты империи.

— Согласен, — сказал я, он с облегчением перевел дыхание, но я тут же уточнил: — Но те, кто реально защитил, получают что-то в награду.

— На что претендуете?

— Лорды поймут, — ответил я, — если стану защищать империю и дальше. Это вытекает из моей возможности управлять Багровой Звездой.

Он бросил в сторону окна, за которым высоко в небе висит багровый шар. Лицо стало бледным, а тени под глазами углубились.

— Я до сих пор не могу поверить...

— Еще больше не поверите, — сказал я, — если признаюсь, что победили лишь грубой силой. Никаких хитростей. Почти... Так что и вне Багровой Звезды наши ударные армии не такие уж... В общем, это не легкая кавалерия разведки. Потому давайте поручим нашим знатокам законов составить договор, а когда будет готов, мы с вами его сверим, что-то исправим или внесем уточнения и... подпишем.

Герман ответил с облегчением:

— Хорошо. Но дело деликатное, я не стану допускать к составлению слишком большой круг людей.

Кроме меня, разве что лорд-канцлер Айфорс Молер, вы его знаете, а также Джеральдер Реквильд...

— Ого, — сказал я, — думал, вы его втихую удавите в подземной тюрьме...

— Зачем же, — возразил он, — очень деятельный человек, преданность империи доказал... А с вашей стороны?

— Герцог Альбрехт Гуммельсберг, — сказал я.

Он кивнул, я встал, отвесил короткий поклон, как император императору, раз уж разговор наедине.

— Надеюсь, до ужина успеют составить. У меня в планах ночевать уже в Волсингсборе.

Он с готовностью поднялся, подхватил шляпу обеими руками и прочно водрузил на голову.

— Ваше величество...

Его поклон был абсолютно таким же, ни на полдюйма выше или ниже.

— Ваше величество...

Альбрехт слушал мой пересказ внимательно, лицо загадочно неподвижное, а в глазах время от времени проскальзывает вопрос: и когда ты успел узнать эти дипломатические тонкости, я же знаю тебя с простого владетельного рыцаря.

— И в заключение, — сказал я, — не забудьте вставить пункт насчет расследования с инцидентом в момент соприкосновения нашего отряда охраны и охраны императорской персоны. Виновные должны быть выявлены и наказаны. Неважно как. Главное, сам факт признания нашей правоты и сдержанности.

Он кивнул, его серые глаза внимательно всматривались в мое злое лицо.

— Что вас беспокоит? Что они увидели превосходство своих солдат?

— И это тоже, — признался я. — Хотя у нас там была всего лишь легкая кавалерия, а из пещер вышла элитная гвардия императора.

— Но их превосходство было подавляющим?

— Да, это со счетов не сбросить. Так что стоит как-то нивелировать.

— В смысле, пару раз как бы невзначай вставить о Багровой Звезде?

— Можно, — сказал я, — можно и больше чем пару раз. А остальное уже рутина. Разграничение полномочий — скользкая штука, но у вас ясный ум, сэр Альбрехт. Вы все их хитрые штучки увидите сразу.

— Постараюсь, — ответил он кратко, — ничего не упустить.

Подозреваю, за это время советники подали императору варианты договора, он выбрал самый подходящий, внес те пункты, которые мы договорились считать секретными, сэр Альбрехт проверил и кое-что подправил, и когда я прибыл на подписание, все было готово для того, чтобы поставить подписи и закрепить их под сургучовыми печатями.

В кабинете на этот раз император не одет, а облачен со всей торжественностью, расшитая гербами мантия с горностаевой подбивкой, регалии, высокая корона императора, которую не спутаешь с простой королевской, не то что я — свинья свиньей.

Правда, я варвар, мне простительно, что с северного дикаря возьмешь, а он сплошь могущество и величие, а корона не корона, а стальная тиара, перед нею королевские, как воробы перед царственным павлином.

Несколько его советников неподвижно стоят вдоль стены, но это неважно, пусть заглядывают даже в документ, секретные пункты прописаны на отдельном листке, которые им не покажут.

Я узнал Айфорса Молера, Адриана Скророронга и даже Джеральдера Реквильда. Остальные трое незнакомы, смотрят вроде бы нейтрально, но я четко ощутил идущую от них враждебность.

Император окинул меня быстрым взглядом.

— Вам проще, — сказал он, — ваше высочество. Меч героя заменяет все регалии, верно?.. Но, думаю, и вы придете к такой помпезности.

— Придем, — мирно согласился я. — Придется и через такой смешной период пройти. Где поставить подпись?.. Ага, вот удобное место... Ваше величество, несмотря на, ваше положение с подписанием этого договора только укрепились. Нет-нет, я не говорю, что было шатким, но исчезнет досадное давление неприятного соседа. Скагеррак больше не будет посягать на ваши земли, а мне они и подавно не нужны.

Я быстро пробежал взглядом, ничего не упустили, подписал оба листка, а Герман после своей подписи лично поставил печать и протянул один мне.

— Ваше высочество...

— Ваше величество, — ответил я смиренно, это для тех, кто стоит и внимательно наблюдает за процедурой подписания. Для них это общение властелина с вассалом, хотя в секретном приложении все чуть ли не наоборот. — Рад, что мы обо всем договорились.

Он повернулся к молча слушающим советникам.

— Сэр Айфорс, можете забрать документы.

Лорд-канцлер приблизился, взглянул на меня исподлобья, но момент слишком торжественный для

поклонов, взял листок и удалился, а второй с тайными пунктами император спрятал в рукаве.

Советники, заполучив документ, вышли из кабинета. Когда за ними закрылась дверь, император сказал с облегчением:

— Ну вот, с этим покончили. Я верю вам, ваше величество. Зачем вам какие-то мои земли, если вы в состоянии отобрать империю?

— Рассматривайте меня, — сказал я, — как гаранта вашего суверенитета.

— Моего?

— В особенности вашего, — подтвердил я с приятной улыбкой. — Все-таки я ваш вассал, ваше величество.

Он криво усмехнулся.

— На людях.

— Не поверите, — сказал я, — но в самом деле почти приятно быть вассалом, когда кто-то принимает решения и сам же за них отвечает.

Он взглянул исподлобья.

— Почему же? В это как раз поверю.

— Приношу свои соболезнования, — сказал я. — Может, вам принять протекторат Скагеррака?

Он нервно дернулся.

— Ну и шуточки у вас!

Я поднялся, отвесил поклон, строго дозируя его в пространстве и времени.

— Не смею отнимать ваше высокое внимание, ваше величество. Думаю, важные вопросы мы решили.

Он тоже поднялся, наши титулы ноздря в ноздрю, ответил вежливо:

— Сегодня ночуете здесь?

— В Волсингсборе, — ответил я с небрежностью.

Он поинтересовался:

— Присмотрели дворец Скагеррака целиком?

— Мне хватит и каморки, — сообщил я, — но империя должна работать. Потому да, придется дворец брать целиком, иначе народ не поймет. Империю берем тоже, мы же реалисты.

Он усмехнулся.

— А здесь только половину четвертого этажа?

— Ваше величество, — ответил я мягко, — Багровая Звезда, уж простите за упоминание, дает возможность изменить большинство основных законов государственного устройства. Отныне можно не ждать обязательной гибели цивилизации, после которой все сначала. Открывается бесконечный путь, а он должен быть путем развития, а не просто существования, к которому здесь привыкли в силу обреченности перед неизбежной катастрофой.

Он пытливо наблюдал за моим лицом, наконец сказал осторожно:

— Не думаете как-то соединить мощности Севера и Юга? Возможно, это даст новые возможности?

— Думал над этим, — признался я. — Но сразу же передерутся. Север моложе, потому злее и бескомпромисснее.

— Знаю, — проговорил он.

— Бабетта?

— У меня там не только Бабетта, — ответил он мирно, — я осведомлен о роли церкви. Признаться, она меня пугает...

Я поймал на себе пытливый взгляд, сдвинул плечами.

— Меня тоже. Но сути это не меняет.

Он спросил живо:

— Вас тоже? Но вы ведь... Защитник Веры?

— Веры, — подтвердил я, — но не церкви. Церковь... это все-таки люди. Как чистые и праведные, так и корыстные и коварные. Потому за веру я целиком «за», а за церковь — с серьезными оговорками. Потому и не спешу привозить сюда ее представителей...

— Мудро, — сказал и добавил поспешно: — Простите, что как бы свысока одобряю, на самом деле просто предвижу огонь и кровь по всей империи...

— Этого не избежать, — ответил я. — Но мы с вами, ваше величество, постараемся сократить... до минимума. Ну, как получится.

Он даже проводил меня до двери, после подписания договора с секретными пунктами мы оба, думаю, чувствуем себя как два сообщника.

Глава 14

В коридоре отклеился от стены и шагнул навстречу Альбрехт. Лицо напряженное, в глазах тревога и нетерпение.

— Ничего не стряслось? А то как-то быстро...

— Все в порядке, — сказал я успокаивающе, — все сделано, герцог. Со всеми попрощались?

— Да и не знакомился особенно, — ответил он уклончиво. — Я велел там запрячь коней...

— Прекрасно. Тогда без задержек!

Во дворе подвели наших коней, мой арбогастр все такой же, а вот Альбрехтова едва узнал: разукрашен, как идущая под венец невеста: на лбу усыпанный самоцветами ремешок, длинную голову украшает выделанная лучшими ювелирами бляха из золота, а удила,

повод и прочие ремни, включая подпруги, отделаны золотым шитьем. Попона под седлом настолько ярко-оранжевого цвета, что не видны золотые нити, а массивные стремяна отделаны серебром с вкрапленными рубинами.

— Вам подменили лошадку, — сказал я.

Он вздохнул.

— Догадываюсь, кто ее так разукрасил... Ну да ладно, сейчас спорить поздно.

— Ее подгоняли под вас, — заметил я скромно. — Только что шляпу не надели.

Он нахмурился.

— Вам повезло, к вашему чудовищу страшно подойти. А то бы посмотрел, в какой цветок превратили.

Я содрогнулся.

— Ни за что!

Кто-то из высшего звена успел выслать за нами почетный караул из императорского парадного полка, но едва мы в галопе выметнулись за черту города, я закричал радостно:

— Маркус, моя лапочка!.. Иди ко мне, мой толстоморденький!

Альбрехт покосился на меня дикими глазами.

— Чё? — спросил я.

— Жутковатый у вас юмор, — ответил он нервно. — Адской Пес у вас Бобик, чудовище под седлом называли Зайчиком, хотя у него в глазах огонь, а из пасти дым! Еще более адский, чем собачка... А тут еще к Багровой Звезде Смерти такое...

Я признался:

— А это чтоб самому не так боязно. Звери более чуткие, чем люди, сразу улавливают, что говорю ла-

сково. А вот если бы говорил «Адский Пес», «Адский конь»...

— Да, — сказал он торопливо, — нам всем лучше, если Маркус будет чувствовать ласку с вашей стороны.

Мир накрыла густая тень, в тревоге замолкли цверенчащие кузнечики, затихли в кустах птицы, я тоже замер и прислушался к странному ощущению, что всякий раз возникает возле Маркуса, словно вокруг нас искривляется пространство, а то и время. Да, время наверняка, иначе как с такой скоростью перемещается?

Едва опустил широкий трап, Альбрехт пустил коня вверх по красному бархату, оглянулся.

— Сэр Ричард?

Я позвал:

— Карл-Антон, вы здесь?

Через пару секунд из пустоты раздался хрипловатый голос:

— Теперь здесь. Ваше величество?

— Вы что, — спросил я, — хотите остаться?

— Ненадолго, — ответил голос из пустоты, — с вашего разрешения. Наткнулся на очень любопытные материалы... Не волнуйтесь, ваше величество, я уже набрался сил!.. Теперь могу переместиться в ваш дворец в империи Скагеррака достаточно легко.

— Хорошо, — сказал я, — любопытничайте. Завидую вашей способности перемещаться. Когда-нибудь научите?

Когда поднялись в Маркус, а диафрагма люка отрезала от мира, Альбрехт сказал с пренебрежением:

— Не волнуйтесь... Кто станет о таком волноваться?

— Я стану, — ответил я с укором. — Сэр Альбрехт, когда-то будут ценить не за титулы.

Он помолчал, буркнул:

— Да и сейчас вообще-то... Но люди благородного происхождения все же более ответственные и достойны уважения. А низкое происхождение — почти все плуты и жулье.

— Почти, — согласился я. — Маркус...

Когда поднялись по трапу, мне показалось, что в Маркусе на миг стало теплее, а внизу вместо Солнечного Города возник Волсингсбор, еще огромное столицы Германа, но выстроенный строго и с надлежавшей надменностью столицы империи.

Я велел зависнуть перед самыми городскими воротами, а ярко-красный конец трапа по моей команде опустился между распахнутых створок на землю города.

Альбрехт буркнул:

— Не эффектнее было бы прямо во дворец? Сошли бы во двор, прям как языческие боги...

— Пусть не только придворные видят, — сказал я, — кто здесь настоящий император. Горожане еще чаще общаются друг с другом, чем придворные.

Я пустил арбогастра вниз по трапу, Альбрехт сказал в спину:

— Резонно. Иногда вы, ваше величество, рассуждаете как вполне взрослый.

— С вами и постареть нетрудно, — ответил я. — Такой мудрый, такой правильный... Хотя леди Бенедикта немножко скрашивает...

Он дернулся в седле так, что конь недовольно всхрапнул.

— Кто вам такое сказал?.. Не было никакой леди Бенедикты!..

— А как же та, вся в зеленом, как молодая лягушка?

Он ответил с неудовольствием:

— Назвалась баронессой Ваинвратской, раз уж вам так интересно.

— Сразу или потом?

Копыта застучали по каменным плитам, я мысленно велел Маркусу подняться в стратосферу. Густая тень исчезла, цокот подков по солнечному миру стал веселее и звонче.

Альбрехт на миг взглянул вверх.

— Потом, — сообщил он нехотя. — Сперва вообще под маской. Здесь это привычно. Вижу, наши доблестные рыцари уже суют носы в личные дела соратников, а это тлетворное влияние местного мира весьма пагубно для молодежи и подрастающего поколения.

— Да, — согласился я. — Мы все молоды, раз уж в такой аванюре... Улыбайтесь, герцог, улыбайтесь! На вас смотрит весь южный континент глазами горожан Волсингсбора.

Он с неохотой растянул рот и вскинул руку в приветствии. Мы двигались в сторону дворца, и по всему пути из окон высовываются люди, кричат весело и размахивают руками и платками.

Похоже, за эти несколько дней к нам стали относиться дружелюбнее. Тем более постоянно встречают и наши расквартированные в городе части, так что все видят, мы принесли мир и порядок на остриях мечей и копий, все хорошо и все замечательно.

Конечно, Багровую Звезду Зла не спрячешь, ее эффект виден по бледным лицам городской и дворцовой стражи и стиснутых пальцах на рукоятях копий и мечей.

Хотя не только им, всем еще кажется, что вот-вот выйдут чудовища и начнут хватать и мучить горожан,

а то, что оттуда появляюсь я, не слишком убедительно, да и я появляюсь обычно из-за леса, а не прямо из пасти Звезды Смерти.

Во дворе навстречу бросились мои младшие военачальники, тут же подошли Норберт, Келляве, Волсингейн и даже Палант.

Я сказал сварливо:

— А я думал, мне удалость выстроить вертикаль власти. Все усердно работают на благо отечества, а я лузгаю семечки и придворных красоток!.. Тоже на благо. Но стоило на минутку...

Норберт заметил холодно:

— Минутка длилась больше суток, а за это время набежало проблем, которые вы оставили в своем ведении. Но, если хотите, мы их сейчас сами...

— Нет-нет, — сказал я поспешно. — Знаю ваше «сами»! Маркус столько не наломает, как чистосердечные энтузиасты. Давайте ваши проблемы!

— Вообще-то они ваши, — уточнил Норберт, оглянувшись на Альбрехта, тот кивнул с мрачным видом. — Ну ладно, наши общие, но без вас мы не решились...

— Все в кабинет, — велел я. — Там за столом и решим.

— Наливать буду я, — вызвался Палант, — а то всегда неполную придвигают.

Через полчаса из коридора в кабинет донесся топот ног, громкие голоса, непривычные под сводами залов, где царят шепот и полусшепот, Хрурт распахнул дверь, ухмыляясь во весь рот.

Я с недобрым интересом всматривался во входящих в кабинет, уже понимая, чему ухмыляется Хрурт.

Альбрехт, уже переодевшись, вошел яркий и сверкающий, как позолоченной кирасой, так и камзолом из золотой парчи. Шляпа чуть ли не роскошнее императорской, золотой пояс, украшенный умелым шитьем, манжеты, банты, только ноги упрятаны, в отличие от местных, в брюки из плотной ткани, да вместо туфель сапоги, но остальные, пытаясь подражать ему, вызывают смех даже тех, кому медведь наступил на чувство вкуса да еще потоптался на нем.

Я широким жестом указал на кресла у большого стола.

— Садитесь. Предупреждаю, пороть сразу не буду. Сперва разберусь, я как бы все еще справедливый. К деспотизму начну сползать постепенно, так что чувствуйте себя пока как дома, но не наглейте, вы же теперь образцы северной культуры.

Рассаживались веселые и довольные, дела идут прекрасно, так им кажется, сопротивления все еще нет, а богатства населения разжигают аппетиты, хотя грабить еще некогда, пока приходится не позволять грабить население местным грабителям.

Из всех только Норберт и Келляве не поддались Югу и на полмизинца, разве что Келляве сменил доспехи из высокосортной стали на простой камзол, но и дома на Севере одевался точно так в промежутках между войнами, а Норберт как был в тонкой кольчуге под рубашкой, так в ней и остался, в этом странном мире южной империи есть много куда более интересных вещей, чем мода.

— Хороши, — произнес я, стараясь, чтобы голос звучал между одобрением и неодобрением. — Не перестарайтесь только. А то как козы с бантиками... Кто подражает — того не уважают... Ладно, а теперь о деле.

Сэр Норберт, сейчас у нас период адаптации, так что главная нагрузка на вас.

Норберт легко и быстро поднялся, все такой же худой и жилистый, чисто выбритый и с воинственно приподнятыми кончиками усов, как у Германа Третьего, только у Германа несколько кокетливо, а у начальника всех тайных и явных разыскных служб смотрят с суровой уверенностью и готовностью дать отпор любому противнику.

— Разведка, — сказал он сухим твердым голосом, — сейчас дополняет общую карту. На это уйдут недели, а то и месяцы. За последние четверо суток на карте появились восемнадцать новых мест, куда не ходят багеры...

— Ого, — сказал я, — а как те ребята добрались?

— Отыскиали тропы, — сообщил он. — Не новые, контрабандисты ими давно пользуются, но армию, конечно, там не провести.

— А чего наши туда поперлись?

Он бросил на меня хмурый взгляд.

— Потому что, как вы уже догадываетесь, увидели с багеров нечто подозрительное. Где-то протоптанные через горы тропы, сверху их хорошо видно, а где-то и поселения, к которым нет вроде бы дорог... Как выяснилось, дальше еще села, а там и города...

Все помалкивали, уже знают от Норберта, на меня поглядывают с интересом, как приму такую новость, что среди остальных, как лошадь среди мышей.

— Стоп-стоп, — сказал я. — Даже города?

Он кивнул.

— Часть моих людей остались в таких местах, собирают сведения. Похоже, ваше величество, вне зоны багеров не такие уж и пустые земли.

— А по общей оценке?

Он ответил уклончиво:

— По меньшей мере на пару королевств наберется. Может, больше и намного. Мы только прикоснулись к этим неизведанным землям. Главное же, ваше величество, там нет магов. Даже мелких. Правда, народ живет очень бедно, иногда вообще голодает.

Альбрехт предположил:

— Либо так изначально, а потом маги не простерли на их земли свою безмерную власть, а может, нашлись настолько непокорные, что ушли через горы на свободные земли? И теперь живут вне власти ненавистных королей...

— Короли, — заметил я, — все равно появятся, только уже собственные, но это уже другая песня. Так-так, а это ценнейшие сведения! Настолько ценнейшие, что даже не могу и вообразить насколько.

Келляве проворчал озадаченно:

— Чем же ценные для вас те нищие деревеньки?

— Перспективой, — ответил я туманно, — и возможностями. Это настолько новый взгляд, что поможет скорректировать даже нашу мудрую и очень мудрую политику.

Норберт взглянул в упор.

— Ваше величество?

Альбрехт тоже всматривался в меня внимательно, за серыми глазами цвета лезвия меча чувствуется мощный мозг, что работает даже тогда, когда его хозяин вроде бы отдыхает.

Я и правда чувствовал себя здорово не в своей тарелке. Это еще одна проблема, однако и странное облегчение, словно получил поддержку с неожиданной стороны. Похоже, в огромной империи Ска-

геррака... нет, Скагеррака больше нет, в империи Клонзейд существуют две разные экономические системы.

Правда, сравнивать их, что слона и мышь, но мышь здесь как обнадеживающий показатель, что и так жить можно. Одна экономика целиком и полностью на могуществе магов, без них все рухнет, а вторую я бы назвал нормальной, естественной.

Правда, там общества, как сказал Норберт, на более низких ступенях развития, наверняка даже ниже, чем у нас на Севере, однако если учесть, что они вторичные, образовавшиеся из тех преступников и беглецов блестящего и сытого багерного мира, которым пришлось по каким-то причинам, скорее всего криминальным, покинуть обжитые места, то их прогресс вызывает уважение, все-таки города — это уже достаточно высокий уровень развития...

Альбрехт проговорил с холодной задумчивостью:

— Это объясняет некоторые странные грабежи на дорогах... Не сейчас, эти понятны, а прошлых лет, когда все благополучно и крестьяне блаженствовали. Я прочел те сообщения, хотя не мог сразу ухватить причину.

— И понятно к ним отношение, — добавил Норберт.

Альбрехт сказал в нетерпении:

— Поясните, герцог, что вам понятно. А то его Багровозездное Величество уже настобурчило уши.

— Находились люди, — пояснил Норберт, — что выходили из таких диких мест, которые непонятно где находятся, и грабили деревни благополучных, что в зоне багеров. По мелочи, правда, но такое бывало.

Думаю, власти понимали, но помалкивали, что и за гранью багерных маршрутов есть жизнь, есть села, а то и города.

Альбрехт сказал с сомнением:

— И не организовывали карательные экспедиции?

Норберт пояснил тем же ровным голосом:

— А того стоило? Конница через дремучие леса и перевернутые скалы не пройдет. Пешие войска в тяжелых доспехах и с оружием в руках устанут, потеряют след, увязнут в болотах, начнут срываться в пропасти, в конце концов уцелевшие вернутся ни с чем. Убытков от таких походов больше, чем от мелких грабежей.

— А маги?

— Маги такими пустяками не занимаются, — напомнил Альбрехт. — Ваше величество?

— Надо пробить к ним дороги, — сказал я с сомнением. — Наверное, надо. Но сперва установить и там нашу власть и подчинить, чтобы никакой вольницы, а только здоровая конкуренция на бесчеловечных законах капитализма, где выживает сильнейший без всякой поддержки государства и магов.

— Без поддержки, — уточнил Келляве, — но налоги плати?

— А за крышу? — ответил я. — Основная задача государства — крышевать от внешних угроз. А в промежутках между войнами государство следит, чтобы мирные жители не перерезали друг друга. Это уже с помощью законов, которые хитро устанавливаются на местных обычаях, потому что жители сами стараются выработать какие-то этические нормы, чтобы не пытаться убивать друг друга при первой же встрече.

Глава 15

Рокгаллер слушал, кривясь, как от зубной боли, он градоначальник Волсингсбора, это целое государство, какое ему дело до нищих деревенок, да и вообще перестает понимать, если выдаю больше одной фразы, это содействует моей репутации еще и как мудреца.

Норберт покосился на него, сказал сухо:

— Кстати, в королевстве Гурангия целая область охвачена вечным, как говорят местные, огнем. Правда, уже выяснено, что огонь призрачный. Можно войти и выйти, если не углубляться...

Все оживились, начальник разведки говорит понятнее и намного интереснее, чем вещает их император и вообще вождь.

Я спросил в нетерпении:

— А если углубиться?

Он развел руками.

— Бывало, возвращались. Но уже не такие, какими ушли. Кто-то резко постарел, кто-то вернулся подростком... а уходили, как вы понимаете, взрослые люди...

Палант добавил живо:

— Многие возвращались в другой одежде!.. Как я слышал.

Норберт взглянул на него в неудовольствии, а я насторожился, сказал в нетерпении:

— Подробности!

— Не похожа на одежду вовсе, — пояснил Норберт. — На одних вроде бы прилипшая к телу чешуйчатая кожа, как у рыб... Но это по слухам, ваше величество. Наши такое увидеть не успели.

— У ящериц еще, — сказал Палант и, опасливо взглянув на Норберта, добавил: — У некоторых.

— Другие в звериных шкурах, — пояснил Норберт, — рассказать ничего не могут, только мычат и руками разводят...

— Их что, — поинтересовался я, — лишили речи?

— Нет, — пояснил Норберт, — о нашей жизни говорят толково, а о той только мычат и руками разводят...

— Надо отыскать уцелевших, — велел я, — спросить подробнее. Я хоть знаю, что спрашивать!

Норберт метнул на меня странный взгляд, в нем читалось: ага, я же знал, что вы явились откуда-то отсюда, но предложил быстро:

— Это долго. Лучше кликнуть клич, что вернувшийся получит золотой за отвагу!

— Да, — заметил Палант ревниво, — тут же охотники найдутся!

— Десять золотых, — пообещал я. — Только не тем, кто шагнет за стену огня, постоит минуту и вернется... Кто сумеет рассказать больше, тот получит дворянство и большой кусок земли.

— А что, — согласился Келляве, — чужая, не жалко...

— Уже наша, — оборвал я строго. — А мы должны быть хозяевами, а не захватчиками.

— Да я чё, — пробормотал он, — просто земли здесь много, а виноваты все... Можно отбирать любую.

Я помолчал, по моим прикидкам, в таких местах когда-то располагались особо важные объекты. Скорее всего, довольно быстро самовосстанавливающиеся, потому по таким били чем-то крайне мощным. И тоже

с особыми свойствами, что дают о себе знать даже сейчас, искажая время и пространство...

— Кстати, — сказал я, — Сколько возвратилось?

Норберт пожал плечами.

— Из моих людей все. Из местных... кто их считал?

— Тогда хотя бы навскидку, — велел я. — В процентном отношении. Ну, сколько человек из каждого десятка!.. Если потери слишком велики, а человеческая жизнь — самое ценное, что есть во вселенной...

Он смотрел на меня в недоумении.

— Ваша Небесность...

Я отмахнулся.

— Что, мудрых людей не слыхали?.. Но миром правят, к счастью, не самые мудрые. Иначе уже все бы вымерли. Так что отправляйте и отправляйте новых героев, наука требует жертв!.. А бесполезных людей здесь много. Не забывайте вознаграждать вернувшихся и сразу же их ко мне! Отвага должна вознаграждаться, даже если это дурь, а не отвага.

Рокгаллер сказал с неохотой:

— Ваше величество... до Зачарованных ли нам сейчас? Сколько их осталось на Севере, никак руки не доходили, а сейчас мы вообще где? Не до того. Здесь их вообще столько, что даже не знаю.

Он вздыхал и разводил руками, то смотрел на меня, то елозил взглядом по столешнице. Я отвел взгляд, он прав, мы столько всего не узнали и не проверили на северном континенте, а нас уже занесло сюда, вот так и бросает жизнь, нас не спрашивая.

Я сказал с нажимом:

— Нам все же придется разбираться с этими Зачарованными Местами!.. Откуда взялись?.. Нет, я понимаю насчет великих древних, что насоздавали

разные чудеса. Однако разве Багровая Звезда не уничтожает все на земле?.. Не вспахивает, как гигантским плугом?..

Он сказал мрачно, еще не поняв, к чему я клоню:

— Это все знают.

— Но как тогда эти места уцелели?..

Он подумал, вздохнул.

— Да кто знает. Это ж магия!

— Хорошо бы докопаться, — сказал я. — Если остаются неприкосновенными для Маркуса, то в них в неприкосновенности все, что было в те времена древних?

Военачальники затихли, смотрят, стараясь не пропустить ни слова, я в самом деле сказанул не просто важное, важного много, но очень манящее для искателей сокровищ.

Альбрехт, что помалкивал долгое время, напомнил сухо:

— Во времена Великих Войн Магов противники уничтожали друг у друга все важное и ценное. До наших времен уцелело то, что все еще горит.

— Так долго? — спросил я скептически.

Он пожал плечами, а сэр Рокгаллер возразил с полной убежденностью в неоспоримости своего довода:

— Но это же магия!.. Что в ней поймешь?..

Альбрехт взял из угла длинный рулон бумаги, расстелил по столешнице во всю длину. Карта уже обросла деталями, сюда вносят постоянно поступающие от разведчиков Норберта сведения.

Келляве и Робер помогли придавить кинжалами сворачивающиеся края.

— Вот, — сказал он, — в городе отличные дороги, все вымощено булыжником, а центральная часть во-

обще в гранитных плитах, им нет износу. Но прямо от городских ворот такое, даже в бедных селах севера считалось бы стыдным для деревенских старост.

— Здесь везде так, — буркнул Рокгаллер. — Но у меня в городе полный порядок.

— Потому, — продолжил Альбрехт, — попробуем начать нашу зримую работу с постройки дорог. Его Багрянозвездное величество изволило изречь, что дороги — самое важное. Думаю, его снова занесло, как обычно, но дороги в самом деле нужноваты. Предлагаю начать прокладку от восточных ворот Волсингсбора и тянуть вот до этого городка...

— Какого? — спросил Палант.

— У него на карте даже имени нет, — ответил Альбрехт, — но это самое близкое к Волсингсбору. Если получится со здешним народом, то дальше можно будет подумать и о настоящих дорогах... Ваше величество?

Я поднялся.

— Наконец-то реальное нечто!.. Великие стройки объединяют народы и создают нации. А тут строек непочатый край. Хорошо, на этом заканчиваем. Все за работу, нас мало, потому каждый должен не за трех, а за два-три королевства! Работать, а не!.. А мы с вами, герцог, проедемся до ворот. Вдруг в вас в самом деле крепко спит великий строитель?

— Пусть спит, — разрешил Альбрехт.

Соскучившийся арбогастр прибежал на свист чуть ли не быстрее Бобика. Пока я поднимался в седло, Бобик прыгал из стороны в сторону, стараясь угадать, в какую сторону поедет, а когда понял, ринулся стрелой к воротам.

Конь Альбрехта почти такой же нарядный, как и его хозяин, то и дело старается обогнать Зайчика. Зайчик поглядывает с пренебрежением, но идет ровно, повинаясь моей руке и еще больше моим желаниям, которые чувствует почти так же здорово, как и пес.

Картинно одетые стражи на городских воротах завидели нас издали, даже быстрый Бобик успел домчаться до них как раз в момент, когда створки уже начинали распахиваться.

Пугать их не стал, выметнулся на простор, там в нетерпении подпрыгнул на всех четырех мощных лапах с толстыми когтями алмазной крепости.

Альбрехт заметил с сочувствием:

— Это же зверь! А служит комнатной собачкой.

— Подумаешь, — сказал я с обидой, — служит! Наслаждается жизнью, как никогда раньше. Видели бы, каким был, когда я его встретил...

Он передернул плечами.

— Не могу и представить. Долго дрались?

— Зачем? — спросил я. — Все в мире жаждет, как сказал Христос, любви и ласки. Только люди стыдятся, а животные честнее, потому и животные.

Он повернулся в седле, указывая дорогу от ворот в сторону далеких домиков с крышами из красной черепицы.

— Здесь и земля ровная, и дорогу тянуть недалеко...

Я прикинул расстояние на взгляд, пожал плечами.

— Крестьяне и так сюда добираются на телегах, а кто и пешком. Зачем им дорога?

Он отмахнулся.

— Да кому нужны те крестьяне!.. Я не уверен, что здесь знают, как строить мощенные дороги. Это же не

просто камни выложить в ряд, сперва нужно снять верхний слой, просыпать песком и гравием, по бокам вырыть отводные канавы, а то дожди за год размоют даже самую лучшую из дорог...

— А-а, — сказал я, — пробную? Вы стали осторожным, герцог.

— Я и был осторожным, — ответил он сухо. — Единственный не до конца обдуманый поступок, когда присоединился к вам. Но слишком уж пламенно настаивал Митчелл. Сейчас нужны люди, которые научатся строить. Потом поставим бригадами и мастерами на другие направления... Но вас тревожит что-то другое?

Я сказал с неохотой:

— Как всегда, ленивая натура старается увильнуть от работы, потому вот сейчас тревожусь, хотя чему тут тревожиться, что если восстановление объектов, самовосстановление, я имею в виду, идет с той же скоростью, то и пожар может длиться вечно. Возможно, нападающая сторона именно это и учла...

Судя по его лицу, ничего не понял, да и как понять, что при достаточном уровне технической мощности ремонт и даже полное восстановление любых сломанных или уничтоженных вещей должны быть обязательно заложены в программе. Такие глупо и бесполезно просто бомбить, заводы и прочие важные объекты тут же будут восстановлены сами по себе. Однако можно сбросить такую же самовосстанавливающуюся бомбу на постоянно работающий заряд.

Он вроде понял мою запутанную мысль, вздохнул тяжело, словно это он несет коня на спине.

— Хотите сказать, что если сумею погасить такой пожар, интересно посмотреть, что вырастет?

— Да, — согласился я, — только какие из нас гасители? Зато поджигатели еще те.

— Поджигать даже дети умеют, — буркнул он. — Так мы начинаем строить дороги?

— После пробной, — сказал я, — сразу начинаем осваивать дорогу к Гессену!..

Он поинтересовался с расстановкой:

— Черро ваш, уже знаю. Но королевство Гессен?

— Под моим внешним управлением, — заверил я. — Так распорядился император Герман. В общем, мое.

— Не империи Клонзейд?

— То было бы признаком поражения Германа, — пояснил я, — а зачем нам так грубо? Важнее реальная власть.

Он посмотрел с укором.

— Потому в империи Германа вы все еще принц императорской мантии?..

— А что такого? — спросил я. — Зато император передает мне важные полномочия. Как бы своему подданному!.. От этого его власть в глазах придворных только крепче.

— Что передает власть?

— Что я подданный.

Он поморщился.

— А вы делаете вид, что выполняете его поручения?.. Я бы устыдился притворяться.

— Вы рыцарь, — сказал я с сочувствием. — Доблестный рыцарь с головы до ног и до глубины души и сердца. Квинтэссенция аристократических тради-

ций!.. Но в этом южном мире, где о рыцарских временах давно забыли, нужна другая политика. Не от сердца, а от головы. Политика, в которой деньги не пахнут, а цель оправдывает средства.

Он промолчал, несколько озадаченный, хотя и это на его лице, сколько несогласный. Человек должен всегда оставаться человеком и все такое, не представляет, что кроме великолепной рыцарской картины мира, благородной и возвышенной, могут быть и другие, не такие прекрасные, но разве мы сами прекрасные, благородные или возвышенные?

Часть третья

Глава 1

Послышался быстро приближающийся треск, Альбрехт ухватился за рукоять меча, я смолчал, уже узнавая.

Через пару мгновений кусты с треском распахнулись, мелькнуло крупное угольно-черное тело, в пасти Бобика крупный разжиревший барсук.

Не останавливаясь, он в два прыжка оказался у перепуганного коня Альбрехта и, вскинув голову, не подал Альбрехту добычу, а положил ему на седло.

— Ну спасибо, — ответил Альбрехт. Он поспешно ухватил здоровенного, как матерый кабан, барсука.

Бобик плюхнулся на зад и посмотрел на него довольными глазами.

— Он вас любит, — заметил я. — Видит в вас такого же охотника.

— Ну спасибо, — повторил Альбрехт, он с усилием удерживал сползающую с седла тушу. — Мы с ним прям два сапога пара.

— Пора переходить на туфли? — спросил я.

— Ни за что, — ответил он, взглянул на меня с сочувствием в холодных серых глазах, а когда заговорил, голос звучал совсем

не мягко или утешающе: — Сэр Ричард!.. Но разве Господь не велел нам делать что-то лучше, чем мы сами?

Я помолчал, Альбрехт просто гений в делах практических, но сейчас сказал такое, что не услышишь и от богослова.

— Господь дал нам свободу даже от Себя, — ответил я. — Потому что верит в нас... Но сейчас я думаю, что как бы Маркус не ворошил поверхность земли, но недра, где продолжают работать машины древних, от него в недосыгаемости? И хотя почти все прекратили работу, не получая команд, но какие-то еще пыхтят, выдают наверх горы никому не нужных слитков.

Он воскликнул с предостережением:

— Сэр Ричард...

— Успокойтесь, — ответил я, — к тем древним механизмам не полезу, хотя и хочется. По крайней мере, вот прям сегодня. Сперва разберемся, что с людьми делать. Этот гребаный гуманизм... хотя в нем есть высшая цель, в быту недопонимаемая.

— Сэр Ричард?

— Народу нужно набрать побольше, — пояснил я. — Когда много, тогда и задачи решаются великие!.. Один человек может мало, племя — уже много, королевство — очень много, империя вообще решает гигантские задачи, а все человечество так и вообще не только горы свернет, но и звездное небо перекроит, как попону боевого коня.

Он вздохнул.

— Не понимаю вас, сэр Ричард. Нет, смутно что-то улавливаю, но это вроде того, как если бы пытаться в озере руками поймать сонного карася, а ухватить за хвост гигантского ящера...

— В вас спит ученый, — сказал я с похвалой. — Формулируете точно и образно.

— Пусть спит, — разрешил он. — Мне больше нравится меч в руке и быстрый конь подо мной, чтобы ветер свистел в ушах!

— Не брешите, — сказал я с мягким укором. — Хотя мы все брешем, но не всегда же и не всем?.. Вы не доблестный сэр Растер, образец мужества и рыцарства.

Он зябко передернул плечами.

— Нам лучше вернуться. Мозги проветрили даже слишком, а то мысли у вас все опаснее и опаснее. Насчет священников решили?

— Да, — ответил я. — На днях отправлюсь.

— Не горбитесь, — сказал он с сочувствием. — А то уже вижу... дураков и среди них много.

— Дураки пусть, — ответил я, — на дураках мир держится. Опаснее фанатики. Они бесстрашны и не отступают с дороги, которую кроме них никто не видит. Хотя отец Дитрих очень умен, но где наберет армию таких, как он сам?

Возвращались поздно, за это время на мир спустился вечер, ночь вступила в права, но город освещен чуть ли не так, как днем, разве что небо загадочно темное, даже звезд почти нет.

Чем ближе ко дворцу, тем больше на улице гуляющих, со всех сторон слышна музыка, на перекрестках часто попадаются бродячие актеры с жонглерами и танцовщицами.

Охрана дворца работает, как часы, быстро и ловко распахнули ворота и так же моментально закрыли следом, только и услышали, как звякнул длинный двойной засов.

Обрадованный Бобик, заскучавший за время прогулки, когда мы заодно заскочили на ряд объектов, а еще и проверили, как работает городская охрана, напомнил нашим отрядам, что мы все-таки в захваченной стране, а кто прозеваает, того сожрут.

Однако на огромной территории дворца, что не меньше по размерам среднего города, яркий свет, толпы празднично разодетых вельмож и роскошных женщин, то ли дело смех, довольный раскатистый мужской, тонкий игривый женский, шуточки, музыка, песни, все сливается в вечный праздник, что не прерывается даже днем, а только малость утихает...

— Я к себе, — сказал Альбрехт. Он соскочил на землю, бросил повод подбежавшему лакею. — А вы уж погуляйте по-императорски. Только город не сожгите, вдруг пригодится. Потом спалите.

— Не дождетесь, — заявил я. — Посмотрим, кто заснет раньше.

У двери моих покоев Хрурт и Ульман весело ржут, но увидели меня, вскочили, строгие и подтянутые.

Хрурт сказал сразу несколько доверительным голосом:

— Герцогиня спрашивала, когда вернетесь. Но сейчас, наверное, уже поздно?

— Во дворце никогда не спят, — напомнил я. — Зови, но только не бей.

Он ухмыльнулся, исчез, а через пару минут дверь отворилась, герцогиня вошла, быстрая и легкая, ничуть не запыхавшаяся, словно ждала в соседней комнате.

— Ваше величество...

Я кивнул на стулья у стола.

— Садитесь, герцогиня. Ничего, что я при даме переодеваюсь? А то кто знает, что у вас за порядки...

— В таких вопросах, — ответила она любезно, — император выше правил.

Перевязь с мечом я повесил на спинку одного кресла, шляпу швырнул на сиденье второго, с облегчением расстегнул широкий пояс, тот улетел еще дальше.

Она медленно опустилась на стул у стола, почтительная и настороженная, еще не знает, как вести себя в данном случае, а я рухнул на стул рядом и, цепляя носком сапога за пятку другого, начал стаскивать его с ноги.

— Помочь? — предложила она.

— Герцогиня, — сказал я с укором, — знаю, здесь это честь и для самых знатных, но умру со стыда, если женщины будут снимать мне сапоги. Штаны ладно, не против, еще как не против, но сапоги другое как бы дело, хотя то и другое одежда... Или обувь не одежда?.. Хотя кто ваши нравы поймет, для этого нужно быть женщиной...

Она сказала с той же милой улыбкой:

— Ваше величество, не прикидывайтесь.

— Чего?

— Вы прекрасно разбираетесь, — объяснила она, — в наших порядках. Другое дело, соблюдать не изволите.

Я тряхнул ногой, освобожденный сапог улетел на середину комнаты. Я вздохнул с великим облегчением.

Герцогиня сказала с сочувствием:

— Приношу вам свои соболезнования, ваше величество...

— В чем, простите? — спросил я обеспокоенно. — Забыл ширинку застегнуть?.. Да ладно... Если целый день так проходил, то сейчас все равно поздно сокрушаться.

— Та милая девушка, — пояснила она, — такой нежный цветок!.. Внучка императора Германа?.. Уверена, когда передали ее родителям, с их стороны в знак благодарности речь зашла о вашем браке?

— Еще не зашла, — ответил я с удовольствием. — Идею удалось удачно подстрелить на взлете.

Она в изумлении вскинула брови.

— В самом деле?

Я сказал с досадой:

— Герцогиня, перестаньте!.. Вы же умная женщина?.. Мне только браков не хватает!.. Влиять на императора Германа и так могу, а сама принцесса... ну что с нею делать?.. В куклы играть?.. То ли дело с вами, и поговорить интересно, и в постели оттянуться.

Она сказала смущенно:

— Ох, ваше величество!..

— Да вы и сами знаете, — заявил я.

Перед нею на столешнице появилось широкое блюдо из чистейшего серебра, а на нем ломтики жареного мяса, зелень, грибы, справа и слева от тарелки возникли ложки и вилки, а в центре стола красиво вознесся блистающий мириадами искорок высокий графин с красным вином.

— Ваша светлость, — сказал я, — какое вино предпочитаете?

Она ответила смиренно:

— Доверяю отменному вкусу вашего величества.

— Да, — согласился я, — потому вы со мной, а не в оппозиции. Но я рад. С вами и в постели можно поговорить, кто бы подумал!

На ее нарумяненных щеках проявились умильные ямочки.

— Ваше величество... без лишней скромности скажу, что да, можно, но все же таких откровенных комплиментов еще не слыхивала. Настолько незамысловато, что даже поверить можно.

Я лихо подкрутил несуществующий ус.

— Герцогиня, я же старый солдат!.. Что вижу, то и пою. Понятно же, зрелая женщина стократ интереснее юной девушки. Хоть где и хоть в чем.

На столе возникли два фужера, оба из такого тонкого хрусталя, что даже стенки мыльного пузыря показались бы в сравнении крепостными стенами.

Она проговорила медленно:

— У юных свой шарм... Но что за чудо эти фужеры! Не думаю, что такое могут даже Великие Маги.

— У юных только обещание будущего, — возразил я. — А каким оно будет, кто знает? То ли такое сокровище, как вы, то ли дура набитая, да еще и страшная...

Она мило заулыбалась.

— Ваше величество! Вы вгоняете в краску. А для меня это так непривычно... Вы вернулись несколько взволнованным.

— Что, — спросил я с неудовольствием, — заметно?

— Заметно, — ответила она. — При дворе очень внимательные люди. Вам нужно учиться прятать мысли.

— Даже мысли?

— Да, — подтвердила она. — Их легко прочесть на вашем непривычно открытом для императора лице. Что-то случилось?

— Расскажу, — пообещал я, — когда поедим. Я такой, не могу не сожрать что-то на ночь.

Она молча ждала, когда нож и вилка окажутся в моих руках, нельзя начинать раньше императора, затем и сама принялась за еду, выказывая восторга ровно столько, чтобы ужин ужином, но мужчины не говорят о кухне, а которые говорят, уже не мужчины.

— Расширяем мир, — ответил я на ее безмолвный вопрос. — Вы знали, что, помимо багерного мира, благоустроенного и беззаботного, существует еще и, можно сказать, дикий?..

— Ваше величество?

Я пояснил:

— Куда власть императора не распространяется?

Она кивнула, взгляд ее стал очень серьезным.

— Полагаете, теперь это ваша проблема?.. Но императоры давно махнули рукой на такие поселения. Туда и добираться почти невозможно через горы, и пользы от них никакой. Это полудикие нищие племена!.. Для вас должны быть более интересны королевства и герцогства в империи, что лишь формально в империи. Там свои обычаи, нравы, свои войска, с императором постоянно спорят насчет налогов, да и те никогда не выплачивают в полной мере...

— Укрепляют свою мощь?

Она кивнула.

— В империи слишком много гордых и непокорных народов: веспяне, бундейцы, гастердинцы, устаргяне и многие другие, почти у всех свои королевства, и все

жаждут жить по своим правилам и законам. Удержать их в одной семье — задача императора.

— Гм...

— И заставить принять общие законы, — продолжила она, — разве это не более достойно, чем дать им перебить друг друга? Но для управления империей необходимо быть твердым в решениях и жестоким в исполнении. Вы как насчет непреклонности в решениях?

— Могу и отступить, — ответил я. — Правитель должен быть гибким и учитывать настроение масс, если не удастся их заставить мыслить, как надо в интересах государства. Но и слишком распускать вожжи нельзя. Если нужно, то огнем и мечом... Мы с Севера!

Она сказала с облегчением:

— Хорошо, что вы такой гибкий.

— Еще вина? — спросил я. — Могу что-нибудь покрепче.

— Вы из какого-то очень благополучного Севера, — произнесла она задумчиво. — С такой легкостью пользуетесь могуществом мага! А у нас бы всякий сперва бормотал сложные заклинания и тер амулеты... Для вас это было привычно с детства, да?

— Да, — признался я, — но не жалею. Там я жил простым существом, а человеком стал только здесь. Надеюсь, что стал.

— Ох, — сказала она, — даже не представляю, что будет с империей, если во главе маг...

— Если?

— Простите, ваше величество, — сказала она смиренно. — Вы уже есть и будете, и ничто вас не сдвинет. Но как уживетесь с остальными Великими Магами?

— Я не маг, — поправил я.

Она указала взглядом на стол и медленно взяла в ладонь фужер, который я поспешно наполнил шампанским.

— У меня другие источники, — пояснил я. — Как, к примеру, у Багровой Звезды, что подпитывается не магией вовсе.

Она взглянула с вопросом в глазах.

— То есть... вы тоже некая Багровая Звезда, только поменьше?

— Что-то вроде, — согласился я и подумал, что в самом деле мы с Маркусом можем получать мощь из общего источника. Только Маркус, в отличие от меня, не считает это проявлениями чуда и вообще не умничают, а просто пользуется, как инфузория или хламидомонада. — Магия... это побочный ручеек, а мы с Маркусом черпаем из главной реки, а то из океана... Как шампанское?

Ее щеки чуть заалели от выпитого, глаза заблестели, а ответила с чувством:

— Бесподобно!

— Это полусладкое, — сообщил я. — Могу угостить сладким или полусухим, все на ваш выбор.

Она сказала с виноватой улыбкой:

— Ваше величество, мне крайне неловко, что тратите на меня государственное время...

— Скоро полночь, — напомнил я. — У меня что, нет личного времени?

Она улыбнулась.

— Даже у королей его почти нет. А у императоров...

— Ну и жизнь, — сказал я. — Ладно, в постели тоже поговорим о подъеме сельского хозяйства. А пока закончим с ужином.

Она сказала бодро:

— Я уже закончила. Спасибо, все было бесподобно!

Глава 2

Утром я оставил ее одеваться, так это называется, хотя она всего лишь стоит, растопырив руки, на которые одевают браслеты, а на пальца кольца с разноцветными камнями, а еще прицепляют на сложную комбинацию ремней каркас из тугих ивовых прутьев, что растопырит платье так, что уже и не платье, а шатер, под которым может укрыться взвод солдат.

Хрурт от двери наблюдает с интересом, как на герцогиню натягивают платье, потом еще и еще, становится похожей на луковицу, а затем уводят в ее апартаменты, где начнут сложную процедуру с красками, мазями, кремами, румянами...

— Созови лордов, — велел я, — из Малого Совета, он же Тайный, на короткое совещание.

— Сюда?

— В кабинет бывшего императора, — уточнил я. — Слышал, здесь когда-то был некий Скагеррак?

Он ухмыльнулся.

— Понял. А кто у вас в Малом Совете?

— Альбрехт и Норберт, — ответил я, подумал и добавил: — Макс, но он далеко, так что пошли за Рокгаллером, он все-таки глава Волсингсбора, а также за Келляве... и пока достаточно. Сам Совет потом как-нибудь сформируем.

Вызванные лорды явились в мой кабинет, а стражи в коридоре и на лестнице следили, чтобы никто из местных, даже лакеи, не поднимался на этот этаж.

Сэр Келляве явно кому-то доказывает нечто, явился в плаще с большим красным крестом на груди и спине, а еще выгравированные кресты на панцире, на плечах и даже чуть выше рукояти меча.

Хорошо, мелькнула мысль, здесь еще не додумались до тату, а то бы пугал народ разтатуированной замысловатыми крестами мордой.

Альбрехт при виде такой демонстрации вскинул высоко брови, но ничего не сказал, только покосился в мою сторону. Я чуть наклонил голову, дескать, намек понял, мои лорды начинают терять терпение.

— Садитесь, — велел я. — Вчера я спросил, много ли наломали дров без меня, а сегодня изволю сообщить о результатах моего визита к императору Герману. Если коротко, то теперь он наш сосед, с ним все улажено. Он с готовностью шел навстречу нашим пожеланиям.

Норберт взглянул исподлобья.

— Так уж с готовностью?

Альбрехт обронил невинно:

— Наш сэр Ричард в процессе обсуждения пару раз в задумчивости достал из кармана Маркус и поковырялся им в ухе.

Я зыркнул сердито в его сторону.

— В Жемчужной империи был и остается императором Герман Третий, а я его вассальный принц императорской мантии...

— Наследник? — спросил сэр Рокгаллер очень заинтересованно, увидел мой недовольный взгляд и сказал смиренно: — Простите, ваше величество!

— Типа того, — ответил я, — но этот дуб еще сто лет простоит, так что на его трон поглядывать рано, а удушивать его не стану.

— Не стоит, — согласился Альбрехт с легким сарказмом, — из-за такого пустяка, как империя...

— У сэра Ричарда их будет много, — согласился Норберт. — Всего лишь добавочные карманы пришить.

Я покачал головой, с укором глядя на их веселые лица. Никак не настроятся на серьезную волну, даже мои ближайšie и довереннейšie сэр Альбрехт и сэр Норберт смотрят без всякой суровости, словно я не к императору ездил на переговоры, а на курорт.

— Вон сэр Альбрехт, — сказал я тверже, — спрашивает молча насчет неофициальных договоренностей, вид у него такой говорящий.

Альбрехт проронил негромко:

— Можете не сообщать, ваше величество. Мы и так догадываемся. Вам не случайно дали кличку Ричард Загребушие...

— Не загребушие, — поправил я сварливо, — а Длинные. Долнными могу и от себя грести!

— Ну да, ну да, как же.

— Неофициальные всегда присутствуют в таких делах, — продолжил я, — и мы их утрясли. А мешок крепко завязали, чтобы всякие не заглядывали! Потому проблем нет, а мелочи нам ни к чему, вы у меня птицы высокого полета. Нам предстоит сосредоточиться на местной специфике, а это разгрeбать завалы...

Альбрехт обронил:

— Здесь вся империя — пропахшая духами конюшня с навозом по колено.

Сэр Келляве спросил тягучим голосом:

— Местные полагают, что живут и наслаждаются в абсолютно беспрoблемном мире. Так что можно не разгрeбать...

— Мы пришли, — напомнил я, — так что проблемы будут. Царства Небесного достичь можно только через тяжелую и опасную борьбу с трудностями!.. Гнить в этом либеральном болоте не дадим. Даже если придется перебить половину, а половину уморить голодом, какую-то горстку приведем к сияющим вратам!.. От них и пойдет род чистых, а не то что Ной, пьяница и вообще алкоголик...

Альбрехт ощутил, судя по его взгляду, что начинаю отклоняться от темы, сказал с настойчивостью:

— А что с предыдущим императором?

— Со Скагерраком? — переспросил я. — Думаю, здесь в его дворце уже поняли, что он отныне бывший и упокоенный. Местное население подготовлено.

— Упокоенный... это покойник?

— Нет, на покое. Здесь остров Святой Елены отыщется?.. Ладно, найдем. Ему нужно было драться с Багровой Звездой, а не прятаться! Он трусливо и бесчестно бросил вверенный ему народ на гибель!

Он покачал головой.

— Весомое обвинение, вы правы. Хотя и не совсем честное, но какая в политике честность?.. Однако большинство все же понимают, что поступить иначе он не мог.

Норберт кашлянул, сказал с холодной учтивостью:

— Ваша светлость, я тоже знаю настроение придворных, как и населения за пределами города. Народ молчит, но придворные все же обижены, почему император выбрал не их? Каждый уверен, что он достойнее тех, кого Скагеррак увел с собой.

Я перевел взгляд на Альбрехта, тот сказал быстро:

— Герцог Дарабос прав, однако обида на императора не зачисляет их в наши союзники. Насколько можем рассчитывать на таких, ваше величество?

Все взгляды обратились ко мне, я ответил веско:

— Им оставим все их привилегии. И прочие так важные для них знаки внимания. Нам что, важно какого цвета у них ленты или банты? С остальными будем разбираться. Нам важнее другое. Никто в этой империи не знает, как и вообще на южном или северном материках, сколько у Багровой Звезды Смерти уходило на захват рабов и сколько потом она рушила землю.

Они слушали внимательно и настороженно, уже ощутили, насколько нас мало в этом огромном мире. Даже суровый сэр Келляве, свято верящий, что я всем обеспечу победу, смотрит серьезно и с тревогой в глазах.

— Но в любом случае, — продолжил я, — Скагеррак с его гвардией точно поднимутся из подземелий. Обычно при подобных катастрофах большинство погибают при землетрясениях, наверх выбираются единицы из тысяч. На этот раз катаклизма не будет, выберутся целые и невредимые. Понимаете, почему я это говорю?

Альбрехт сказал четко:

— Потому что судьбу императора Скагеррака и его окружения нужно решить уже сегодня. На этом совещании. Иначе и Маркус не поможет.

Наступило молчание, Норберт поднялся, все взоры обратились к нему, а он проговорил бесстрастным голосом:

— Думаю, решение напрашивается само.

— Ваша светлость?

Он ответил так же ровно и безэмоционально, словно со мной заговорила каменная стена:

— Помните, что случилось, когда в страшной битве филигоны были побеждены нашей доблестью?..

Они помолчали, только неустрашимый Келляве сразу же побледнел и зябко передернул плечами.

— И помнить не хочу. Эта исполинская шахта в глубины земли до самого ада... До сих пор снится!

Голос Альбрехта прозвучал ровно и монотонно, словно вместо него заговорил механизм:

— Звезда Смерти продавila землю... оставляя за собой огромную дыру, и неизвестно, сколько бы еще опускалась, если бы сэр Ричард не подчинил и не вызвал обратно. Нужно ли объяснять, что предлагаю?

— Хороший вариант, — согласился Келляве. — Но сперва нужно найти место, куда сэр Ричард опустит Маркус. Можно даже с размаху.

— Нельзя, — ответил я машинально, — Земля треснет, как слабо сваренное яйцо. Скагеррак не стоит такой катастрофы. Да и никто не стоит.

Альбрехт сказал серьезно:

— А Скагеррак упрятал следы хорошо. Сэр Норберт при всех титанических усилиях пока не отыскал его нору.

— Значит, — уточнил Норберт, — император пользовался не такой уж всеобщей любовью, если вот так прятал следы от всех... Сэр Ричард?

Я встрепенулся, развел руками.

— Если не пользовался любовью, то не так уж и обязательно плющить там в глубинах земли. Все-таки с ним еще куча народу. Кроме придворных, которых не жалко, еще и простые рабочие, набранные прорывать путь наверх... Они и нам пригодятся.

— А почему не плющить, если это проще?

— Поддержки населения, — пояснил я, — у него не будет. Можно, скажем, отправить в изгнание. Это выставит меня миротворцем. А потом в дальних краях можно и ледорубом по голове... Так, на всякий случай.

— Сам себя убьет?

— Типа того, — согласился я. — Или на шарфе повесится. Но один, а его свиту пропустим через люстрацию. Женщин в казармы солдатам, мужчин в каменоломни... Конечно, кто не сумеет вписаться в нашу светлую и радостную жизнь, полную оптимизма и насилия.

Они переглядывались, на лицах то тревога, то чувство облегчения, Альбрехт сказал неумолимо:

— Все остальные варианты — лишняя головная боль. Наш вождь верно говорит: нет человека — нет проблемы!

Келляве буркнул:

— Если бы он так и делал... А то мерехлюндит, и нас размерехлюндил. А мерехлюнды всегда промерехлюндивают!.. За что обожаю сэра Растера, он даже слова такого не знает. И не свойственных рыцарю сомнений!

Сэр Рокгаллер, что помалкивал, поглядывая то на одного, то на другого из говоривших, сказал со вздохом:

— Это нужно было сделать еще с логовом императора Германа!.. Никакое не убийство вовсе. Закапывались, прекрасно понимая, что наверху скорее всего завалит так, что никакими силами никто не выберется, и все задохнутся без еды и питья. Но сэр Ричард проявил непонятную слабость и малодушное милосердие!..

Я ответил со вздохом:

— Христианское милосердие, увы. Ладно, объявите награду всем, что укажет место, куда ушел Скагеррак. Большую награду. Можно даже такую, которая ничего не стоит, но местным будет важнее денег.

Он спросил с недоверием:

— А что в этом развращенном мире важнее денег?

— Титулы, — пояснил Альбрехт.

— Титулы, — подтвердил я, — привилегии, позволение носить бант сословия высшего ранга... Главное, чтобы старались, из кожи лезли.

Норберт сказал негромко:

— Время идет, в подземельях ловят каждый звук сверху. Даже в самых глубоких будут толчки и сотрясения. Но все равно, если даже не услышат, через какое-то время начнут пробиваться наверх. Конечно, это будет, когда запасы продовольствия подойдут к концу, но никто из нас не знает, насколько им хватит. Потому сэр Ричард прав, нужно поторопиться.

Глава 3

День пролетел, словно укоротился в десятки раз, половины не успел сделать, как наступил вечер, а за ним и ночь. Едва выпроводил последних из канцелярии, как поглядывающий с сочувствием Хрурт доложил, что за дверью ждет Мишелла Моррисон.

— В ночной рубашке, — добавил он.

— Впусти, — велел я.

Мишелла переступила через порог, робкая и трепетная, в ожидании подняла на меня взгляд удивительных изумрудных глаз.

— Мишелла, — сказал я.

Она ответила жалобным голосом:

— Ваше величество, простите, я не сама, меня герцогиня Самантелла прислала!

— Ого, — сказал я. — Вон как даже...

Она смотрела умоляюще, в глазах все еще испуг, я торопливо подошел, обнял, чувствуя, как часто стучит ее сердце.

— Герцогиня знает, — сказал я, — что делает... в интересах империи.

Она подняла голову, изумрудный блеск в глазах стал еще ярче.

— Ваше величество? —

— Сэр Ричард, — напомнил я. — Для вас я всегда сэр Ричард. Давайте угощу пирожными, а вы расскажете, как у вас там при дворе идут дела...

После фужера шампанского скованность постепенно выветрилась из ее тела, бледные щечки порозовели. Уже с нарастающим удовольствием слопала горку пирожных, затем без стеснения сбросила рубашку и скользнула ко мне под одеяло.

Я успел подумать, что герцогиня как-то высчитывает насчет перемены блюд или же и на этот счет есть правила, но забивать голову ерундой не стал, великие государственные деятели должны мыслить о высоком или хотя бы великом.

Утром она упорхнула все так же в ночной рубашке, возможно, опять же инструкции герцогини, чтоб и в этом была разница, а я после большой чашки кофе спустился в свой кабинет для приема чиновников и вообще тех, что без меня не в состоянии разрулить проблемы.

Поработал с полчаса в одиночестве, потом в кабинет вдвинулся Грейгер Армстронг, которого герцогиня представила как владельца каких-то земель, явно

значительных, приблизился на три шага и медленно поклонился.

Все движения у него, как и у герцогини, рассчитанно замедленные, чтобы никакие неожиданности врасплох не застали. Чем-то похож на перегруженную каравеллу, поверх тяжелого парика, толстого и теплого, как сибирская шуба, еще и массивная шляпа, то ли голова мерзнет, то ли что-то означает в замысловатом придворном этикете.

Свисающие до середины груди овечистые уши в крупных локонах даже в поклоне не сдвинулись с места. С тяжелыми чертами лица, крупного и одутловатого, надменно величавый, выглядит настоящим государственным деятелем, мешки под глазами придают солидность, но взор ясен и прям.

— Ваше величество, — проговорил он спокойным и почтительнейшим голосом, — вот списки всех лордов, которые владеют земельными угодьями, превышающими по размерам королевские.

Я бросил быстрый взгляд на листки, исписанные убористым почерком.

— Многовато.

— Это по империи, — сказал он утешающе. — А в королевствах таких по одному-два, только в далеком Истагаузе сразу пять подобных магнатов. Вы в самом деле намерены провести перепись?

— Да, — подтвердил я. — Налоги должны идти в казну, а не в карманы местных лордов. Откуда от щедрот что-то да перешлют в императорский дворец. Это не жадность, а вопросы безопасности!..

Он поклонился.

— Ваша Звездность... раньше этого никто не делал.

— Почему?

— Наверное, не осмеливались.

— Кто-то должен, — сказал я. — Я вот осмелива-
тель.

Он сказал проникновенно:

— Тогда вы великий император, ваша Небесность. Хотите сделать империю цельной, а сейчас любая империя — просто союз практически независимых королевств. Если вам по силам...

— Если надо, — заверил я, — то сделаем. Спасибо, сэр Грейгер!

Уходя, он почти столкнулся с Альбрехтом, тот входит без доклада, как и любой из моего ближнего окружения.

Альбрехт оглянулся вслед графу.

— Как я слышал, — сказал он, — лорд Армстронг всегда впереди. Если у вас все получится, будет говорить о своей мудрости, а если потерпите поражение, скажет, гнали в первых рядах, как заложника.

— Мудрый политик, — согласился я. — Он мне подходит.

Альбрехт посмотрел на меня несколько странно, не такой ответ ожидал, но смолчал, поклонился очень церемонно, за усложненностью пряча попытки понять, что же мое величество брякнуло и с какой целью.

— О магах уже знаете?

— Что?

— По данным нашей разведки, — сообщил он, — эта мелочь, оставленная на гибель и спасенная нами, очень быстро наглет. Здесь, как и везде, вежливость принимают за слабость.

— Заметил, — ответил я. — В чем заключается их наглость?

— То один, то другой отказываются подчиниться властям, а один вообще готовится проникнуть в Маркус, он своим коллегам похвастался, что намерен взять его себе. Дескать, северный выскочка, завладевший им по какой-то случайности, не имеет права им владеть.

Он умолк и смотрел с ожиданием, я пожал плечами.

— Мало ли что брякнет по пьяни. Если еще и перед женщинами...

— И что, — полюбопытствовал он холодно, — мер не предпринимать?

— Как это, — сказал я с державной строгостью, — как это не предпринимать? Я сказал, не воспринимать серьезно! Мы меры принимаем и без повода, а сейчас нам дают прекраснейшую возможность устроить красный террор во имя счастья будущих поколений!

Он величаво поклонился.

— Будет исполнено, ваше величество. Со всем вашим размахом.

— Э-э, — сказал я, — с размахом поосторожнее. Старайтесь, чтобы на каждую ликвидацию чуждого элемента в обществе было оправдание. Если, конечно, крупного и заметного.

— Оправдание?

— Обоснование, — уточнил я. — Мы же за справедливость? А когда за справедливость, то можно и с перегибами. Массы перегибы любят. Они сами с перегибами.

Он сказал с иронией:

— Особенно когда перегибаем через колено знатных и богатых. Это, кстати, совпадает и с нашими интересами.

Взгляд его оставался пытливым и настороженным, я сказал успокаивающим тоном:

— Дорогой герцог, хотя наша истинная мощь не в нарядах, однако нельзя не признать, что местная одежда в общем более изящна и даже иногда удобнее нашей. Так что не тушуйтесь, вы и в одежде подаете хороший пример. Можно одеваться красиво и оставаться верным христианином.

Он хмыкнул.

— А вот сэр Келляве утверждает, что такое немислимо.

— Труднее, — уточнил я, — потому и появились протестанты, но о них как-нибудь в другой раз. У них даже доспехи изящнее, что наши уже заметили и оценили. Так что в одежде греха нет, только не чересчурничайте, а вот на магию строгий запрет во всех ее проявлениях. Сказано же в Священном Писании: «Ворожей не оставляй в живых!» Христианство и магия сосуществовать не могут!

Он посмотрел на меня косо.

— В самом деле?

Я огрызнулся:

— На меня не смотрите!.. Императоры выше правил. И вообще... Я воюю с магией в том числе и трофейным оружием.

Он сказал с нажимом:

— А вашим соратникам?

— В Библии сказано, — отрубил я, — не введи малых в искушение!.. Соблазн магии слишком силен.

Он пробормотал:

— Амулеты, значит, отберете?

— Просто прекратим перезарядку, — сказал я. — А старое, что ж, донашивайте.

В дверь заглянул Хрурт, морда на дворцовых харчах стала еще шире, посмотрел на Альбрехта, на меня.

— Сэр Ричард, там герцогиня... Просит аудиенции. Я сказал недовольно:

— Какая на хрен аудиенция?.. Как здесь любят церемонии! Она в числе тех, кто может без доклада.

— Я это сказал, — объяснил Хрурт, — но ее светлость не хочет нагнеть, как ответила.

Альбрехт сказал с усмешкой:

— Я пойду, сэр Ричард. У вас тут начнутся серьезные государственные отношения..

— Не язвите, герцог, — ответил я. — А то напомним про графиню Эльриссу.

— Клевета, — сказал он и быстро вышел.

Сквозь открытую дверь я успел увидеть, как он в коридоре учтивейшим образом раскланивается с герцогиней, даже подпрыгнул пару раз, но увидел, что я наблюдаю, торопливо помахал перед нею шляпой и поспешно удалился.

Герцогиня всплыла на роскошной полусфере платьев, как на платформе из взбитой розовой пены, присела в поклоне.

— Ваше величество...

— Самантелла, — ответил я. — Вы сегодня еще прелестнее. Как может умная женщина выглядеть все лучше и лучше?.. Садитесь, ваша светлость.

— Умная обязана, — ответила она. — Спасибо, ваше величество. Вы очень любезны. Я знаю, как вы заняты, потому буквально на минутку по поводу вашего указа насчет... насчет сближения с нашими людьми.

Она опустила в указанное кресло, величавая и с прямой спиной, вперила в меня требовательный взгляд.

Я ответил с доброжелательным интересом:

— Разве не сближаемся? Мне кажется, как я с вами, так и мои лорды с женщинами двора...

Она заулыбалась, но покачала головой.

— Я о сближении более заметном. Некоторые ваши лорды начали понемногу перенимать нашу моду. Пример подает доблестнейший герцог Гуммельсберг, ваш ближайший соратник. Как мы все понимаем, с вашего одобрения?.. Такой поступок сразу располагает, ваши люди перестают смотреться чужими и враждебными...

— Понимаю, — согласился я. — Хотите предложить что-то еще?

Она слегка наклонила голову, не сводя с меня взгляда красивых и умных глаз.

— Вы очень проникательны, ваше величество.

— Да, я такой. Так что?

— Если смею высказать свое мнение...

— Смее-смеете, — сказал я нетерпеливо. — За это пока не бью. Потом посмотрим, по мере укрепления моего самодержавия и усиления моего дурного самолюбия.

Она смиренно улыбнулась, показывая, что поняла и оценила мою солдатскую шутку.

— У вас не будет дурного самолюбия.

— Да, — согласился я, — конечно, я само совершенство, сам постоянно собой восторгаюсь, но все равно приятно, что и другие замечают.

Она сказала с легкой улыбкой, дескать, поняла и оценила иронию в свой адрес.

— Ваши лорды вас любят, ваше величество. Обращаются как к старшему брату. Это они вас одергивают постоянно, даже незаметно для вас.

— Ага, — сказал я озадаченно, — даже вот так?.. Как и у вас, где даже императора заставляют ходить строго по правилам, выработанным много тысяч лет назад?

Она произнесла тихим голосом:

— Ваше величество, все смотрят на императора.

— Так есть же на что посмотреть, — ответил я. Она улыбнулась сдержаннее, понимает, что хочу оттянуть, а то и увильнуть от какой-то неприятной новости. — А что во мне, таком нарядном, не так?

— Ваш наряд слишком прост, — заметила она, — но я не о наряде. Как ведет себя император, так стараются держаться и все при дворе. А со двора мода, обычаи и вообще вся культура — все-все медленно расползается по империи...

— Ну-ну, — подбодрил я. — Герцогиня, что-то я не замечал за вами нерешительности.

Она улыбнулась, но я видел, что все еще колеблется.

— Ваше величество, мне тоже не нравится говорить неприятные или не слишком удобные вещи. С другой стороны, если мы, ваши соратники, будем только о приятном...

Я тяжело вздохнул.

— Герцогиня, вы же все понимаете. Говорите нужное, я пойму. И, может быть, даже не вдарю.

— Вы уже говорили, — продолжила она смиренным голосом, — что не придаете значение этикету. Дворцовому этикету. Так ведь?

— Но не борюсь, — напомнил я. — Нельзя отнимать у людей такую важную цель жизни, как пудрить головы и красить губы! Даже мужчинам.

Глава 4

Она постаралась подавить вздох облегчения, все еще не совсем верит, что я настолько толерантен, хотя император с высоты трона вообще-то и должен видеть поверх голов дальше других, а также прощать многие дурости, иначе останется без подданных.

— Ваше величество, как это... великодушно.

— Я такой, — буркнул я. — Сам удивляюсь своей красоте и скромности.

Она мягко улыбнулась.

— Значит, вам не составит труда в интересах дела придерживаться дворцового регламента?..

— Смотря какого, — ответил я с понятной настроженностью.

— Ваше величество, — воскликнула она, — разве посмею посягать на ваши планы? Я только о внешней стороне! Как сами уже заметили, в империи все выродилось в строгое соблюдение неких древних правил, часть которых давно потеряла смысл, но к ним остается великое почтение из-за их сакральной древности.

— Согласен, — ответил я настороженно. — Насчет потери смысла. Одна дурь.

— Более того, — продолжила она, — правила продолжают усложняться. Это как бы придает жизни упорядоченность. Чем правила замысловатее, тем мы сами вроде бы совершеннее и сложнее.

Я покачал головой.

— Герцогиня... вы меня уже не удивляете, а изумляете. Так точно все сформулировать, а ведь вы не вне, как мы, а внутри!

Она ответила смиренно:

— Ваше величество, я изо всех сил стараюсь понять ваши ценности и смотреть с вашей точки зрения. Вы мой повелитель, и от вашей успешности зависит как моя жизнь, так и тех, кому оказываю поддержку.

— Так в чем сделать уступку?

— В пустяках, — ответила она. — Здесь гораздо больше придают значение, какой бант повязать утром, а какой днем, чем реформе налогов или перевооружению армии. А вам всем, как я уже поняла, абсолютно безразлично, какого цвета ремнем подпоясаться, что для наших лордов чуть ли не равно потере всех земельных владений!

Я вскинул ладонь.

— Хорошо, герцогиня. Вы меня убедили. С завтрашнего утра подумаем, какие мелочи примем и применим, а какие отложим на потом.

Она улыбнулась с таким радостным лицом, даже ликующим, словно я пообещал сделать ее вечно молодой.

— Спасибо, ваше величество!.. Вы увидите, как крохотные уступки местным обычаям приносят огромные выгоды.

Я объяснял императору Скагерраку, какой он дурак, а я вот замечательный и умный, когда с неохотой начал выныривать из глубин сна и ощутил, что не Скагерраку на эшафоте надеваю петлю на шею, а придерживаю разогретое постельным жаром роскошное плечо спящей женщины.

Голова герцогини на моем предплечье, спит тихо, без привычного женского храпа, лицо выглядит даже моложе, чем когда густо покрыто толстым слоем румян, пудры и краски.

Осторожно начал высвобождать руку, герцогиня тут же распахнула глаза, в них мелькнуло смущение.

— Ой, ваше величество... У нас в обычае спать раздельно...

Ответить я не успел, по ту сторону шелковой стенки послышались шаги. Полог с мягким шорохом раздвинулся во всю ширь, я увидел высокую женщину с надменной посадкой головы, надменной фигурой, и вообще вся сама надменность в строгом фиолетовом платье, фиолетовой шляпе с фиолетовыми цветами, лента на шее тоже фиолетовая, но, как и платье, усыпана блестящими фиолетовыми камешками и тоже надменная.

Сбоку подошел и встал с нею рядом самого благороднейшего облика господин в камзоле из дорогого шелка, весь в золоте, только ног не вижу, но, уверен, даже туфли с огромными пряжками из этого как бы презренного металла.

За их спинами спешно выстраиваются в длинный ряд придворные, слева мужчины, справа женщины. Господин и леди Надменность смотрят перед собой с каменной невозмутимостью. В их лицах ничего не изменилось, когда их взору открылось зрелище голого мужика с голой женщиной в постели посреди скомканных простыней.

Я пробормотал озадаченно:

— Что за...

Перебивая меня, герцогиня прошептала:

— А-а, это вы, принц Кегельшир и принцесса Джездефина?.. Уже утро?.. Надо же, как быстро...

Лорд согнулся в поклоне, женщина в фиолетовом присела, а за ними согнулись и присели мужчины и женщины подтанцовки, то бишь заднего плана.

Мужчина, который не просто господин в камзоле, а принц, подпрыгнул, протанцевал сложное приветствие и сказал церемонно:

— Ваше величество!.. С вашего позволения на церемонию утреннего одевания пришли представители древнейших и знатнейших родов империи, чьи предки прославились подвигами и так много сделали для империи!

Я зыркнул на герцогиню, ни фи́га себе мелкая уступка, а герцогиня уже с покровительственной улыбкой приняла протянутую руку женщины в фиолетовом и легко поднялась с постели, успев одернуть ночную рубашку, что в постели собралась на ней складками у самого горла.

Из группы женщин вышли, как я понял знатнейшие из знатнейших, передали одна другой шелковую сорочку, тоже по каким-то только при дворе понятным признакам, а последняя, явно в самом высоком ранге, подняла ее над головой герцогини, с которой моментально сняли ночную рубашку, а взамен тут же скользнула по телу подплатьевая сорочка.

Герцогиня величаво вытянула в стороны руки, словно взлетающий лебедь в замедленном просмотре, женщины начали брать с серебряного подноса ее кольца и надвигать на растопыренные пальцы.

Дальше я не смотрел, начав облачаться в свои одежды, с помощью знатнейших лордов империи это заняло впятеро больше времени, чем если бы одевался сам. Пришлось отстранить клоунские штанишки с завязками под коленами, поднялся, не обращая внимания на вроде бы стыдливо поглядывающих в мою сторону женщин, ухватил со спинки кресла брюки и быстро влез в них.

Только сел, чтобы натянуть сапоги, как подступили с роскошнейшими туфлями в руках, даже передернуло от огромных золотых пряжек и окантовки мелкими бриллиантами.

— Э-э, нет, — сказал я решительно, — не все сразу, господа. Сапоги пока не уступлю! Это последнее прибежище военной демократии! Сапоги выпрямляют спину. Давайте пойдем осторожными и мелкими шажками. Главное сделано, церемония утреннего одевания восстановлена! В духе современности в слегка урезанном объеме.

Двое сановников в голубых лентах с огромными золотыми звездами и подпоясанные такими же широкими полосами голубой материи торопливо опустились на колени, держа каждый по сапогу.

Я молча позволил им помочь мне обуться, оба явно герцоги или даже принцы, поднялся и, ухватив рубашку, сказал бодро:

— А вы здесь продолжайте, продолжайте!

В коридоре Хрурт и Периальд поспешно вытянулись, видя мое лицо. Я рывкнул:

— Зачем их запустили?

Хрурт сказал ошарашенно:

— Но ведь вы сами... Герцогиня сообщила, что вы, дабы упрочить в духе демократии и авторитаризма смычку с народом, восстановили обряд утреннего одевания! Дескать, древняя привилегия знати насчет подъема сельского хозяйства...

Я поморщился.

— Вижу, герцогиня умеет убеждать. Ладно, пусть пока так, а потом что-то придумаем.

— Сэр Ричард?

Я отмахнулся, в конце коридора двое из моей гвардии развернулись в мою сторону и застыли. Я торопливо и без императорского степенства сбежал по ступенькам, но в зале принял императорский вид, пошел прямой и с высоко задранным носом.

За мною тут же выстроился клин из представителей древнейших и знатнейших родов империи, чьи предки и так далее, а нынешние вроде бы живут на ренту, оставленную им древнейшими и знатнейшими.

Думаю, герцогиня и здесь поработала. И даже могла отобрать тех, кому позволено держаться ко мне ближе, а кому еще заслужить надо. Пожалуй, пора придержать ее, а то чисто по-женски напирает, если не чувствует особого сопротивления.

А в этой толпе придворных, присутствующих при пробуждении, а затем помогающих одеваться, вообще-то ничего необычного. Вожди изначально под пристальным наблюдением окружения. И не фигурально, а в буквальном смысле. Началось с допещерных времен и дойдет до конца времен. Известно, какая тщательно скрываемая паника поднялась, когда на целые сутки где-то с какой-то уединился Ленин, президенты всегда под надзором спецслужб, даже в спальне за ними следят. И не только в целях их безопасности, больше в целях безопасности государства, это ж какой урон может нанести монарх, если окажется агентом другой державы? Или просто передаст им какие-то важные сведения?

За президентом заокеанской державы постоянно наблюдает в замочную скважину один из агентов охраны. То, что президент будет пялить секретаршу, пусть, а вот если побледнеет или ухватится за сердце,

нужно немедленно ворваться в кабинет и оказать помощь...

Навстречу попался с двумя толстыми папками под мышкой граф Никлас Томандер, один из трех, которых привела герцогиня, такой непривычно деловой среди развлекающихся, поспешно поклонился.

Я заметил, с какой точностью старается соблюсти середину между привычным усложненным приветствием по церемониалу двора и коротким кивком северянина.

— Ваша Звездность...

— Сэр Никлас, — ответил я. — Наслаждаетесь?

Он ответил с заминкой:

— Уже нет азарта молодости, хотя смотрю с удовольствием. Прекрасные музыканты, красивые женщины, танцы изысканные, утонченные... И поставлено хорошо, чувствуется умелая рука Вуднайера, прекрасная работа у человека! Радовать народ — разве не самое лучшее занятие?..

— Да, — ответил я, — а что еще человеку надо, как не радости?

Он взглянул на меня с опаской, приподнял и опустил плечи.

— Человек, ваша Звездность, существо азартное. Хорошего ему мало. Ему подавай самое лучшее.

— Потому человек и карабкается всю жизнь наверх, — согласился я. — Азарт движет миром.

— А куда азарт доведет? — поинтересовался он вежливо. — До Великих Войн Магов?

Я взглянул остро, маскарад маскарадом, но он ни на мгновение не забывает, что для настоящих мужчин самые высокие радости в работе, потому и сейчас вот смотрит, оценивает, определяет, взвешивает...

— Вы в команде Армстронга, — спросил я, — заняты экономикой?

— Больше дипломатией, — ответил он с поклоном. — В империи двадцать восемь королевств, часто возникают трения. В моем отделе натасканы выявлять искры от такого трения.

— Только выявлять?

Он ответил осторожно:

— И гасить, по возможности, до того, как вспыхнут пожары. Но без силового вмешательства.

— Важный пост, — сказал я с уважением. — А за вмешательством — к императору?

Он сказал с достоинством:

— За все время такое случалось только дважды. Но и тогда все разрешилось с помощью магов.

— Теперь будем обходиться без них, — сообщил я. — Мы пойдем по другому пути.

— Мы?

Я кивнул, не сводя с него взгляда.

— А вы не с нами?

— Пойду, — ответил он обреченно, — куда денусь. Вы же не группу своих воинов поведете, а империю? А то и обе? И спрятаться негде.

— Не спрятаться, — подтвердил я. — У прогресса длинные руки. Кто не пойдет, того потащим.

Он поклонился, отступил, посчитав, что и так уже злоупотребил моим обществом, наблюдающие за нами могут счесть его поведение выходящим за рамки.

Я с иронией поглядывал на танцующих, тоже мне бал-маскарад, не маски, а хрень какая-то: узкая полоска, что укрывает только глаза, да и то не сами глаза, а брови и мешки под глазами, остальное все зримо. И как бы жена не переклеивала мушки, но обмануть

мужа не получится даже в этом мире, где муж и жена спят в отдельных комнатах, а жену муж посещает только для исполнения супружеского долга.

Не получится обмануть даже не самого близкого знакомого, с кем посидел за столом и потрепался хоть несколько минут, а сколько я смотрел водевилей и комедий, где муж не узнает на маскараде жену и начинает за ней волочиться!

Хотя вообще-то меня обмануть все-таки можно. Я видел этих дам только мельком, и даже тех, кто со мной здоровался, когда я изволил проходить через зал, вряд ли узнаю.

Граф Никлас, что смиренно держится в сторонке, перехватил мой взгляд и быстро подошел, поклонился.

— Ваше Величество?

— Это все, — поинтересовался я, — так называемые придворные?

Он ответил учтиво:

— Во дворце живут три тысячи знатнейших лордов высшего света, но здесь не все, зато на маскарад прибыли из дворцов, расположенных в самом городе...

— Вроде бы все в порядке, — пробормотал я. — Юстер старается.

— Теперь, — ответил он, — когда стал сэром, из кожи вон лезет, доказывая вам свою преданность. Да и вообще... Во дворце восемь тысяч слуг и лакеев, так что все нужды исполняются моментально...

В его голосе на миг прозвучала покровительственная нотка. Все-таки я дикарь с Севера, хоть и могущественный дикарь, но многие тонкости цивилизованной жизни понять просто не в силах.

Похоже, он то ли ощутил мое недовольство, то ли сам понял, что перегнул, сказал совсем другим тоном:

— Среди тех, прибывших из своих владений, присутствует Хлоисса Дорриган!

— А кто она? — спросил я.

— Красивая и опасная, — сообщил он. — Еще юная, но уже успела схоронить трех мужей, что слишком увлекались кто охотой, кто рыбалкой, а последний был любителем собирать яйца орлов из их гнезд. Первого сбил с коня и порвал клыками огромный кабан, второй утонул, а третий...

— Сорвался со скалы?

— Верно.

— Красиво погибли, — согласился я. — Это не в постели.

— Теперь она, унаследовав три огромных состояния, сама в силах нанять огромную армию и отвоевать для себя трон королевства, но, к счастью, живем в цивилизованной стране...

Он умолк, я договорил тем же тоном:

— ...а не где-нить на диком Севере.

Он воскликнул поспешно:

— Здесь такое невозможно.

— Что, — спросил я, — воспитание не позволит? Или совесть?

Он вскинул брови.

— Совесть? У женщины?.. Нет, другие коронованные особы не позволяют.

— А-а, короли всех стран, соединяйтесь?.. Понятно, хорошая мера по удержанию стабильности в мире. Хотя и шкурно-эгоистичная, но для цивилизации и развития сельского хозяйства нужная. Да и вообще женщинам лучше не давать власти, как вы думаете?

— Даже воли, — поддакнул он. — Хотя некоторым можно. Сам люблю вольных женщин, даже предельно вольных, но у них должна быть особая гильдия.

— Во всем должен быть порядок, — сказал я. — Иначе какие мы государственные люди?

Глава 5

Фейерверки в виде мельниц с бешено вращающимися крыльями, огненные кольца в разных концах исполинского сада, просто бесшабашные бабахи пламенными струями в черное небо, что так и остается черным, веселые вопли со всех сторон, визги, смех, что за дурное общество злоев создали Великие Маги...

Сами не то взяли себе роль морлоков, которым работа нравится больше, чем развлечения, то ли здесь вообще какая-то хрень, в которой все еще не разберусь. Насколько было проще, когда со вскинутым мечом во главе отряда в азартную атаку!

Подошел Альбрехт, нарядный и пахнувший дорогим вином, улыбающийся, но глаза настолько трезвые, будто вином побрызгал себе грудь и плечи, чтобы быть как бы веселым и беззаботно счастливым.

— Улыбайтесь, сэр Ричард, — сказал он негромко. — Нельзя с такой похоронной рожей стоять на виду. Император должен источать счастье и благополучие!

— Источаю, — пробормотал я. — Нашу бы инквизицию сюда... Представляете?

Он передернул плечами.

— Вы сказали, даже церковь рановато!.. Но, увы...

— Миссионеров бы можно, — ответил я с сомнением, — но здесь не дикие края. Как только наши

мирные миссионеры увидят трон под моей задницей, тут же потребуют жечь и вешать еретиков и язычников. А это перевешать все население империи. Так что подождем.

На фасадах дворцов вспыхнули огнем громадные гербы Волсингсбора, еще более пышные девизы Скагеррака и принцев крови. Альбрехт покосился на меня, но я промолчал, и он сделал вид, что не заметил такое умаление моего авторитета, однако минуту спустя жестом подозвал одного из следующих за нами гвардейцев и сказал тихо:

— Беги к графу Франку Хьюрстону. Пусть без шума и как можно незаметнее поменяет герб бывшего императора на нынешнего.

Гвардеец исчез, Альбрехт продолжал смотреть серыми глазами цвета оружейной стали, в них отражаются вспыхивающие огни фейерверков, но теплее взгляд не стал.

— Ого, — сказал он вдруг, — это же кто к нам идет...

Мимо нас вообще-то все время струится поток мужчин и женщин, что стараются попасться на глаза, кланяются и плывут дальше, но Альбрехт вперил взгляд в небольшую группу женщин, что выглядит обособленной даже в пестрой карнавальной толпе.

— И кто же, — поинтересовался я, — а, вы о Хлоиссе...

Он быстро взглянул на меня с подозрением.

— Думаю, о ней даже сэр Норберт не знает!

— А мне знать положено, — ответил я скромно и, сдвинувшись с места, медленно двинулся через залитый ярким магическим светом двор под темным грозным небом, на которое никто не поднимает взгляд.

Озадаченный, он двинулся следом, а я шел наискось группе, во главе которых красивая и опасная, вся розовая от шляпки и до края длинного подола платья, а щеки даже не розовые, а покрасневшие от свежего воздуха и веселого маскарада.

Шляпка кокетливо надвинута на лоб, из-под края хитро поблескивают сильно подведенные глаза. На шляпке целый цветник по размерам втрое шире самой шляпы, но цветы все розовые, одни чуть темнее, другие светлее, но выдержаны в одном стиле и тональности.

Ниже тонкой талии платье уже не платье, а нечто вроде пышно и богато взбитой пены в несколько рядов и слоев, материя собрана комьями, как на мой взгляд, но что-то в этой дурости в самом деле весьма как бы, такие платья, понятно, не для удобства, а для такой вот уморительной показухи.

Декольте достаточно глубокое, чтобы приковало взгляд, а между двумя белоснежными холмиками небольшой медальон янтарного цвета, от него мягкий чарующий свет освещает самое для нас интересное.

Альбрехт догнал и пошел рядом, его взгляд тоже не отрывается от мест, которые освещает медальон, что не столько медальон, сколько амулет, оставляя в загадочной полутьме точеное лицо с таинственно поблескивающими глазами.

Разрез на вырезе заканчивается тоже медальоном, но не святыщем, его роль в том, что скрепляет обе половинки платья, но скрепляет так, что вот-вот перестанет их удерживать.

Она присела в изящнейшем поклоне.

— Ваша Звездная Мошь...

— Ваше великолепие, — ответил я так же изысканно.

Она поднялась, когда я уже прошел мимо, но, похоже, миновал ее слишком быстро, стоило было из вежливости на пару мгновений замедлить шаг и задержать взгляд на ее сиськах. Даром, что ли, старалась поточнее выверить предел выпячиваемости, чтобы до самых краев розовых кружков, те выглядывают чуть-чуть, давая волю мужскому воображению.

Конечно, эти выпуклости да, но я усилием воли заставил себя вернуться к выпуклостям планеты, с Маркуса успел увидеть с высокой орбиты только путь с северного материка на южный, по прикидкам, суши примерно столько, как и океанов, но вообще-то континентов вроде бы четыре, но не уверен.

Альбрехт взглянул с озабоченностью во взгляде.

— Сэр Ричард?

— Да все в порядке, — ответил я.

— Похоже на то, — ответил он. — О женщинах с таким выражением лица не думают.

Он коротко оглянулся, но тут же пошел рядом и доложил:

— А в ней в самом деле есть нечто... Говорят, пользуется магией.

— Уже и это разузнали? — спросил я. — Сэр Альбрехт, ситуация с картами не весьма. Государям без них хреновато. Это сельским старостам ни к чему, а у нас масштабы.

Он сказал уже деловым тоном:

— Верно, здесь карты существуют только своих королевств. Даже имперские, как вы говорите, не весьма.

— Одно понятно, — сказал я, — южный материк впятеро крупнее северного. Хотя точнее их называть северо-западным и юго-восточным, но и это неверно, на быстро вертящемся шарике запад и восток посто-

янно меняются местами, но это я так, уже император, а не астроном, это в политике нельзя ошибаться, а в астрономии можно.

Он взглянул странно и смолчал, вряд ли что-то поняв, а я подумал, что о существовании третьего и четвертого только догадываюсь, рассматривать было некогда, торопился на южный, а с высокой орбиты только и рассмотрел узкие полосы суши в океане, что могут быть просто сильно вытянутыми островами.

Зато в самом океане между Севером и Югом их сотни тысяч, как и на Земле, только здесь три четверти на той стороне, где условный Юг, зато северные заметно крупнее. Разумеется, на карты нанести не удалось ни один, нужно было спешить, да и страшно было держать в Багровой Звезде массу народа слишком долго.

Роскошные дамы и сановитые вельможи с бокалами вина в руках беседуют в группках, иногда по двое-трое, с удовольствием рассматривая танцующих и просто веселящихся, везде смех, музыка, шутки, только мы с приклеенными улыбками на лице идем, как два лося через цветочные клумбы.

Когда-то нужно выделить хотя бы недельку, мелькнула мысль, чтобы составить пусть даже в общих чертах карту планеты. Хорошо бы еще и политическую, но, увы, королевства почему-то не закрашены разными цветами. А границы не обведены жирными черными линиями, хорошо заметными с высокой орбиты.

Вообще-то однажды на Севере мелькнула было идея прилететь сюда в одиночку, иначе мои соратники сразу же станут мишенями идеологической атаки, их начнут вербовать, склонять, уговаривать, искать союзников, да и слишком много от них узнают, в то время как я лишнего не сболтну.

С другой стороны, на северном материке появлялась не только Бабетта, находились и другие отчаянные авантюристы, знают не только наши обычаи, но и уровень обороноспособности, так что, думаю, я поступил хоть и очень рискованно, но оправданно, захватив с собой и всю армию, пока она еще разгорячена победой и помнит, что разгромила и уничтожила ужасающих филигонов.

Альбрехт спросил тихонько:

— Что-то случилось?

Я встрепенулся, освобождаясь от вселенских дум.

— Что?.. Все в порядке, сэр Альбрехт. Почему не танцуете?

Он хмыкнул с недоверием, его взгляд оценивающе пробежал по толпе веселящегося народа.

Здесь вдали от зданий не столько танцуют, как, уже натанцованные и распаленные, тащат хихикающих женщин в альтанки, а то и просто в густые заросли декоративных кустов, аллею впереди разделяет надвое роскошный фонтан в бассейне, окруженный каменным бортиком, серебристые струи сверкают на солнце, вода красиво падает по дуге на гладкие валуны, похожие на спины древних рыб, и, разбрызгиваясь мириадами блестящих жемчужинок, стекает в бассейн.

Я равнодушен к таким красотам и сейчас двигался мимо, даже не повернул голову, но что-то заставило скосить в ту сторону взгляд на некое внезапно возникшее пятно.

Среди водяных струй появилась собранная в ком фигура человека в длинном халате и в широкополой шляпе, да еще с высокой тульей.

Распрямившись во весь рост, он сделал мне знак молчать, торопливо перебрался через бортик, уже совершенно сухой, даже на полях шляпы ни капли.

Я хлопнул себя по лбу.

— Ах да, я же забыл шляпу!.. Сэр Альбрехт, продолжайте вояж без меня. Какой же я император, если без шляпы?.. Шляпа это шляпа, она вовсе не шляпа, как думает народ, а важный символ императорского достоинства и смысловедения...

И, круто повернувшись, отправился быстрым шагом обратно. Альбрехт молча смотрел вслед, а Карл-Антон пристроился со мной рядом.

— Ваше величество, меня только вы видите...

— Понял, — шепнул я одними губами.

— Важные новости, — продолжил он на ходу едва слышно.

Я промолчал, придворные стараются держаться ко мне поближе, хотя и есть правило, кому, когда и на сколько шагов приближаться, но при внезапном повороте на сто восемьдесят чинность на некоторое время теряется.

Когда вошли в главное здание и быстро поднялись в мой кабинет, я спросил быстро:

— А чего в фонтан? Вы не десантник?

— Ваше величество, — ответил он, — когда вот так вслепую, важно в уединенное место. Не совсем хорошо, когда кому-то на голову... Но я спешил с важной новостью, а в бассейне точно никто из придворных не возжелает замочить туфли. Вы еще туфли не носите?

Я прервал:

— Какая новость?

— Ваше величество...

Я перебил:

— Мы одни.

— Простите, — сказал он, — сэр Ричард, мне кое-что удалось обнаружить!

— Судя по вашему виду, — сказал я, — что-то крупное, да?

— Крупнее не бывает, — заверил он. — Император Скагеррак... достаточно крупный зверь?

Я едва не подпрыгнул, что как-то не вяжется с императорским величием и государственным долгом.

— Где он?

— Успокойтесь, — сказал он, — еще не выбрался. Но мои амулеты и те, что мне подарили вы, совместно определили, где под землей большое скопление живой массы. Очень большое. В лесу недалеко от столицы. Там еще овраг...

— Ну-ну, — поторопил я. — Думаю, самые большие пещеры вырыли для императоров, не так ли?

— Да, — согласился он, — такие готовило не одно поколение. Каждый император расширял и углублял, все же надеясь, что прятаться придется не ему.

— Сколько там?

— Этого сказать не могу, — ответил он виновато, — хорошо, вообще засек. Для проверки поискал еще...

— И как?

— Удалось обнаружить только два убежища, совсем крохотные. И глубина там не очень... Все бы погибли в самом начале.

— Император ушел со свитой, — напомнил я, — частью войска и множеством мастеровых. Потому да, самое крупное и должно быть логовом Скагеррака. И на большой глубине. Спасибо, Карл!.. Нужно как можно быстрее... Вдруг вздумает выйти раньше времени?

— Это вряд ли, — заметил он, — но лучше перестраховаться, вы правы.

— Я не трус, — сообщил я с достоинством, — но пугливый и осторожный. И дюю на воду, я же король...

— Уже император, — напомнил он.

— Даже император, — сказал я нервно, — с ума сойти.

— Привыкнете, — утешил он. — Человек ко всему привыкает... Ваше величество?

— Да, — ответил я, — идите. Я пока соберу... гм... копателей. И почетный караул. Да, очень почетный.

Он отступил, поклонился и растаял в воздухе. Я немедленно потерял кольцо на пальце, привычно стараясь делать это незаметнее.

Над столом мелькнула красная искорка, сделала молниеносный круг, прошла спиралью, наконец передо мной завис в воздухе, часто-часто трепеща прозрачными крылышками, крохотный демон, размером с божью коровку.

— Привет, — сказал я. — Ты так и не отрастил ни рогов, ни хвоста?.. Ладно, при твоих размерах совсем лишние. А так ты совсем красавец!..

Он вспискнул:

— Повелитель?

— Есть работа, — сказал я. — Помнишь тех хитрых, что поспешили присягнуть мне в верности...

Он быстро закончил:

— ...когда битва с Великим Магом Гатонесом уже закончилась?

— Да, — подтвердил я, — умница, на лету хватаешь. Это у тебя врожденное или профессиональное?

— Спасибо, повелитель.

— Ты их знаешь?

— Я не присутствовал, — напомнил он, — но вы мой господин, я служу вам!.. Узнать?

— Да, — сказал я. — И запомни там сразу, кто из них мелкий и хилый, а кто большой и страшный. Хотя бы с виду. Мне понадобятся внушающие страх и ужас ребята. Понял?.. Теперь дуй обратно.

Он весело кувыркнулся, счастливое существо, одинаково нравится в их мире плазмы и в нашем, холодном и причудливом. Исчез, оставив за собой короткий след из потрескивающих оранжевых искр, только тоненький дискант еще с минуту звенел в моих ушах на грани ультразвука.

— Все узнаю...

Я прошелся взад-вперед по кабинету, чувствуя сильнейшую встряску. Сейчас, если сяду, меня подбросит, проблему Скагеррака решим вот-вот, а затем нужно как-то с Великими Магами, что, потеряв Башни, остаются грозной силой. Грозной и непонятной, так как совершенно не знаю их возможностей и насколько стали слабее с потерей своих крепостей.

В моем мозгу очень четко и красочно запечатлелось еще с первого визита в королевство Гессен, что Башни Магов — зло, которое нужно уничтожить. Ужасающая башня Гатонеса снилась еще трижды, и всякий раз просыпался в ужасе и с сильно стучащим сердцем, так что Маркус ясно и отчетливо видел в моем сознании, что Башни Магов — отвратительное и сильное зло, что угрожает мне, а это значит, нужно уничтожить.

И потому он, после уничтожения указанных на карте Башен, пошел выжигать их дальше и дальше. Я увидел, что все делает правильно, как точно настроенный механизм, занялся своими делами и не сразу ощутил, что времени ушло вдесятеро больше, чем я рассчитывал.

В тот раз я решил, что Башен Великих Магов оказалось намного больше, чем заметил Карл-Антон, но, похоже, Маркус, следуя заданной программе, закончив выжигать их на территории империи Скагеррака, передвинулся дальше, я же не указывал, где остановиться, и продолжил выжигать их дальше и дальше, где находил.

Сейчас пока не могу даже представить, сколько сжег по Южному материку, начиная с соседней империи Генриха. Возможно, прошелся по Астаргельду, Верхним Лесам, по Великой Пешмерии, а то и по остальным трем? Даже по независимым королевствам, их всего две-три сотни, где-то могут быть Башни, где-то нет, а в прочих княжествах и графствах, скорее всего, таких Башен нет...

Но там, где Башни остались, у меня нет более лютых и непримиримых врагов, это и козе понятно.

Глава 6

Норберт вошел без доклада, я все еще полевой вождь для соратников, в руке небольшая карта, молча расстелил на столешнице и указал на красное пятнышко.

— Королевство Гарнессия, — сказал он. — Туда ходят багеры, все в порядке. Но вот в этой области, смотрите в левом краю, наши обнаружили интересное образование...

— Что там? — спросил я. — Вижу, вам самому интересно.

— Там еще одно королевство, — сообщил он. — Уже совсем небольшое. Но, говорят, тысячу лет было больше, чем наша империя...

Я заметил, что он сказал «наша» вместо «эта», как говорил всего неделю назад, хороший признак, мои северяне уже чувствуют, что это их двор, а это значит, что нужно не только грабить, но и заботиться.

— А теперь?

— Меньше герцогства.

— А в чем, — спросил я, — особенности?

— Через границу, — пояснил он, — перейти не удастся!.. Какая-то сила не пускает. Невидимая стена. Но камень на ту сторону перекинуть можно. Или пустить стрелу. Там можно видеть людей, но те внимания на нас не обращают, будто нас и нет вовсе.

— А что за граница? — уточнил я. — Круг?

Он посмотрел с уважением.

— Уже сталкивались с такими? Мы тоже думали, что круг, но там больше похоже на овал, да еще с выступом справа. За последние тысячу лет в Гарнессии их хорошо рассмотрели и изучили. Если хотите, принесу рисунки.

— Хочу, — сказал я. — Но в другой раз. Не до того. Как-то общаться не пробовали?

Он хмыкнул.

— Как обычно. Когда в Гарнессии поняли, что и те люди не переходят границу, по приказу короля провели черту, и, осмелев, чем только не обстреливали!.. Начинают от мощных стрел с гастронафетов и заканчивают горшками с горючими смесями.

— И как?

— Даже не замечают. Все стрелы и камни, что туда забрасывают, попадают в цель, но...

— Ну-ну?

Он ответил с усилием:

— На той стороне будто пар... или призрачные!.. Проходят насквозь, падают на землю. А потом медленно исчезают.

Я сказал с жалостью:

— Все на потом. Сейчас дела поважнее. Доберемся и до Гарнессии.

День пролетел в мелочных делах, хотя не такие уж и мелкие. Я все ждал вестей от Серфика, но наступил поздний вечер, я все еще вникал в проблемы империи, которых еще нет, но с нами обязательно будут, наконец Периальд доложил тихонько:

— Скоро полночь, сэр Ричард... В приемной только герцогиня. Погнать?

— Тебе бы только гнать, — сказал я с неудовольствием, — заботливый ты наш. Проси! Вежливо. С женщинами вообще надо быть или хотя бы прикидываться вежливыми!

Он вышел, я услышал стук женских каблучков. Хруст распахнул дверь с этой стороны, герцогиня вошла тихо и неслышно, как лиса, что будет просить рыбу, на лице испуг, присела в реверансе.

— Самантелла, — сказал я.

— Ваше величество, — ответила она смиренно и взглянула так, словно ожидает трепку.

— Расслабьтесь, герцогиня, — сказал я. — Бить пока не буду. Сейчас по чашке горячего кофе, да вы меня потащите в постель.

Она округлила глаза, но тут же улыбнулась, выпалила с горячей благодарностью:

— Ваше величество, спасибо!.. Я целый день не находила себе покоя, страшилась, что разгневаются. Но когда сказала при дворе, что вы начинаете принимать наши обычаи...

— Ну-ну, — сказал я поощряюще.

— Принц Кегельшир, — сказала она быстро, — из древнейшего рода, в последние поколения их род был отодвинут от столицы и пребывал в своих владениях. А принцесса Джеззефина, старшая дочь брата императора Скагеррака! Она принцесса крови! Представляете?

Я пробормотал:

— Хотите сказать, их появление на церемонии утреннего туалета придает моей заднице на троне легитимности?

Она сказала с жаром:

— Да, ваше величество!.. Это значит, эти двое и свита признали вас. Поздравляю с победой.

Я с удовольствием смотрел в ее покрасневшее лицо. Вот как выглядит смычка личных интересов с государственными. Чтобы укрепить свое положение, ей приходится укреплять мою власть и этот вот мой трон.

— Спасибо, Самантелла, — сказал я дружески, — только не перегибайте, хорошо? Я толерантен, что значит — равнодушен, но мои соратники люди более чистые, честные и прямодушные.

— Ваше величество?

Я пояснил:

— Им нужно привыкать медленно, постепенно. А самый лучший вариант, чтобы все проходило как-то незаметно для них.

— Хорошо бы чем-то отвлекать в это время, — предложила она.

— Они и так загружены работой, — ответил я. — Нас мало, увы.

Она подумала, сказала с оживлением:

— Мужчины обожают оружие, а у нас сталь высшего качества! Простите, ваше величество, ваши люди отважны и беззаветно преданы вам, однако их доспехи не очень высокого качества. Если вашим военачальникам предложить перевооружиться в наше?

Я усмехнулся.

— Уже перевооружаются.

— А если всю армию?

— Хорошая идея, — согласился я. — Нашим воинам на радость, а вашей промышленности возможность отхватить крупный военный заказ. Наши самые великие критики вашей жизни... не умолкнут сразу, конечно, но повернутся в сторону дискуссий. Дескать, какие мечи ковать, какие не ковать, какие шпоры изготавливать, чтобы по коврам... Нет-нет, герцогиня, сапоги со шпорами — это свято. Даже не смотрите так. Понадобится время, чтобы военачальники смили на туфли.

Она вскрикнула воспламененно:

— Ох, ваше величество!.. Неужели это когда-то произойдет?

— Возможно, — сказал я, — даже при нашей жизни. Но нынешняя моя армия — армия героев, презревших грошевый уют.. Скорее взбунтуются, чем сменят благородные сапоги на презренные туфли.

Сон долго не приходил, слишком нервничаю из-за Скагеррака, потом забылся на два-три часа и проснулся задолго до рассвета. Герцогиня крепко спит рядом, щеки покраснелись, полные губы стали еще полнее, приоткрылись, показывая красивые белые зубы, дышит через рот, нехорошо, ну да ладно, мне какая разница, лишь бы не храпела...

Стараясь не разбудить, создал чашку с горячим сладким кофе, тихонько отхлебывал. Герцогиня, не просыпаясь, потянула ноздрями, беспокойно задвигалась.

Я замер, но все равно распахнула сонные глаза.

— Ой, ваше величество... почему не спите?

— Не знаю, — ответил я. — Просто не спится. Само. Хотите кофе?

— Если вас не затруднит...

— Это не затруднит, — ответил я, в последний момент удержавшись от «для вас ничего не затруднит», что было бы глупо и непростительно для деятеля моего ранга и масштаба. — Вот, держите... Если недостаточно сладко, скажите.

— Ваше величество, все великолепно!

— Не льстите, — сказал я с укором, — а то мне обидно...

— Почему?

— Выходит, я лучше в роли повара?

— Ваше величество!

Я прижал палец к губам.

— Тихо. Скоро явится команда самых знатных и наиболее, как говорите, родовитых? Не дадут допить спокойно. Да и не стоит им показывать, как именно ведем себя не по правилам. Пусть фантазируют!

Через полчаса я был уже в кабинете, проверил, плотно ли закрыта дверь, в коридоре тихо, задернул штору и торопливо потерял кольцо.

— Серфик!

Комнату перечеркнула красная извилистая линия, Серфик сделал эффектную мертвую петлю и завис перед моим лицом, часто-часто трепеща мерцающими крылышками.

— Что узнал?

Он пропищал:

— Хотите вызвать?

— Не здесь, — ответил я. — А то дворец рухнет. Лети к себе, скоро вызову.

Со мной хотели увязаться придворные, что самые знатные и родовитые, я загадочным тоном сообщил, что дело высшей секретности, а начальнику дворцовой охраны сказал, что даже своих телохранителей не беру, настолько все должно быть в тайне.

Отступились с неохотой, а я на Зайчике выехал в лес, а там спустился в глубокий и пологий овраг, чтобы точно скрыться от посторонних глаз.

— Бобик, — велел я строго, — бди, чтобы никто не видел, чем таким непотребным занимаюсь. А оно непотребное, хотя нужное и полезное, как бывает чаще всего... Вот такой парадокс, загадка нравственности. Хорошо, что я демократ, любую непотребность оправдаю широтой взглядов, терпимостью и мультикультурностью.

Бобик посмотрел озадаченно, а Зайчик презрительно фыркнул и, сорвав ветку с куста, принялся жевать ее с таким смаком, что зеленый сок брызнул в сторону Бобика.

Я вздохнул глубоко, очищая легкие и мозг, стиснул кулаки, это чтобы не дрожал голос, и сказал почти уверенно и властно:

— Анагртайслоргер, Кракоферналс, Нейтрогер-риснер...

Мгновение спустя земля дрогнула, в десяти шагах от нас высокое дерево с треском сломилось, как сухая соломинка, а на его месте возникло нечто вроде утеса из сверкающей стали.

Я невольно вздрогнул, а этот утес прогрехотал гулким голосом:

— Слушаю и повинуюсь, господин.

— Жди, — велел я строгим голосом.

Бобик недовольно оскалил зубы и заворчал, все-таки уловил мой затаенный страх, морда чуткая, а Зайчик с самым меланхоличным видом, словно собирающая букет тургеневская девушка, продолжал срывать верхушки кустов и отправлять в пасть.

Земля справа резко задымилась, полыхнул огонь. Бобик заворчал снова, из красного огня поднялся гигант такой же багрово-красный, ноги короткие и толстые, как стволы столетних дубов, а мощные передние лапы свисают до колен.

— Слушаю и повинуюсь...

— Жди, — велел я.

Третий вышел прямо из воздуха, такой же огромный, как и первые два, искрящийся ледяными искорками. Ощутимо пахнуло холодом, словно демон шагнул из глубин космоса.

— Повелитель, — произнес он таким промерзлым голосом, как говорила бы разве что Антарктида, — слушаю...

— Жди с остальными, — велел я уже твердым голосом, — сейчас поработаете в поте лица, а у кого лица нет, то еще лучше. На мне тоже лица не бывает, как говорят друзья и служащие... Потом дам волю и даже свободу, хотя сам не имею ни свободы, ни воли. А вот вам дам! Но нужно постараться.

Никто не ответил, слушают, сейчас воспринимают только приказы, огромные и настолько ужасающие, что сам бы струсил, если бы не напоминал себе, что полностью подчинены моей воле.

Это как слоны, повторял я себе. Сила огромная, размеры пугающие, но воле погонщика покорны, а остальные пусть трепещут. Огненный Кракофер-

налс, стальной Нейтрогерриснер, ледяной Анагртайслоргер... Да и остальные, хоть и не столь громадные, выглядят устрашающе. Я посмотрел на троих гигантов. Впечатляют. Для тяжелой работы самое то что надо... но нужно бы еще нескольких помельче... Стоило произвести еще несколько имен, и с легкими хлопками воздуха возникли шесть более мелких демонов.

— Карл-Антон!

В трех шагах возникла высокая фигура в темном плаще и в широкополой шляпе с высокой тульей.

— Ваше величество?

— Место совсем уж дикое, — сказал я с недоверием, — вы уверены, что подземелья где-то здесь?.. Тут не только дороги, даже тропки нет!

— Император принял меры, — ответил он несколько непонятно. — Под этой толщей простой земли плита из гранита на сотни, как догадываюсь, несколько миль в длину и толщину, а то и на тысячи. По одной из трещин им удалось опуститься на огромную глубину. Конечно, расширяя по дороге. Не знаю, была на глубине гигантская пещера или же ее вырубили за пять тысяч лет, но, думаю, уже была...

Я кивнул.

— Такие пещеры встречаются чаще, чем дупла в деревьях.

— Земля стареет?

— Как и деревья.

Глава 7

Пласт земли убрали за минуты, огненный Кракоферналс вообще раскалился до состояния плазмы и попросту сжег весь слой до коренной породы, за-

тем мощнодохнул, мы с Карлом-Антоном присели до самой земли, спасаясь от черной тучи горячего пепла.

Но пепел унесло, а в неглубокой, но широченной яме открылась груда исполинских камней, самые крупные с сарай у бабки, а мелкие с бычьей головой.

Карл-Антон отряхнулся, сказал с оживлением:

— Под ними туннель зигзугит на большую глубину. Думаю, там повороты из-за трещины в плите, но каменщики могли кое-где подтесать, вырубить ступеньки поудобнее, сделать спуск легче.

— Время у них было, — согласился я.

— Вот-вот, — сказал он, — сейчас люди и животные очень далеко от поверхности, потому не сразу и нащупал. К тому же почти треть пути завалена глыбами сверху. Возможно, наверх планировали пробиваться как-то иначе. После Маркуса плита коренных пород наверняка лопнула бы и в других местах...

— Разберемся, — пообещал я без уверенности. — Жаль, вы не специалист по демонам, но, думаю, эти ребята сумеют и глыбы вытащить, и впечатлить императора. Хочется без инцидентов, как было с Германом.

— Да, Скагеррак не Герман, — согласился он. — Я о нем тоже наслушался.

Я повернулся к застывшим в неподвижности демонам.

— Убирайте эти камни! Но чтобы было легче, можно нору расширить... для удобств пролетарского труда...

Они не поняли, почему будет легче, но, находясь во власти повелителя, тупо исполняют все, что прикажет, вплоть до того, что если велит умереть, тут же умрут.

Некоторое время мы наблюдали, как Нейтрогерриснер и еще двое, но тоже блистающие сталью, не-

утомимо хватают огромные глыбы, отбрасывают за спину, там четверо с дико сложными именами, которых я еще не переназвал, вышвыривают их наверх.

За несколько минут убрали все глыбы и валуны завала, открылся вход в глубины земли. Не слишком широкий, люди императора спускались по двое, а если брали с собой скот, то вели по одной корове, во всяком случае, если проход дальше не станет шире.

Возможно, там вообще придется протискиваться по одному, если за века подготовки к визиту Маркуса стены узких мест не пообтесали, расширяя проходы.

Карл-Антон, как прочел мои мысли, сказал то ли озабоченно, то ли с удовлетворением:

— Здесь сплошная гранитная плита. Работы было много.

— Далеко не в каждом королевстве, — ответил я, — есть места, где хоть какие-то пещеры. А рыть самим...

— С властью императора за пять тысяч лет можно вырыть такие, все королевство спрячется. Но кто будет стараться для такого далекого потомства?

Я сказал с неохотой:

— Даже для себя не станут. Кто читает древние предсказания насчет Багровой Звезды?.. Только придворные мудрецы. А они скажут разве что королю. А любой король возьмет в пещеры родню, стражу и любимого шута. А если размеры пещер позволят, то и часть армии. Но это редкость.

Он взглянул на меня с осторожностью.

— Император Скагеррак ожидает увидеть мир в руинах. Сейчас ему не до захватов соседних империй.

— А когда вылезет? — напомнил я. — Все цело, сразу решит, что нужно добавить империю Германа, чего он давно добивается. Нет уж, такой на старости

не уйдет в монастырь... Да и нет монастырей в этой стране язычников.

Он вздохнул, я заметил, что хотя и чародей, но смотрит на демонов с опаской, старается не привлекать их внимание ни жестами, ни громким голосом.

— Сэр Ричард, — проговорил он бледно, — а вы...

— Уверен ли?

— Ну да...

— Полностью, — заверил я. — Не беспокойтесь, император поймет мой тонкий намек. Он же правда тонкий?

— Тоньше не бывает, — ответил он слабо. — Такой же тонкий, как бревно у комля. Если дереву не меньше сотни лет. А лучше больше, чем сотня...

— Ну вот, — сказал я, — главное, убедительность. Думаете, каких-то еще подсказок не потребуется?

— Не потребуется, — согласился он. — И так бы понял, выбравшись наверх и увидев в небе Багровую Звезду, что уже не звезда, а целое королевство... но так, несомненно, поймет раньше.

— Нам чем раньше, — напомнил я, — тем лучше. Чтобы сразу и не думал.

— Или думал недолго, — ответил он. — Но эти демоны...

— Здоровенные, правда? — спросил я с оптимизмом. — Эх, жаль сэра Растера нет с нами. Он таких здоровяков точно бы одобрил.

Он ответил шепотом:

— Мне иногда очень хочется быть сэром Растером. Он даже троллями командовал, а они, представляете, считали его одним из своих! И хочется, чтоб никаких сомнений. Но с вами все больше сомнений и тревог,

хотя, казалось бы, с чего вдруг, если от победы к победе?

— Потому что смотрите дальше Растера, — сказал я с сочувствием. — Он мог бы увидеть только могучих демонов в рядах нашей победоносной, а как же иначе, армии, а вы уже съезживаетесь в предчувствии нелегкого разговора с императором.

Он ответил привычно ровным голосом, но я все же уловил глубокое сочувствие:

— Разговаривать придется вам.

— Выдержу, — заверил я. — Сейчас начинаю понимать, что с Маркусом за спиной становлюсь все ничтожнее. Раньше все победы были моей заслугой, а теперь смотрят не на меня, а на Багровую Звезду за моей спиной!.. Это и утешает, даже придает гордости, но и обесценивает меня самого. Дескать, а чего стоишь без Маркуса?

Он взглянул с сочувствием.

— Вы это понимаете, ваше величество. Значит, справитесь.

— Кстати, — спросил я, — а что вы так не любите демонов? У вас своих нет?

Он покачал головой.

— Сэр Ричард, как можно? Я чародей, а не маг!.. Чародеи только заклинаниями, только своими силами, к помощи демонов не прибегают!.. Потому мы и чародеи.

— Не знал, — признался я откровенно. — Для меня колдуны, маги, чародеи, волшебники и всякие там ведуны с целителями — люди одной творческой профессии. А разница между вами как между ямбистами и хореистами, хотя для всех просто поэты.

Он скупно улыбнулся, продолжает поглядывать на вход в убежище, откуда несется гулкий грохот и сухой треск камня. Вход для демонов оказался слишком узким, расширяют, а вытаскивать глыбы пришлось менее громадным, а здесь гиганты Кракоферналс, Нейтрогерриснер и Анагртайслоргер подхватывают валуны и забрасывают далеко в стороны.

На ночь я оставил наблюдать за ходом работ Серфика, строго наказал дожидаться момента, как уберут каменную пробку из туннеля, и сразу же сообщить мне.

Сам я расположился в шатре поблизости от места работ, долго не мог заснуть из-за грохота. Ехать в столицу нет смысла, я не Карл-Антон, переноситься через пространство не умею, нужно будет прижать его и потребовать, чтобы научил. Такое умение важно не только почтальонам, император тоже обрадуется...

Хрурт предложил по-свойски доставить в шатер баб, многие родители из ближайших сел с ликованием пошлют дочерей в мою постель, я гордо и с достоинством отказался, я в первую очередь император, вождь, а всякое-всякое потом, иначе умный человек становится дураком надолго.

Телохранители пристыженно умолкли, но по их лицам видел, что я перегнул, зачем же тогда императорствовать, если не тащить в постель всех баб?

Утром Серфик влетел в шатер, как крохотный раскаленный докрасна метеорит.

— Повелитель!.. Все завалы в туннеле убраны!.. Что дальше?

Я встрепенулся, смахнул остатки сна и моментально вскочил на ноги, едва не оттоптал уши посапывающего у постели Бобика.

— Летим туда!.. Ну да, ты лети, а мне летать неприлично.

Бобик поднялся, зевнул и с неудовольствием посмотрел на крохотного демона. Серфик показал ему язык и в красивом выверте вылетел наружу.

Еще только выбежав из шатра, я рассмотрел застывших, как вечные горы, крупногабаритных демонов. Кракоферналс полыхает гигантским факелом, даже издали смотрится как огромный раскаленный утес, а рядом словно для контраста стоит, опустив голову, весь в мохнатом инее, исполинский Анагртайслоргер, я даже на таком расстоянии почти ощутил от одного жар, а от другого космический холод.

Только Нейтрогерриснер холодно блещет сталью, ему не нужен ни жар, ни холод, несокрушим, как гора из самого прочного металла, у меня по коже пробежали холодные лапки страха, когда он поднял голову и взглянул на меня.

Большинство демонов, что поменьше габаритами, хотя тоже гиганты, так и остались вокруг выхода, еще с десятков крупных и устрашающих с виду стоят группкой в сторонке, неподвижные, только из-под нависающих скалами надбровных дуг в пещерах глаз у всех горит багровое пламя.

Бобик подбежал к дыре в земле первым, к моему удивлению, совсем не реагирует на ужасающих демонов, арбогастр приблизился красивой рысью, тоже не повел в их сторону глазом, словно с детства, когда бегал беспечным жеребенком, привык таких видеть везде и всюду.

Не покидая седла, я сказал демонам властно, стараясь, чтобы голос был внятным и повелительным:

— Встаньте с краю у дороги. Лучше по обе стороны. Пусть император пойдет мимо вас, это будет так красиво!.. Я уже оценил как художник-монументалист. Или монументалист.

Карл-Антон вышел из незримости в трех шагах, но встал так, чтобы я был между ним и демонами.

— Еще и художник, — проговорил он. — С ума сойти.

— Я разносторонняя личность, — сообщил я с достоинством. — Многостаночник-передвижник!.. А по совместительству еще и государственный деятель. Это здесь все по бабам, по бабам!

— Здесь это называется иначе, — уточнил он. — Хотя, конечно, суть одна. Те демоны точно под вашим управлением?

— Точно, — заверил я.

— А вдруг взбунтуются?

— Сами? Никогда?.. А вот если наделать ошибок...

Он зябко передернул плечами.

— Вы уж не перепутайте заклинания!

— Карл-Антон, — сказал я, — у меня много верных друзей и отличных полководцев...

Он прервал:

— Ваше величество, я же понял, почему с вами здесь только я!.. У вас прекрасные друзья, но они могут неверно истолковать присутствие демонов...

— Точно, — ответил я со вздохом. — Религия — хорошая вещь, даже для императоров, хотя придумана больше для простого народа... в общем, иногда тормозит. Потому надеюсь на вас, Карл-Антон.

— Я подготовлю императора, — сказал он. — Сэр Ричард?

— Успеха, — ответил я. — Не стукнитесь там лбом на поворотах. И коленные чашечки берегите.

Он поклонился и растаял без следа. Я прислушался, но никакого завихрения воздуха, будто не унесся с большой скоростью, а просто с этого места шагнул в глубину пещер.

Мне бы так, мелькнула снова завистливая мысль. Я пока не настоящий император, а что-то вроде затычки в каждой бочке. Сам вынужден управляться с некоторыми деликатными вопросами, как вот с этим, куда нельзя привлекать моих честных и прямодушных рыцарей, преданных мне, но еще больше преданных Господу и церкви.

Сбоку промелькнула багровая искорка, но когда я повернул голову, Серфик уже кувыркался в воздухе с другой стороны.

— Не шали, — сказал я мягко. — Ты же взрослый! Или еще маленький?.. Тысяч пять годков есть?..

— Он уже далеко, — вскрикнул он. — Он как демон!.. А ты, мой господин, так умеешь?

— Я вообще неумеха, — признался я. — Знал бы как не дать судьбе затащить меня в императоры! Но неумолимая логика событий. И поступь истории...

Глава 8

Ждать Карла-Антона пришлось больше часа. За это время ни огненный Кракоферналс, ни стальной Нейтрогерриснер, ни ледяной Анагртайслоргер, вообще ни один из демонов не сдвинулся с места, не пошевелился.

Все как будто превратились в мертвые статуи, только я дважды сделал по чашке кофе, на второй раз сожрал и горку сахарного печенья, наконец из жерла провала вырвался огненный смерч, я замер, но смерч

моментально оказался передо мной и превратился в Карла-Антона.

— Уф, — сказал я, — вы меня вздрогнули... Как прошло?

Он перевел дух, мне показалось, что устал там больше, чем мои демоны.

— Пришлось долго убеждать, — ответил он. — Очень подробно рассказывал, что произошло. Мне показалось, в конце концов начали почти верить, хотя сомнения остаются. Но император сразу же послал самых быстроногих узнать, не соврал ли я насчет свободы выхода... Еще никто не показывался?

— Нет, — ответил я.

Он вздохнул.

— Наверное, увидев небо, возликовали и сразу к императору.

— Либо вы их здорово опередили, — сказал я. — Ладно, ждем. Рассказывайте, каков он сам, сколько с ним народу. Главное, войска есть?

Он осторожно принял из моей руки чашку с горячим кофе, для него я сделал еще и печенья побольше, сунул тарелку в руки.

— Увы, столик создать не могу.

— Странно, — заметил он, — их создавать намного проще.

— Какая-то странность, — согласился я. — Или моя особенность художественной натуры. Сложные вещи по мне, а приземленность чужда...

Он ухмыльнулся.

— В магии так не работает. Ладно, перекусим стоя, как кони. Они же тоже люди?.. К Скагерраку меня пропустили сразу, как только я сообщил, что прибыл сверху.

— Поверили?

— Еще бы, за это время в пещерах все перезнакомились. А я вдруг откуда-то!.. О Скагерраке сказать могу мало, это он меня расспрашивал, а я только присматривался... В общем, сперва не поверили, что естественно, в такое поверить трудно, потом замучили расспросами. Я по большей части переводил на ваше величество, дескать, послан сообщить только, что гибели мира не будет. Снова не поверили, но император распорядился посмотреть насчет завала. Если исчез, то в любом случае что-то произошло необычное...

— Тогда ждем, — сказал я с облегчением и тревогой разом. — Алеа якта эст, как говорили наши предки, что значит, на коне или под конем, на щите или со щитом, либо пан, либо пропал... Хотя нет, не пропадем. Момент поворотный, но повернем туда, куда нужно нам, а не. Отдыхайте, Карл.

Бобику надоело валяться на траве, исчез, я уже знал, что последует, помалкивал, а он притащил, точнее, принес в пасти крупную косулю и, уже зная, что откажусь, положил на колени чародею.

— Уважает, — пояснил я. — Чувствует что-то родственное. Он же тоже не простой пес, вот и хочет выказать почтение.

Карл-Антон посмотрел с сомнением, хотя и говорю серьезно, а серьезность от того, что постоянно думаю о Скагерраке.

Прошло еще несколько часов, наконец из темного зева показались стройные ряды блещущих сталью воинов в полных доспехах. Металл закрывает от макушек до пят, только узкая прорезь для глаз.

У переднего ряда знамена со сложными девизами, следующие держат копья остриями вверх, а дальше вышли рослые солдаты с огромными двуручными мечами на плечах, что выглядят несколько архаично, в эту эпоху пора переходить на мечи с узким лезвием, а потом и на шпаги.

Солдаты остановились в сотне шагов от пещеры, дальше дорогу загораживают огненный Кракоферналс, стальной Нейтрогерриснер и ледяной Анагртайслоргер, самые несокрушимые даже с виду гиганты, остальные ужасные демоны вроде бы в стороне, но уж очень близкая у них сторона.

У меня вспотели от волнения ладони, суетливо вытер о бедра, сейчас покажется император со свитой, нужно держаться так, чтобы он сразу видел, кто хозяин. И чтоб даже не пытался, хотя смириться будет непросто, он не просто стал императором, но родился в семье императоров...

Из пещеры, звонко цокая по камням, выметнулась блистательная и нарядная конница, но всадники тут же придержали коней, я видел их страх и замешательство, хотя Карл-Антон наверняка всех предупредил, что их ждут у выхода не толпы радостных подданных.

Я ждал, наконец после долгой паузы на яркий свет почти полуденного солнца выкатила легкая коляска, запряженная парой коней. С обеих сторон блестят золотом императорские гербы и короны, а на облучке пышно разодетый возница, принцы крови и то должны выглядеть проще. Внутри я, пригнувшись в седле, рассмотрел лишь одного пассажира.

Всадники подали коней в стороны, освобождая дорогу. Следом раздвинули плотно сомкнутые ряды пешие солдаты. Коляска выкатилась вперед, я видел, как

человек в салоне взмахнул рукой, возница поспешно натянул вожжи.

Я ждал в седле, из коляски вышел мужчина в непривычно скромной одежде, хотя все от шляпы до туфель выдержано в небесно-голубом цвете, но без лент, плетеных шнуров и бантов, а кружева только в один ряд у рукавов и у манжет коротких штанов.

Зайчик всхрипнул и пошел в его сторону. Бобик было ринулся вперед, я крикнул строго:

— Рядом!.. Ни шагу вперед!

Бобик вздохнул и пошел слева от стремени. Мужчина выпрямился и, положив одну руку на пояс, дожидался нас в молчании. Под широкой шляпой с белоснежной опушкой видно сияющую серебром парика голову с четырьмя рядами геометрически ровных локонов, но о возрасте издали судить трудно в мире, где даже мужчины не только кремятся и пудрятся, но даже красят губы.

Я хотел было слезть, но решил, что уравнию нас в разговоре, а такой жест как бы лишит меня преимуществ, а они отчаянно необходимы в общении с битами волками политики.

— Ваше величество, — сказал я почтительно, но самым холодным тоном, — я принц императорской мантии Ричард Длинные Руки. По поручению его императорского величества Германа Третьего обязан встретить вас и препроводить в безопасное место в одну из ваших загородных резиденций.

Он слушал с невозмутимым видом, но я видел, как изумление разгорается в нем все ярче и охватывает с головы до ног.

— Герман Третий? — вскрикнул он. — Ваш посланец об этом не сказал...

Я коротко поклонился.

— Да, ваше величество. Герман Третий милостиво берет под свою защиту вашу империю. А вы, так много сделавший для процветания этих земель, теперь на заслуженном отдыхе.

Вслед за изумлением в нем достаточно заметно для меня начало разгораться бешенство, даже глаза сузились, как перед выстрелом из арбалета.

— Да как вы смеете?.. Великий Маг моей империи еще не вышел?.. Вы дерзнули...

— Он не поможет, — прервал я. — Вам не сказали? Ваше величество, добро пожаловать в новый мир. Я уверен, мой посланник сообщил вам последние новости, внутренние и международные, так что не понимаю вашей реакции. Но давайте и я со своей стороны введу вас в курс дела, чтобы вы себе не повредили, сделав какой-то опасный для вас шаг.

Он продолжал смотреть на меня с холодной яростью. Из пещеры показалась еще одна повозка, на этот раз вообще двуколка. Возница остановил коня и, бросив поводья на землю, поспешил к нам, толстенький и отдувающийся на каждом шаге.

Я продолжил, стараясь держать голос твердым и холодным:

— Все Башни Верховных Магов уничтожены. В том числе и Конклав четырех Великих Магов, на которых вы явно рассчитывали. Но даже в башнях у магов было неизмеримо меньше силы, чем сейчас у меня. Выбирайте, либо полностью покоряетесь воле императора Германа, а я ее проводник, и уходите на покой в удаленной своей резиденции, либо...

Я поднял руку и щелкнул пальцами. В синем небе возникла устрашающе-багровая точка и, повинуясь

моей ментальной команде, с рассчитанно замедленной скоростью, чтобы Скагеррак и его люди успели увидеть и оценить ее размер, разрослась над нашими головами так, что закрыла половину неба багровым, словно раскаленном в огне звездного жара, днищем.

Все застыли, Багровая Звезда Смерти, с виду массивная как горный гребет, а на самом деле в тысячи, если не миллионы раз тяжелее, остановилась на высоте в сотню ярдов от земли и застыла, ничем не поддерживаемая снизу.

Всех накрыла густая тень, неприятно подул холодный ветерок. Суровые и надменные лица Скагеррака и его гвардии моментально побледнели, а лес знамен закачался, как трава под ураганом.

— Да-да, — сказал я в тишине. — Багровая Звезда Смерти, у знающих людей известная как Маркус. Так вот Маркус накопил слишком много злой мощи и ждет повода, чтобы ударить. Одно ваше неверное слово, ваше величество... Потому примите великий дар от императора Германа... жизнь. Себе и своей свите.

Он стиснул челюсти и выпрямился.

— Ваш тон и слова неприемлемы!

— Прекрасно, — сказал я обрадованно. — Я рад, что вы отвергли это предложение. Потомки воспоют ваш красивый и гордый отказ и благородную гибель...

К нам подбежал красный как вареный рак, задыхающийся толстяк с двуколки, проговорил с трудом:

— Его вели... чество... еще... не довысказали...

Я обратил взор на императора, тот с усилием добавил осевшим голосом:

— ...неприемлемы, но мы вынуждены... Я могу переговорить с императором Германом?

Я покачал головой с самым непреклонным видом.

— Нет, ваше величество. Его императорское величество Герман Третий поручил кунтаторство над вашей империей мне.

Он некоторое время прожигал меня бешеным взглядом, а я изо всех сил старался выглядеть таким же бесстрастным, как окружающие нас исполинские глыбы.

— Я могу, — проговорил он наконец с трудом, — выбрать из своих загородных дворцов?

— Только самый дальний от столицы, — пояснил я. — Во избежание недоразумений. Тайные службы бывают очень подозрительными. Я, увы, могу не успеть вас защитить.

Мне показалось, что он изо всех сил удерживается, чтобы не взглянуть наверх на тот ужас, что навис над всеми нами.

Рядом со мной возник Карл-Антон, сразу сказал почтительнейшим тоном:

— Ваша Звездная Мощь, я могу проводить его величество до места, где он пожелает остановиться.

— Мы знаем, — сообщил я, — где его самый дальний от столицы дворец. А вы нужны мне для более серьезных дел.

Советник что-то торопливо шептал с самым умоляющим видом Скагерраку. Тот наконец кивнул, бросил в мою сторону недобрый взгляд и поднялся в карету.

Я сделал знак заступающим дорогу демонам расступиться и встать по обе стороны. Возница дернул поводья, понуждая храпящих от ужаса коней двигаться, хорошо, у всех на глазах шоры, по бокам ничего не видят, карета покатила по сухой земле.

Роскошная гвардия медленно двинулась впереди, никто не решился ехать по бокам, пришлось бы проезжать слишком близко от застывших демонов, у которых всадник с конем поместится на ладони.

Из пещеры начали выходить пешие люди, сперва в одежде простолюдинов, затем показались уже в богатой одежде, но мы смотрели вслед отъезжающей свите императора.

— Думаете, — спросил Карл-Антон тревожно, — согласится жить на покое?

— Нет, конечно, — ответил я. — Стоило на него взглянуть...

— Жесткий, — согласился он. — Такие никогда не смиряются. Одно дело погибнуть под завалами, другое — покориться неизвестному человеку.

Я огрызнулся:

— А что сейчас?.. Сам знаю, надо было просто завалить тот выход! Или еще проще...

Он сказал тихо:

— Опустить на то место Маркус. Эта громада сплющила бы землю на полмили вглубь. И червяки бы не выжили в таком камне.

— Скажу честно, — ответил я, — теперь можно, не только у меня крутилась такая идея, но и на Совете умные люди предлагали. Даже мудрые! Все верно, в старые добрые времена действовали куда решительнее! Если бы вы Библию читали или слышали о такой книге, то, к примеру, филимистян вырезали под корень, чтобы их земли захватить себе!.. Или полинезийцев всяких... Нас же учение Христа смягчило настолько, что вообще невинного стыдимся зарезать, хотя частенько и нужно в интересах дела.

Он сказал с сочувствием:

— Библия вообще вас оправдывает. Там сказано, всяк человек греховен при рождении, убивать его можно и нужно.

— Первородный грех чувствуется в каждом, — согласился я, — но это значит, человек отвечает за вину родителей. Но мы же гуманисты? Или еще не?

— Пусть другие будут гуманистами, — предложил он. — Наши противники.

— Увы, — сказал я уныло, — гуманизм постепенно побеждает. Хотя и не понимаю, с какого перепою. Мы молодцы, сами создаем себе препятствия, героически преодолеваем, тем самым совершенствуем ум и мускулы. А кто изначально умен, тот так и лежит в постели.

Он покосился на меня с недоверием.

— То есть христиане всегда в выигрыше? Какую бы дурь не сотворили?

— А что такое дурь? — спросил я. — Если углубиться...

Он прервал:

— Ваше величество, давайте не углубляться. Во всяком случае, в дурь. Одна дурь ведет к другой дури, перед которой первая кажется почти мудростью!.. Кстати, что такое кунтаторство?

— Не знаю, — признался я. — Где-то слышал краем уха... Но слово красивое, верно?

Он вздохнул и покрутил головой.

— Возвращаемся или будете принимать те толпы, что выходят сейчас?

— Пусть устраиваются сами, — ответил я сухо. — Все живы, это само по себе великая удача.

Пару минут затратил на освобождение демонов, они сразу же исчезали с сухими хлопками, Карл-Антон

оставил меня на обратной дороге к городу, и через городские ворота я въехал только в обществе арбогастра и Адского Пса.

Глава 9

Несколько дней прошло в тревожном ожидании, но разведчики Норберта исправно докладывали, что император Скагеррак все еще в своем загородном дворце, никуда не выезжает, скрыться вроде бы не намерен, часто принимает приезжающих к нему вельмож и знатнейших людей империи.

— Консультируется, — сказал я зло. — Старается понять диспозицию... Такой так просто не сложит лапки.

В конце недели на прием запросился граф Джуллиан Варессер, я велел пропустить, а когда он переступил порог, сказал с укором:

— Граф, ваше положение лорд-канцлера позволяет навещать меня в любое время, если возникает необходимость!

Он развел руками.

— Простите, ваше Звездное величество, но я еще не видел новых правил, потому ввиду отмены старых... придерживаюсь здравого смысла. Лучше показаться робким, чем наглым.

Я указал на кресло по ту сторону стола.

— Садитесь, рассказывайте. Что привело вас и что вообще происходит... на ваш взгляд опытного в государственных делах человека?

Он сказал смиренно:

— Я могу ошибаться, ваша Звездность, мнение вашей разведки может более точным и объективным. А на мой взгляд... все просто ждут.

— Каких-то действий со стороны императора?

Он вздохнул.

— И это тоже. Многие уверены, что вы трон не уступите, а это тоже чревато большими рисками и, возможно, войной. Кроме того, ваши люди, как мне показалось, тоже ждут неких перемен, сути которых я не уловил.

Я выдержал его пытливый взгляд, не моргнув, не объяснять же сейчас, что армия с каждым днем все нетерпеливее ждет священников, которым можно исповедаться в грехах. Также всем необходимо посещение церкви, где можно пообщаться с Богом.

Он долго мялся, вздыхал, а когда уловил момент, когда мое лицо не такое напряженное, хотя император никогда не бывает по-настоящему веселым, сказал горестным голосом:

— Ваше величество, во дворец начали возвращаться и те люди, которые... ну, что были в свите его величества Скагеррака. Не все, но даже малая часть вызывает тревогу, не так ли?

Я сказал с досадой:

— Уже заметил. Предлагаете вешать их сразу? Или топить?

Он развел руками в жесте полнейшей беспомощности.

— Ваше величество, прекрасно понимаю ваше щекотливое положение. Вы не знаете, кому доверять из местных, кому нет. Даже часть тех, кого император оставил здесь на верную смерть, ему верны и преданы, как и раньше. Понимают, если бы в убежище могли поместиться все, император увел бы с собой население империи целиком, это понятно, потому император вынужден был взять только малую часть...

Я кивнул.

— А те, кто приходит из его свиты с предложением услуг... им не доверять вовсе?

Он с виноватым видом развел руками.

— С ними нужно быть осторожнее, но и там могут быть люди, что предпочтут работать на вас, как на нового императора их империи. Для деятельных людей это лучше, чем уйти с прежним в изгнание. Преданность преданностью, но... все сложно, ваше величество.

— Догадываюсь, — бросил я с сердцем. — Хорошо, смотрите сами, кого принять, кому отказать. За этими будем присматривать строже. Однако Скагеррак должен был взять с собой лучших, не так ли?.. За исключением таких гениев управления, как вы, дорогой сэръ Джуллиан, которые ввиду преклонного возраста не вынесли бы трудный спуск в пещеры...

Он поклонился.

— Спасибо, ваше величество. Но, хотя и со стесненным сердцем, я бы посоветовал прислушиваться к голосу герцогини Самантеллы Херствардской.

— Ого, — сказал я, — разве вы не соперники?

— Еще какие, — признался он. — Даже противники. Однако сейчас служу вам, ваше величество, потому на страже ваших интересов. Герцогиня кровно заинтересована привести к управлению людей, у которых при дворце нет опоры и кто полностью зависит от вас. Поэтому те надежнее, так как преданы вам лично.

— Гм, — сказал я с сомнением, — вообще-то я предпочел бы людей с принципами... но что есть, то есть. Будем работать и строить светлое будущее с не самыми светлыми личностями. Как обычно и бывает.

Дверь распахнулась, из коридора вошел сэръ Альбрехт.

Лорд-канцлер взглянул на него в испуге, посмотрел на меня, но я не среагировал, и он вздохнул, напоминая себе, что у этих северных дикарей пока что нет четкого разделения по титулам и званиям.

Альбрехт, прямой и гордый, шел к нам через кабинет красиво и элегантно, весь из себя щеголеватый с головы до ног, хотя по здешним меркам одет весьма скромно.

Отвесив нам обоим небрежный поклон, исполненный величайшего достоинства и даже гордыни, произнес церемонно:

— Ваше величество, прибыла Жанна-Антуанетта. Она добивается встречи с вами. Очень настойчиво. Я пробовал переговорить лично, но она настаивает...

Я поинтересовался с неудовольствием:

— А кто она?

Он помедлил, не спуская с меня взгляда, затем как-то особенно посмотрел на Варессера:

— Она показалась мне... очень даже... в общем, принять стоит. О подробностях лучше спросить сэра Джулиана.

Я повернулся к лорд-канцлеру, тот стушевался, поелозил взглядом по блестящему полу, словно перед строгой учительницей, застывшей под лестницей за курением, хотя и уже после того, как успели снова одеться.

— Ваше величество, — произнес он в пол и, подняв взгляд, договорил: — Это официальная любовница императора Скагеррака.

Вид у него теперь таков, что как это я не знаю, кто такая Жанна-Антуанетта, весь мир знает и постоянно перемывает ей кости, как всегда поступают с теми, кто на самом верху славы, власти и могущества, а я вот, провинция, все еще не знаю, какой стыд.

Я дернулся.

— Ну и нах... зачем, в смысле?

Он слегка опустил взгляд.

— Ваше величество... Есть некоторые соображения. Но, полагаю, вам стоит их выслушать. Это не трактирщица, а человек, знающий некоторые важные тайны империи... если не все.

Я колебался, Альбрехт взглянул предостерегающе, дескать, не забывайте, сэр Ричард, вы император, а не безбанерный рыцарь в поисках приключений.

— Хорошо, — ответил я с усилием. — Пригласите.

Альбрехт кивнул сэру Джуллиану.

— А мы пока прогуляемся к фонтанам, проверим, что-то у них вместо вина снова пошла вода, а это не порядок.

— Предатели, — сказал я горько. — Везде зрада.

Альбрехт, закрывая дверь, заметил через плечо:

— Мужчина и женщина разговаривают откровеннее без свидетелей. Только не переборщите.

— Без намеков, — сказал я с угрозой.

Хрурт по эту сторону двери поглядывает молча. Обычно молчит, если не понимает, но и когда понимает, благоразумно помалкивает, уже понял, как ведут себя стражи в здешнем дворце.

С той стороны в дверь стукнул Перияльд, узнаю его по звонкому щелчку костяшками пальцев, Хрурт торопливо распахнул так, словно спешит впустить в дом необыкновенное шасте, а то вдруг повернется и уйдет. Я стиснул челюсти, не люблю, так должны суетиться только при моем появлении, а не всяких тут или там...

Из коридора через порог шагнула молодая женщина. Я запнулся, раздраженные мысли выпорхнули

из черепа, как спугнутая стая воробьев, дыхание прервалось, а сердце, напротив, застучало чаще.

От вошедшей, как показалось, идет чистый свет, настолько совершенное лицо, фигура, улыбка, посадка головы. В одежде ничего лишнего.

Только сейчас, все еще удерживая дыхание, я сообразил, что у нее голубые волосы. Мелькнули ассоциации с повзрослевшей Мальвиной, но у той по-детски распущены по плечам, а у этой в виде сказочной башенки с десятком цветов на крыше. Цветы тоже голубые, вообще с голубым вроде бы перебор, хотя хрен кто знает здешнюю моду: платье, пояс, ленты, даже туфельки наверняка голубые, хотя под скользящим по полу широким подолом не видно. Наверное, и трусики были бы голубыми, если бы их ввели в моду.

Я одернул себя, что-то мысли то и дело стараются ускользнуть в сторону чего-то приятного, а у девушки лицо утонченно-строгое, через кабинет не прошла, а проплыла, как лебедь по зеркальной глади озера.

Я с огромным усилием переборол свое дурное воспитание и заставил себя сидеть, еще и ноги раскинул в небрежной позе. Она приблизилась на отмеренное придворным протоколом расстояние и присела в смиренном поклоне, не опуская головы.

Я зажал всего себя в кулак, заставил разглядывать ее внимательно и подчеркнуто бесстрастно, как выкованные новые ворота, которые предлагают установить взамен старых.

В ярком праздничном платье на удивление мало бантов, лент, шнуров и блесток, а прическа — просто мило уложенные голубые волосы, а не причудливое сооружение, скрепленное мукой и клеем, над которой сутки трудились десятки умельцев.

Мне показалось, что понимаю, почему эта простая прическа и сравнительно простое платье. Все украшения только отвлекали бы внимание от ее совершенного лица и фигуры, в ней природа показала все, на что способна, чтобы даже не пытались ее превзойти.

Я смотрел в ее лицо и не мог найти, хотя и старался, ни единого изъяна. Словно некто просмотрел мысли всех мужчин на свете и создал самое идеальное, что могли вообразить.

— Жанна-Антуанетта, — проговорил я, — что-то весьма знакомое...

Она ответила чистым музыкальным голосом где-то в районе меццо-сопрано:

— Ваше величество?

— Да что весьма, — ответил я, — даже зело... Какие-то смутные ассоциации.

— Судя по вашему лицу, — произнесла она так же чисто и музыкально, на что в моей мохнатой душе радостно ответил какой-то недодушенный колокольчик, — вы не определились, тревожные... или радостные?

— Всего помногу, — сообщил я тем же холодным и даже чуточку злым голосом, не люблю такого совершенного совершенства — Встаньте, леди Жанна-Антуанетта. Что вас привело в столицу? Насколько я слышал, ваше место возле императора Скагеррака?

Она выпрямилась, ее огромные фиолетовые глаза всматриваются в меня почти так же бесстрастно, как и я рассматриваю ее всю, уже не только совершенное лицо.

— Ваше величество, — произнесла она мягким и таким женским голосом, что у меня вопреки всему настроя теплая волна прошла с головы до ног, а сердце

ликующе екнуло, — спасибо что приняли. А он... все еще император?

— Да, — ответил я и добавил: — Но на острове Святой Елены. В смысле, в своем удаленном имении, как вы наверняка знаете. Так что на трон не вернется, если вы это хотели выяснить.

Она чуть наклонила голову, взгляд ее все еще не оставлял моего лица.

— Тогда вы сами ответили, ваше величество. Властелин империи теперь вы!

— Что-то не понял, — ответил я холодно. — Или намекаете, что предлагаете свои услуги мне?

Она прямо посмотрела мне в глаза, как мне показалось, так же холодно и бесстрашно.

— Ваше величество, вы все поняли правильно.

Я чуточку опешил от такой откровенности, но ответил с той же высоты имперского трона:

— И как вы это видите, леди? Что возьму вас в официальные любовницы?

Она ответила уверенно:

— А разве не все лучшее должно принадлежать императору?

— Все лучшее народу, — ответил я. — Правда, я и есть его олицетворение... Вы считаете себя самой-самой?

— Это не только мнение императора, — сказала она.

Глава 10

Я оглядел ее критически, постарался удержаться от естественного желания при виде такой красоты все-таки встать и пригласить сесть, а то и подать стул.

— А что у вас особенного? Сиськи видел и побольше, и поменьше, и вообще всякие...

— Мужчины обожают разнообразие, — сказала она, — разнообразьте свой стол и постель!.. Так легче выбрать.

— У меня есть любовница, — сообщил я. Подумал, уточнил: — Даже две, как мне кажется.

— Будет три, — сказала она, — такое дозволено придворным этикетом. Это у короля может быть только одна любовница.

— Официальная?

— Ну да, — подтвердила она с некоторым удивлением. — Жена — это жена, браки заключаются по договорам между правящими династиями, чтобы крепить мир и безопасность между государствами, а любовницы от слова «любовь»... Как хорошо быть северным варваром, да?

— А это при чем? — буркнул я.

— Можно делать вид, — произнесла она ангельским голосом, — что не понимаете простых вещей, которые понимать вам не хочется.

Я оглядел ее более внимательно.

— А вы проницательны, леди. Конечно, это ничего не имеет общего с умом, но все равно плюстик.

— Спасибо, ваше величество.

— За что?

— Не знаю, что такое плюстик, — ответила она с самым очаровательным видом, — но чувствую, что похвалили. Хоть и с неохотой.

— Я многое делаю с неохотой, — сообщил я. — В моем королевстве было такое название, как «полюбовница». Что значит, по любви... Но у нас это как бы осуждалось, потому что к черту любовь, когда есть долг! Любовь должна быть только к Отечеству. К тому же что-то не чувствую к вам этого самого... ну, вле-

чения! Скорее напротив, весьма заметное неприятие. Тут уж если неохота, то неохота. Женщины еще могут притвориться, а у нас никак.

Она ответила с императорским достоинством:

— Для того, что у вас, мужчин, почему-то называется любовью, при дворе масса хорошеньких женщин и даже миленьких служанок. А идти с вами рядом может только женщина лучшая в империи!

Я снова оглядел ее пренебрежительно.

— Это вы о себе?

Она чуть-чуть приопустила ресницы.

— Я могла бы подумать, что подурнела в подземельях, однако перед дорогой сюда посмотрела в зеркало.

— Да, — сказал я, — тут такие брехливые зеркала.

— Подумайте, — сказала она. — Вашему престижу будет нанесен урон, если рядом с вами будет женщина, что уступает мне хоть в чем-то.

— А если предпочитаю умных?

— Ум не виден издали, — ответила она, — а вот внешность...

— Честно говоря, — сказал я, — мне кажется, здесь по крайней мере наберется сотня женщин, что не уступают друг другу. Скагеррак в самом деле собрал в столице самых красивых женщин империи!

Она улыбнулась с заметным чувством превосходства.

— Человек войны, да?.. Не очень хорошо разбираетесь в женщинах, да и не хотите разбираться, верно?.. Сиськи есть, значит, женщина?.. Но все остальные при императорском дворе разбираются превосходно. И даже во всем Волсингсборе. И когда увидят рядом с вами женщину попроще... Представляете, какой тяжести это будет удар?

Она чуть наклонилась в мою сторону, то ли заглядывая мне в глаза, то ли давая заглянуть в низкий вырез. Я ощутил тонкий аромат духов, без всякой чувственной пряности, а чистый и светлый, словно мы на залитом солнечным светом лугу с ковром из мелких диких цветов.

— Не льстите себе, — ответил я мирно. — Это я не с вами буду импозантнее, а со мной любая женщина будет смотреться царицей мира.

Она ощутила по моему тону, что аудиенция затянулась, присела в церемонном поклоне.

— Однако ваше величество разрешит мне поселиться в прежних комнатах?..

Я кивнул.

— Да, конечно. Все живут там, где и жили. Ваши апартаменты наверняка свободны. Если кто-то захватил, можете выгнать.

— Благодарю вас, ваше величество...

— Леди Жанна, — ответил я с холодной любезностью.

Норберт доложил, что конные отряды двинулись скорым маршем по прорубленному через горный хребет пути, а следом за ними воспрянувший Варессер отправил обоз со всем необходимым для обустройства стационарного лагеря.

Лорд-канцлер даже помолодел от таких забот, а бледные старческие щеки порозовели.

— Ваше величество, — заверил он жарко, — неужели мечта всех императоров Извечного Света начинает воплощаться?.. Мы же всегда-всегда были отрезаны от моря!.. Такая исполинская империя, и без малейшего выхода к морю!

— И все получилось без драки, — подтвердил я. — То ли еще будет, сэр Джуллиан. У вас как со штатом?

— Ваше величество, — воскликнул он, — все работают со рвением! Людей я набрал, пользуясь подаренной вами возможностью, новых и весьма усердных... Просто из предосторожности. Тоже отбирал из тех, кто не был особо приближен к императору.

— И как они?

— Стараются закрепиться, трудятся, дым идет!

Я отпустил его милостивым наклоном головы, Альбрехт проводил лорда-канцлера задумчивым взглядом.

— Даже не знаю, — сказал он честно, — что у них пересилит. С одной стороны, мы вроде спасители мира, с другой — узурпаторы. Честь и традиции требуют оставаться верными Скагерраку. Весь двор на распутье, равновесие неустойчивое.

— Пока присматриваются, — согласился я, — сговариваются, выясняют, вырабатывают общее мнение... При самодержавных режимах мнение должно быть только одно, вот и стараются... Зато при самодержавиях всегда расцвет культуры, науки и поэзии! Это я, как великий и тонко чувствующий поэт, говорю.

Он аристократически наморщил нос.

— Поэт... в солдатских сапогах?

— Поэзия, — возразил я, — не аристократический салон, куда только напوماженным и в блестящих туфлях! Это храм, куда весьма и в стоптанных сапогах, чтоб вы знали.

Он вздохнул.

— Ладно, а я, как приземленная натура, займусь пока разгребанием навоза придворных интриг. Как они находят в этом удовольствие?

— А вы? — спросил я. — Плуньте, пусть интригуют.

— Так уже и против нас начали!

— Пока у нас армия, — напомнил я, — а у них только городская стража, все интриги выведенного яйца не стоят.

Он поклонился и вышел, убедившись, что у нас ничего не меняется, прем тем же курсом, пусть даже тучи сгущаются все темнее, а вдали слышны раскаты приближающегося грома.

Еще через пару дней, когда я просматривал отчеты насчет Скагеррака, что-то слишком часто принимает в своем дальнем дворце военачальников, Альбрехт вошел с бумагами в руках, остановился, прислушиваясь.

Я намурлыкивал вслух:

— Вы бродяги и пропойцы, за столом семи морей.

Вы пропойте, вы пропойте, славу женщине моей...

Он прислушался, сказал с неудовольствием:

— Ваше величество, песни у вас больно странные... Что, приличные люди уже отказываются петь вашей женщине?.. Кстати, кто она?

Я ответил с неловкостью:

— Да это так, пели в детстве, чувствуя себя удалыми пиратами. Все в том возрасте любим шкодить, ломать, вредить, пакостить, мечтаем быть пиратами и разбойниками... А барды вообще-то все в том возрасте. Так что про разбойников, которые их же грабят, народ поет больше, чем про нас, кто их защищает... Интересно, да? Вот так и вся наша жизнь, интересная, если говорить очень мягко... Что слышно про отряды, посланные Норбертом?

— Через прорубленный вами проход?.. Норберт сообщает, что если все пойдет, тьфу-тьфу, так и дальше,

конные отряды вскоре выйдут уже на той стороне хребта. Но важнее, что лорд-канцлер сумел вашим именем быстро мобилизовать полсотни телег, загрузил их всем необходимым и отправил за конниками вслед! А еще раньше послал плотников и каменщиков.

— Молодец, — одобрил я. — Не стал прибегать за разрешением. Понимает.

Он сказал с неудовольствием:

— Верно, пусть больше своей властью пользуется. А то разбегались к вам.

— Согласен. — ответил я. — Лорд-канцлер!.. Это не кот чихнул. Прекрасно, сэр Альбрехт, хорошие новости. Хоть какие-то сдвиги в нашем ничегонеделании!

— Ничегонеделании? Да у нас все кипит!

— А где страсти? — осведомился я. — Душевные терзания? Измены, муки ревности?.. Предательства и мучительная проблема выбора между тупым концом яйца и острым?.. Где горы убитых и зарезанных?.. Даже виселицы заполняют за стенами города, стыд какой! Разве фейерверками можно заменить красивое и торжественное зрелище работающего эшафота?

— Нет, — согласился он и тут же добавил: — Я вручил конному отряду норбертовцев ваше знамя. Уверены, что достаточно? Там все-таки империя Германа...

— Более чем, — заверил я. — Как маркиз я был там героем, скажу с присущей мне скромностью. Мне там памятник собирались поставить в таверне...

— Памятник в таверне?

— Нет, договаривались в таверне.

— Понятно, там и пропили сразу?

— Все к лучшему, — заверил я. — Это я сам предложил обмыть заранее. А теперь как узнают, что я уже

император, там же закатят праздник и всеобщее народное ликование. Думаю, сразу же ухватятся за возможности. Торговцы — те же пираты!.. Что там еще?

— Продолжаем закрепляться в королевствах, — доложил он. — В тех, куда ходят багеры. Причальные пирамиды взяты под охрану, вывесили ваш приказ о смертной казни за... сепаратизм, так вы сказали?

— Да, — подтвердил я. — Всякий, кто попытается разрушить причальные пирамиды — государственный преступник!

— Мерзкая измена, — сказал он моим голосом и почти моей интонацией, — и работа на врага!

— Именно, — подтвердил я. — Потому революционная казнь на месте по законам пролетарской справедливости! Так всех и предупреждайте. Сэр Альбрехт, вы уже разобрались с налоговой системой?

Он покачал головой.

— Черт ногу сломит. У нас намного проще. А здесь ворох исключений, льгот, штрафов, налогов на просроченный налог и добавочные льготы...

— Не разберемся, — сказал я, — свои нормы введем. Но лучше бы пока придерживаться старых. А потом все поставим на уши, как и должно быть в правовом государстве просвещенного деспотизма.

Он собрался было уходить, но остановился, вперил в меня настолько суровый взгляд, что даже кончики усов заострились, как острия стрел.

— Сэр Ричард, должен вам сказать, ваша репутация для всех нас... весьма как бы. Но по дворцу уже пошел слух, что леди Жанна-Антуанетта ваша тайная любовница.

Я дернулся, будто меня ткнули шилом.

— Что-о?

— Вот-вот, — подтвердил он. — Это вроде бы дело ваше, потому если оно так и есть, то слух должен быть одобрен вами... даже если она не любовница. В дворцовых сложностях и второй черт ногу сломит да и шею свернет. Потому я просто сообщил, чтоб знали. И выпутывались... если выпутываться надо.

— Разберусь, — пообещал я. — Вы правы, даже слухи о моих тайных и явных любовницах должны быть санкционированы и идти на пользу отечеству. Иначе это только компрометация светлого и почти незапятнанного облика нового императора! Я должен быть светочем, а у светоча какая тайная любовница?

— У светоча все должно быть открыто народу, — подтвердил он сурово. — И все тайное должно стать явным.

После его ухода я некоторое время терзался противоположными желаниями насчет перевешать всех или же махнуть рукой, император выше мирской суеты, наконец кивнул Хрурту.

— Пошли кого-нить отыскать графиню Жанну-Антуанетту...

Он сказал понимающе:

— Вашу тайную любовницу?..

— И ты гад, — сказал я горько, — все вы травите меня, как благородного оленя... Хотя какой я благородный, если любовница почему-то тайная? Просто отыщи и скажи, что император повелевает явиться.

Он уточнил серьезно:

— Не просит, не приглашает, а повелевает?

— Именно. Я император, у меня одни повеления. Хотя если приглашаю, все равно должны бегом!

Он приоткрыл дверь и что-то прошептал Ульману и Перияльду в коридоре. Я некоторое время ходил

в раздражении взад-вперед, хотел было сесть за письменный стол, но распахнулась дверь, Ульман впустил в кабинет блистающую свежестью Жанну-Антуанетту.

Глава 11

Она вошла легко и грациозно, без привычной при дворе церемонной величавости фарфоровых кукол, мило улыбнулась и присела в глубоком поклоне.

Я хмуро разглядывал ее еще от входа, даже одета с заметными нарушениями придворной моды. Все в сторону упрощения, и не думаю, что это постарались парикмахеры и портные, те как раз пытаются наворотить все самое сложное и вычурное, чтобы показать мастерство и особый стиль, а эта, напротив, предпочитает показывать себя.

Дольше выдерживать ее в глубоком приседе уже неприлично, я с самым хмурым видом сделал знак встать и сказал с подчеркнутым недовольством:

— Леди, что-то до меня дошли слухи, вы якобы моя любовница.

Она сделала огромные глаза.

— Ваше величество?

— Вы ни при чем? — поинтересовался я. — Злые люди наговаривают?

Она пожала блестящими в свете свечей плечами.

— Ваше величество!.. Конечно, ни при чем! Все видят возле вас леди Мишеллу. А иногда герцогиню Самантеллу Херствардскую...

— Это официальные любовницы, — пояснил я, — по вашей дворцовой терминологии. Но вы как бы тайная!.. Есть такой термин? А то я тайные службы знаю, а что такое тайная любовница при двух офици-

альных... Предмет безудержной или какой-то там еще страсти...

— Безумной? — уточнила она педантично.

— Или безумной, — сказал я злобно, — я не уточнял, да и какая разница?

— Большая, — сообщила она. — В дворцовых интригах каждое слово весомо и что-то значит. Если безумной, то...

Я прервал:

— Кто такое распространяет?

Ее и без того огромные глаза из фиолетовых стали небесно-синими, даже голубыми, как у куклы, и расширились на пол-лица.

— Ваше величество!.. Злые языки есть и на том свете!

— Глупость какая, — сказал я с сердцем. — Тайная любовница!.. Предмет страсти!.. Да я скорее крокодила полюблю. Идиоты.

— Еще какие, — подтвердила она с готовностью. — Но вы не обращайтесь внимание, государь. Слух слишком нелеп, чтобы в него поверили. Это так, языки почесать. Всем жутко интересно, чем буду заниматься. Потому и придумывают заранее.

Я продолжал разглядывать ее в упор.

— То есть вы ни при чем?

— Абсолютно, — заверила она, лицо у нее в самом деле идеально чистое и как бы бесхитростное, хотя бесхитростных женщин не бывает, смотрит даже с сочувствием. — Я претендовала на официальную любовницу, это в интересах империи, как я уже объяснила, а вовсе не на тайную. Окружение императора должно быть безукоризненным!.. Как его министры, слуги, лошади, так и женщины. Если стану любовницей, скажем, вашего лорд-канцлера, то у многих появится

разумный вопрос, почему он всего-то лорд-канцлер, а не император?

Я нахмурился.

— Чё, в самом деле?..

Ее улыбка стала слегка покровительственной.

— Ваше величество, во дворце ожесточенная война за место поближе к императору постоянно, непрерывно и весьма жестоко!.. Благодетельства и милосердия в ней просто не бывает. Вас в подробности нашей жизни не посвятили? Странно...

— Почему странно? — проворчал я. — О таком даже не спрашивал.

— Вы не могли спрашивать о том, — ответила она педантично, — чего не знали. А вас обязаны предупредить были сразу... Странно, странно... Ладно, я сама вас посвящу в некоторые тайны.

Я спросил опасливо:

— А спать с вами за это не потребуется?

Она отмахнулась с самым пренебрежительным видом.

— Ваше величество, что вы о таких пустяках?.. Будете спать или не будете, разве это важно для вашей империи? Важнее ее безопасность, процветание и подъем сельского хозяйства.

Я насторожился.

— Постойте-постойте... Что вы сказали о сельском хозяйстве?

— Что это очень важная задача, — объяснила она. — Как я слышала, наш новый властелин империи постоянно твердит о таком предстоящем подъеме, что почти цель существования всей империи.

— Чё, правда? — пробормотал я. — Ну, это был полемический прием... Для возжигания энтузиазма

масс и всеобщего вдохновизма. Некий полезный перехлест.

Она сказала безапелляционным голосом:

— Значит, во время послеобеденного выхода пойду с вами, ваше величество?.. Это плюсик, как вы говорите, к вашему авторитету.

— Быстро хватаете термины, — сказал я, — и даже усваиваете?.. А как же герцогиня Херствардская и леди Мишелла?

Синие глаза почти без перехода стали фиолетовыми, в них заблестали острые искорки.

— Император не должен вникать в такие мелочи!.. В сложном дворцовом мире все передвигается как бы само по правилам дворцового этикета. Они тоже пойдут за вами, как и я, на расстоянии в четыре шага. И мы все трое будем счастливо улыбаться и отвечать на почтительные поклоны придворных.

— Ага, — сказал я опасливо, — ну если само... Хотя нет, что-то в этом неправильное. Я подумаю. Хорошо подумаю. Может быть, даже посоветуюсь. Вы можете идти, леди Жанна...

Она присела, прощаясь, но вместо «ваше величество» сказала с такой готовностью, будто уже работает личным секретарем:

— Главное все-таки подъем империи и сельского хозяйства, это будет сделано, ваше величество! А вы правьте миром, не отвлекайтесь, не отвлекайтесь. Не все ли равно, какая из женщин придет к вам в постель? В темноте все мы одинаковы!

Поздним вечером я с балкона моих апартаментов с раздражением смотрел на ярко освещенную часть двора перед главным зданием, куда со стоянки экипа-

жей степенно сходятся благородные дамы и знатнейшие лорды.

Это для нас вечер, а для них начало дня. Всю ночь будут тусоваться, сплетничать, флиртовать, затевать новые интриги, еще не распутавшись со старыми, и вообще вести привычную жизнь придворных, вне которой себя уже не мыслят.

Музыка звучит игриво-фривольная, намекающая на нечто под платьем, здесь все разговоры в основном вертятся вокруг подобных тем, кто кого и как, древняя любовная игра, принявшая немислимо усложненные формы, обросшая условностями и даже создавшая свой язык из улыбок, взглядов, намеков, взмахов веера, приклеенных мушек и прочего-прочего, аксессуары чего все еще множатся и разрастаются.

Хрурт от двери спросил с сочувствием.

— Прогуляетесь?.. Там такой праздник... Вам не помешает пройтись хотя бы малость.

— У них всегда праздник...

— А сейчас вообще, — заверил он. — Мы же их спасли!.. Теперь всю жизнь будут праздновать.

— Отучим, — буркнул я. — Господь человека создал не для веселья.

— Но человек противится?

— Человек всему противится... Ладно, в самом деле покажусь народу. Мол, я тоже, как и все, веселюсь как бы. Выкажу единство власти и народа. Это отольется... тьфу, зачтется.

Как бы нехотя спустился по церемонной лестнице, в нижнем зале с высокого свода падает яркий праздничный свет, там всажены квадратно-гнездовым методом исполинские люстры на сотни свечей, сверкающие мириадами осколков хрусталя, что вполне могут

быть даже не хрусталем, а гранеными бриллиантами, кто знает, как тут императоры с ума сходят, сгребая в свой дворец все сокровища империи.

Альбрехт с сэром Рокгаллером, оба с угрюмыми лицами, у настёжь распахнутых дверей наблюдают за весельем во дворе.

Я сказал приветливо:

— Сэр Рокгаллер, наконец-то и вы на этом некультурном мероприятии. А то все в работе, все в работе.

Он ответил со вздохом:

— Всегда танцуют... Как в них только столько влезают?

— Это у них вместо воинских упражнений, — пояснил Альбрехт с усмешкой. — У нас с копьем и мечом занимаются по несколько часов, а тут всю ночь танцуют. Тоже, наверное, утомительно.

Я сказал с иронией:

— Можно подумать, вы не вкусили и от этого пирога.

Он ответил философски:

— В пятнадцать лет танцы — удовольствие, в двадцать — предлог, в сорок — тягость.

— Чё, — спросил я с недоверием, — вы такой старый? Сэр Альбрехт, пока держите меч, а усы вверх, вашей здоровой дури на все хватит!.. Это я должен скулить и жаловаться. Вот император Скагеррак что-то затевает, уже сниться начал.

Он покрутил головой, а Рокгаллер сказал степенным голосом:

— У восходящего солнца больше поклонников, чем у заходящего.

— Хорошо бы, — пробормотал я. — Только солнце ли я?.. Король-Солнце был, а вот император-Солнце...

Я неспешно начал спускаться со ступеней, оба послушно двинулись следом. Углубляться в веселящуюся толпу не стали, слушали музыку и рассматривали женщин, сегодня более раскованных, чем обычно.

На маскараде допустимо некоторое хулиганство в одежде и вообще в наряде, хотя, конечно, в рамках аристократического вкуса. Платья, к примеру, могут быть ярко-зелеными, синими или даже черными, а прически одна причудливее другой, украшенные длинными цветными перьями, живыми цветами, хвостами лис или горностаев.

Мимо нас прошла одна из молоденьких, первый бал, так сказать, хотя здесь маскарады интереснее, одежда то ли праздничная, то ли карнавальная, мне понять трудно, но для мужчин любая женская одежда смотрится какой-то хренью, а эта так и вообще: ручки тоненькие, а рукава настолько широкие и длинные, что свисают до самого пола. Но вышагивает, дуреха, гордо и с осознанием своего величия и значимости.

Вообще-то, если бы не эти рукава, что только в цирк клоунам, выглядела бы вполне пристойно: темно-багровое платье гармонирует с ее густыми пепельными волосами, десяток брошек и ожерелье в три ряда тоже в цвет, даже небольшая корона, больше похожая на венки, украшена темно-лиловыми камешками.

Когда прошла мимо, бросив в нашу сторону опасливый взгляд, я успел увидеть расширенные в испуге глаза с радужкой странно лилового цвета, какими бывают тучи с грозой и молниями.

Подол платья волочится по мрамору дворового покрытия, иначе увидел бы и туфельки, наверняка тоже лиловые или багрового цвета.

Или мохнатые копытца, как у царицы Савской.

Рокгаллер вздохнул.

— Как дивный цветок... Так и тянется рука сорвать! Вы как на это смотрите, ваше величество?

Я покачал головой.

— Как гуманист, цветы не рву. Полюбуюсь и, пусть живет красота, иду дальше.

— Намек понял, — ответил он с сожалением. — Ладно, пусть эта красота проплывает мимо. Так безопаснее. Для нас.

Красота проплыла, бросив в нашу сторону удивленно-игривый взгляд и чуть приопустив длинные веки с наклеенными ресницами, такими длинными и густыми, что могла бы удержать на них что-нибудь даже неприличное.

— Пусть плывет, — согласился Альбрехт. — Вы тоже больше по служанкам?

— Как и большинство, — ответил Рокгаллер, понизив голос. — Даже сэр Робер и то пользуется больше тех, кто приходит стелить ему постель, а графиня опасается. Осторожный. Это мы два дурака чуть не попались, но мудрый сэр Ричард, вот уж кто в женщинах знаток, удерживает...

Я смолчал, похвала какая-то не такая, я знаток в сельском хозяйстве, хотя сам знаю, какой знаток, и чего это мне цепляют женщин, издеваются над властью...

Альбрехт сказал весело:

— А-а, сэр Келляве!.. Идите к нам, а то вы здесь как носорог среди уток!

Рокгаллер буркнул:

— А мы что, носороги? Ладно...

Граф Келляве, похоже, в этот момент общался с женщиной, оглянулся, сказал ей что-то и пошел

к нам, огромный и тяжелый, уже частично в камзоле южанина, правда, расстегнутом, блестящая кираса из высокосортной стали блестит хищно и победно, шаг тверд, сапоги все еще походные, грубые, даже шляпа напоминает его же рыцарский шлем, по бокам роскошные перья торчат как рога, а весь вид графа говорит, что больше готов к поединкам, чем к танцам.

Альбрехт пробормотал:

— Каждый вправе мыслить иначе, чем окружающий мир, но не вправе одеваться по другой моде.

Глава 12

Келляве приблизился, коротко и сдержанно поклонился, а я сказал с подозрением:

— Что-то вы не с той стороны идете, граф. И пахнет от вас как-то не сапогами...

Он поклонился с достоинством и ответил так же серьезно и уважительно:

— Ваше величество, я не такой, я человек степенный, у меня жена и четверо детей! Потому никаких интрижек в походах, а мы ведь в походе?.. Конечно, при захвате города все как положено, но то не в счет, то наш священный долг, а так, где приходится останавливаться дольше чем на неделю, я всегда заводил жену и жил с нею, не глядя на остальных женщин.

— Очень нравственно, — одобрил я. — У вас твердые моральные корни, сэр Гастон!.. Мало ли что нас тянет на всех женщин, мы же не козлы! Должны соблюдать твердые нравственные нормы, что внутри нас. Как вам здесь?

Он ответил, честно глядя мне в глаза:

— Сейчас живу в покоях баронессы Честерлицкой...

Я поинтересовался:

— В самом деле? Все мои военачальники занимали свободные апартаменты во дворце...

— И я занял, — ответил он. — Занял, жил, но когда вышел из убежища Скагеррак, его придворные начали возвращаться и сюда...

— Ого, — сказал я с интересом. — Неужели вы не уступили? На вас не похоже.

— Я сразу же уступил, — заверил он. — Но баронесса заявила, что не хочет меня затруднять и сама найдет себе другое место в таком огромном дворце. Договорились, что ночь переночует в этих покоях, а утром решим...

— Понятно, — прервал я. — Проснулись в одной постели и решили пока оставить как есть, а дальше будет видно.

Он взглянул с некоторым испугом.

— Ваше величество, вы как будто все видели! Да, именно так, даже слово в слово... Наверное, из женских постелей не вылезаете? Все у вас в таких подробностях... Или женщины все одинаковы?

— Женщины, — согласился я, — они как груши с одного дерева. Вам груши приходилось околачивать?

— Н-нет, простите, как-то не удалось ввиду крайней занятости обязанностями пажа, а затем оруженосца. У меня был очень строгий рыцарь-наставник.

— Но любопытно, — поинтересовался я, — когда впервые инициативу проявили не вы, а женщина? Оживляж некий чувствуете в вообще-то скучной рутине, верно?

Он сказал в смущении:

— Очень. Непривычно. Но как-то... легче даже, знаете ли... С этими женщинами на Юге, как заметил, у всех наших легче. Ваше величество?

— Это и тяжелее, — ответил я со вздохом, — что легче. Сэр Гастон...

Он поклонился еще по-северному, но уже с оттенком южности, и ушел, а я продолжал думать, что вот так нас быстро и растворят, как горсть сахара в теплой воде.

Пора нам вспомнить, что мы христиане, а первые христиане откровенно называли себя сверхчеловеками.

Да, надо напомнить нашим, что мы выше, потому что люди Идеи, а люди Идеи не станут... как там у древнего поэта: не в ту среду попал кристалл, но растворяться в ней не стал. Кристаллу не пристало терять черты кристалла.

Альбрехт поглядывал с иронией в глазах, наконец подчеркнуто жизнерадостно поинтересовался:

— А что вы такой расстроенный? Видите, веселятся, танцуют! Счастливые люди.

— Танцуют, — ответил я рассерженно. — Посмотрел я их танцы... в летописях. Даже танцы за тысячу лет не изменились!.. Так вот и мы будем барахтаться, как в болоте.

Рокгаллер промолчал, что-то сложное я завернул, Альбрехт же без всякой связи сказал вдруг:

— Сэр Ричард, а вам придется принять ту главную любовницу Скагеррака. Или главная теперь герцогиня Херствардская? Тогда самую-самую главную. Верховную, так сказать.

Рокгаллер предложил:

— Может быть, им какие-то особые титулы давать? Мидл-любовница, биг-любовница, гросс-любовница.

— Или просто по номерам, — предложил ехидно Альбрехт. — Первый — самый высокий, остальные борются за первое место.

— А если, — заикнулся Рокгаллер, — принять за... Я оборвал:

— А насчет подъема сельского хозяйства ломать головы уже не хочется? А на тему чужих любовниц рассуждать готовы до утра?..

Альбрехт воскликнул в наигранном изумлении:

— Сэр Ричард, но это же дело государственной важности!.. Любовница императора здесь чуть ли не главное вашего лорд-канцлера!..

— Главнее, — поддержал Рокгаллер. — В здешней империи любовницы руководят даже кабинетом министров. И вообще всем.

— Даже императором, — сказал Альбрехт и посмотрел на меня многозначительно. — По закону ночной кукушки.

Я возразил веско:

— Мы выше, потому что христиане. У христиан другие законы. Хоть мы и хреновые христиане, но это не мы виноваты, а Ева, согрешившая с генетическим преступником, однако мы боремся!.. И даже с кукушечничеством.

— Как? — спросил Рокгаллер с жадным любопытством хорошего хозяйственника.

— Раздельные спальни, — сообщил я холодно. — Исполнил свой неприятный долг — и сразу в свою отдельную нору!

Альбрехт слушал с непроницаемым лицом, потом, весь такой же невозмутимый, повернулся ко мне.

— Сэр Ричард, так как насчет той... Жанны-Антуанетты? На взгляд Тайного Совета, хороший шанс.

Во мне моментально ошетинилось нечто злое и древнее, словно и у меня предками были какие-то совершенно дикие питекантропы, а то и вовсе кисте-перые рыбы.

— Ах, даже Тайный Совет обсуждал? Еще бы, это не скучный проект прокладки торгового пути в маркизат Черро!

— Но вопрос важный, — напомнил Альбрехт. — Даже важнейший. Согласно вашей же доктрине, нас горстка!.. Чтобы завоевать доверие или как-то легче принудить двор и население империи к смене власти, нужно убедить, что изменился только человек на троне! А так все по-прежнему, все хорошо, все хорошо... Как было у вас раньше на Севере, помните?.. Вы же постоянно повторяли, что народу все равно, кто на троне!

— То на Севере, — возразил я. — Здесь прошло бы то же, если бы мы просто собирались подменить не власть, а Скагеррака на другого Скагеррака, разве что с другим профилем!..

— В смысле, вы стали бы Скагерраком Сорок Девятым?

Я огрызнулся:

— Уж вы-то знаете, что могу быть только первым!.. Но мы намерены изменить очень многое, иначе чего сюда приперлись? Если оставим все как есть, нас размочет, как каплю меда в ведре горячей воды.

Он взглянул с сочувствием.

— Такой задачи перед вами никогда не стояло, верно?.. Легко побеждать врага в открытом бою, но трудно переубедить... Начинайте с малого. Сперва

примите любовницу, можно глашатаям об этом на площадях...

— Чего? Да я вас тут же удушу!

— Любовница Скагеррака, — сказал он хладнокровно, — перебежавшая к вам, как бы олицетворяет преемственность власти, незыблемость строя, правопорядка и законности. Империи не нужны потрясения, ей нужен мир, покой и хорошие сны. Когда увидят рядом с вами... а лучше в постели, любовницу Скагеррака, то с облегчением скажут, что Скагеррак вернулся. Только зовут его Ричардом Первым. А так он вообще-то Скагеррак...

— Герцог!

— Молчу-молчу. Вы же говорили, всего нужно достигать наименьшими усилиями?.. Чтобы сил хватило и еще на что-то?.. А что может быть проще, чем принять еще одну любовницу?.. А выгода будет ого-го!

Я поинтересовался с подозрением:

— Какая?

Он пожал плечами.

— Какая-то большая. Как где-то слышал. В масштабах империи! А что для вас важнее государственных интересов? И подъема сельского хозяйства?

Я взглянул на него с подозрением.

— Да?.. А в самом деле, мы же политики. Всякие там духовные запросы отодвинем до лучших времен, как делается всегда... Ладно, я уже нагулялся. Так весело, так весело, что тошнит. А вы веселитесь, работайте на имидж нашего победоносного войска! Веселье тоже работа.

Они переглянулись в заметном недоумении, как это веселье может быть работой, а я с гордо поднятой головой удалился обратно в здание, злой и расстроен-

ный. В самом деле, барахтаемся в этом болоте, что засасывает все глубже и глубже.

А первым тону я. То и гляди надену панталоны с кружевами и даже туфли.

Герцогиня поднялась навстречу в приемной, в роскошном халате, который ни один мужчина не отличит от платья, церемонно присела.

— Ваше величество...

— Герцогиня, — поприветствовал я и полюбопытствовал: — Чего не веселитесь?

Она в изумлении вскинула тонко нарисованные брови.

— Я?.. Да у меня каждая минута в счастье!.. Я здесь, я снова во дворце!.. Я служу вам! Что может быть лучше?

Я кивнул в сторону далекой двери в спальню.

— Тогда сразу туда. Там я вам испорчу веселье.

Она засмеялась.

— Заставите есть на ночь те восхитительные пирожные?

Впрочем, в спальне халат сбросила на ходу, я раздевался медленнее, она успела забраться под одеяло и смотрела оттуда блестящими от любопытства глазами.

— Ваши распоряжения нравятся двору все больше, — сказала она. — Особенно насчет маскарада. Принято считать, что он в честь возвращения императора Скагеррака... Многих это примиряет с его уходом на отдых. Я пустила слух, что это по воле самого императора.

Я опустил рядом, уже привычно создал простое блюдо с горкой пирожных и двумя фужерами с красным вином.

— Дескать, — сказал я, — его мучают угрызения совести, что не смог всех взять с собой? И теперь стыдно смотреть в глаза оставленным на гибель?

Она взяла пирожное двумя пальчиками, смех затих на ее губах, а взгляд стал серьезным.

— Почти слово в слово. Ваше величество, вы прекрасно улавливаете настроение общества. Уверена, будете править мудро и осторожно!

— Спасибо, — поблагодарил я. — Примерно как слоняра в посудной лавке. Возьмите еще вот это пирожное... Там внутри крем.

— Ой, могли бы сказать и раньше...

— Ничего, можете вытереть о простыню, как здесь все делают.

Она долопала пирожное, в ее взгляде проступило сочувствие, а когда заговорила, чувствовалось, что колеблется, говорить ли вообще, а если сказать, то в какой форме:

— Ваше величество, простите, но я уже в курсе о леди Жанне-Антуанетте. И даже о том, что она вам не совсем по нраву.

Я поморщился.

— Не совсем? Это очень мягко.

— Ваше величество...

Я буркнул:

— Давайте, добивайте...

— Ваше величество, — повторила она с усилием, — вам покажется странным, но я, зная настроение высшего света, тоже рекомендую принять ее.

Я посмотрел на нее настороженно и даже с подозрением.

— В смысле?

— В качестве, — уточнила она. — В качестве официальной любовницы. И даже главной.

Я взглянул на нее в упор.

— А вы?

Она ответила тем же прямым взглядом.

— Вы можете не поверить, но в самом деле желаю вам успеха в удержании трона. И потому, что моя судьба теперь связана с вашей, и потому... можете не верить, но вы глубоко тронули мою черствую душу своей чистотой и наивностью.

Я отшатнулся и воззрился на нее в изумлении.

— Я?... Чистотой?... Даже наивностью?

— Ваши идеалы чисты, — заверила она, — как и намерения. За меня беспокоиться не стоит. Вы не Скагеррак, уже вижу. А любовница вам нужна для легализации положения правителя империи. Когда увидят ее рядом с вами, все сразу успокоится.

Я повторил:

— А вы?

Она сдержанно улыбнулась.

— Ваше величество, меня трогает ваша забота и участие. За нас с Мишеллой беспокоитесь, надо же, будто и не ужасный властелин Багровой Звезды!.. С вашего позволения, мы тоже будем следовать за вами в трех шагах.

— А что предлагаете насчет леди Жанны-Антуанетты?

— Она должна идти с вами рядом, — ответила она ровным голосом. — Согласно этикету. Иногда даже под руку. В особых случаях, оговоренных правилами этикета и дворцовой этики.

— Идти, — повторил я с подозрением. — Ну-ну. И все?

Глава 13

Она величественно наклонила голову, словно это она учительница, а я великовозрастный и уже половозрелый ученик.

— Остальное мелочи. Постель всего лишь постель, для вас в ней ничего нового, зато вот интересы империи останутся в неприкосновенности.

— Что за империя, — буркнул я, — если ее может пошатнуть такое... Но меня вообще как-то напрягает эта ваша легкость с постелями, любовницами в открытую. А если правитель женат?

Она взглянула с некоторым удивлением.

— Жена обязана рожать наследников, ваше величество. Не детей, как у других, а наследников! Это ее главная обязанность. Жена — это укрепление династических уз с соседними империями. Жена — козырь в дипломатии уже тем, что вам жена, а кому-то из соседей любимая дочь. И вообще, у правителей жена не жена, а супруга! Она не обязана быть красивой, а вот ваше величество должны олицетворять красоту империи, ее мощь, богатство и величие.

— Уф, — сказал я, — чуточку отлегло. А то уж подумал, и жену Скагеррака мне... То бишь супругу.

Она засмеялась, получилось мелодично и вполне по-женски.

— Думаю, Скагеррак жену не отпустит. Как уже сказала, у государей не жены, а супруги, это совсем другое, ваше величество. Надеюсь, я вас убедила? Со всем мелочная уступка с вашей стороны, зато огромная выгода в престиже власти!

Я сказал с досадой:

— Ладно... но вы уж там сами как-то...

— Ваше величество, — ответила она с укором, но глаза радостно засияли, — спасибо, что поняли интересы правителя. А с Жанной-Антуанеттой у нас с Мишеллой не будет никаких трений.

— Точно?

— И на это есть придворный протокол, — ответила она деловито. — Все давно расписано, все ранжировано, выяснено, ваше величество!.. Если раньше не возникало никаких трений, то почему вы решили...

Я вздохнул.

— Потому что под другими лед трещит, а подо мной ломится... Ладно, с этим покончили. А как у императора было с соседями?..

— Ваше величество, — ответила она осторожно, — реалии власти таковы, что характер императора, каким бы ни был, должен соответствовать занимаемому положению. Потому и властный Скагеррак с его напористым нравом, и мягкий Тимбершир, император Астаргельда, и вспыльчивый и безрассудный Огиль, глава империи Великая Пешмерия, все на высшем уровне ведут себя примерно одинаково.

Я посмотрел на нее с уважением.

— А вы умная женщина, леди Самантелла. Очень умная. Мне даже неловко вас использовать для постельных нужд, будто кухарку какую.

Она хитро улыбнулась.

— Ваше величество, в ночи мы все одинаковы.

— А мы? — спросил я.

Она вроде бы даже опешила от такого простого вопроса, затем с неподдельным изумлением едва выговорила:

— Вы в самом деле с какого-то дальнего Севера... Неужто вас интересуют такие мелочи, до которых мужчинам никогда никакого дела?

— Да это я так, — ответил я, — все думаю, что можно использовать в политике. Я хозяйственный.

Она поставила на столик опустевшую тарелку и, глядя мне в глаза, легла на спину.

Императору подвластно все, додумал я мысль, просыпаясь утром. В том числе и все женщины, но здесь малозаметная на первый взгляд ловушка. Когда все женщины одинаково доступны, все и ценятся одинаково.

Чтобы победить в конкурентной борьбе, им нужно что-то еще помимо плоти. Пока что преуспела разве что герцогиня Самантелла, оттеснив даже Мишеллу, очень умную и чуткую девушку, в которой улавливаю некоторую загадочную недосказанность, остальные пока только глупо хихикают и всячески показывают глазками, что готовы на все, не понимая, что это их «все» вообще-то так мизерно мало.

Хотя да, Жанна-Антуанетта нечто особенное...

Утром после обязательной процедуры одевания и обувания императора я уединился в кабинете, поработал с бумагами, создавая указы и распоряжения, принял ряд законов и даже подзаконных актов, без которых законы лишь пожелание и пустой звук, а затем, согласно дворцовому протоколу, отправился на прогулку.

Это тоже обязательно, император обязан показываться народу, то есть всему двору, демонстрируя, что здоров и дееспособен, Мишелла, герцогиня и Жанна-Антуанетта пошли за мной в отмеренных протоколом четырех шагах.

Я на ходу решил, что ничего страшного не стряется, если сокращу расстояние вдвое, пусть даже в регламенте записано, сколько куда шагов.

Величаво поглядывая по сторонам, я видел понимающие усмешки Альбрехта, Норберта и Келляве с Робером. Мои военачальники в таком действе не участвуют, достаточно и меня, самого влиятельного завоевателя, чтобы подчеркивать роль и место в обществе моей армии.

Когда вернулся, в приемной уже ждал Карл-Антон, принес с полдюжины разгаданных амулетов и рассказал, какие у них свойства, но перед уходом замялся, сказал шепотом:

— Ваше величество, а что...

— Посторонних нет, — напомнил я, — что за величество?

Он сказал послушно:

— Сэр Ричард... а что ваши рыцари как-то посматривают странно. Некоторые приветствуют с таким почтением, словно я один из них, а то и выше.

— Это за ваш вклад в победу над филигонами, — заверил я. — Все помнят, как в решающей битве ваши вспышки белого огня переломили исход битвы в нашу пользу.

Он посмотрел с сомнением.

— Правда? Странно, что вспомнили только теперь... И еще кто-то то ли случайно, то ли намеренно обратился ко мне как к его светлости... Признайтесь, сэр Ричард, ваши штучки?

Я вздохнул.

— Ну хоть не как к высочеству.

— Ваше величество!

Я в показном смущении развел руками.

— Да как-то нечаянно с языка сорвалось. Жизнь такая серьезная, иногда хочется на ушах походить или кого-то поставить. Винюся, намекнул где-то насчет

знатнейшего рода. Так, вскользь. Никаких подробностей, клянусь!.. Так интереснее, пусть сами все придумывают. Люди должны развивать воображение. Без воображения нельзя быть ни поэтом, ни философом, ни умным, ни мыслящим существом, ни просто человеком. Вообще людьми правит воображение!

Он посмотрел с укором.

— Ваше величество... Мальчишество какое-то.

— Но на пользу дела, — отпарировал я. — Вам что, лишнее уважение на горбу виснет?.. Да и рыцарям приятнее, что вы один из них. Возможно, всех их знатнее. Вы о их народных чувствах подумайте! Ложь вовсе не ложь, если на пользу Отечеству. Ради Отечества и удавить можно!

Он вздохнул, покачал головой.

— Хорошо, что я не политик. Даже с нечистой веду дела честно.

— Честно, — ответил я свысока, — это скучно. Быть честным — быть примитивным. Животные вообще самые честные существа! Ложь — инструмент прогресса и высокой человечности. Это признак высокой духовности и высшей нервной организации!

Он помотал головой.

— Хорошо, что я всего лишь чародей.

В кабинет заглянул Перияльд и, не обращая внимание на возмущенного Хрурта, выпалил:

— Сэр Ричард, в приемной Жанна-Антуанетта! Что-то в слезах.

Карл-Антон предположил:

— Просить пришла? Наверное, жемчуга или титул. А то и земель ушедших со Скагерраком. Все-все, исчезают!

В самом деле исчез, не ставив после себя даже ветерка. Я, чувствуя приближение неприятностей, развернулся в сторону двери.

Из коридора вбежала Жанна-Антуанетта, зареванная, с красными от слез глазами, губы распухли, лицо подурнело, весь вид сплошное отчаяние.

Я вскочил, не до церемоний, ухватил в объятия ее легкое трепещущее тело и торопливо усадил в свое кресло. Она всхлипывала, уже стараясь удержаться, прижимала к глазам надушенный платочек, насквозь мокрый, больше подошла бы простыня, на меня поглядывала отчаянными глазами, не в силах удержать рыдания.

— И высморкайтесь тоже, — посоветовал я. Она беспрекословно отдала платочек, я поднес к ее ноздрям и сказал строго: — Дуйте! Хорошо дуйте!

Она послушно дунула, я свернул в трубочку заметно потяжелевший платочек, подумав, что простыня на двоих подошла бы лучше.

— Что случилось, маркиза?

Она прошептала сквозь удерживаемые рыдания:

— Моего мужа похитили!.. Требуют, чтобы выполняла их условия. Не сказали какие, но это понятно... Они не верят, что на вас женщины не влияют!

— Вообще-то влияют, — признался я, — но, конечно, не в делах державы. А почему так расстроены?

Она сказала с возмущением:

— Это мой муж!.. Я его люблю, и я ему верна! Я верная и преданная жена, ваше величество!

Я пробормотал:

— А как же... официальная любовница?

Она вскрикнула:

— Это должность при дворе! За нее всегда идет ожесточенная война!.. Вам, ваше величество, лучше иметь такую, которая и не пытается влиять на вас, чем самовлюбленную дуру, что будет настойчиво подсказывать всякие выгодные ее тeneвым покровителям варианты...

— Это так, — проговорил я в замешательстве, — а вы, значит, умная... Ну да, вы еще не пробовали подсказывать, на кого пойти войной... Что известно о похитителях?

Она выкрикнула, размазывая слезы по щекам уже ладошками:

— Ничего!

Я взял со стола салфетку, что впятеро крупнее ее платочка, протянул ей.

— Но... все-таки? Кто вам сообщил, как сообщили?

Она торопливо принялась стирать слезы, что повисли уже не только на подбородке, но и добавили блеска серьгам.

— Подметное письмо, ваше величество!.. А в нем короткая запись, что муж у них, а вернут, если согласусь выполнять их указания. Причем якобы необременительные.

Я спросил осторожно:

— Может быть, имеют в виду нечто... интимное?

Она отвергла с негодованием:

— Для этого вовсе не надо похищать мужа!..

— Верно, — признал я. — А не могли учесть варианты, что сообщите мне?

Она посмотрела большими глазами.

— Велели держать в тайне. Иначе Антуана убьют.

Я помолчал, все-таки есть вариант, могли рассчитывать, что тут же все расскажет мне. Женщины, при

всей их придуманной непредсказуемости, на самом деле очень предсказуемы. А похитители ее Антуана могли предположить не только, что тут же бросится ко мне, но и что мое дурное самолюбие разыграет, не возжелаю ударить в грязь лицом перед красивой женщиной.

А вот здесь самое опасное. Если могли предположить такое, то уверены в своих силах. То ли в самом деле чувствуют свою мощь, то ли спрячут так, что не отыщу. Но сам в процессе поисков буду в постоянной опасности. Но кто посмел? И почему так уверены, что я со всей мощью, о которой каждая собака знает, ничего не смогу?

— Леди, — ответил я медленно, — не надо реветь, вы моя подданная. А я должен защищать свой народ. Вы же человек из самой его гуши, что наверху? Не ревите, это отвлекает, я уже думаю.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	138
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	269

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

**РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ
В ЗАПАДНЕ**

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Г. Клочкова*

Корректор *Н. Яснева*

В коллаже на обложке использованы фотографии:

LifetimeStock, Irina Alexandrovna, K.Sorokin, fokke baarssen / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтында Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 06.02.2018. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20, 16.
Тираж 6500 экз. Заказ № 5030.

Отпечатано в ООО «ПИК ОФСЕТ»

660075, г. Красноярск, ул. Республики, д. 51, стр. 1.

Тел.: (391) 211-76-59, 211-76-20. E-mail: marketing@pic-ofset.ru

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

Москва. Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н,
г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74.

Нижний Новгород. Филиал в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Екатеринбург. Филиал в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).

Самара. Филиал в г. Самаре. Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7 (846) 207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7 (863) 303-62-10.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10. Режим работы: с 9-00 до 19-00.

Новосибирск. Филиал в г. Новосибирске. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7 (383) 289-91-42.

Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7 (4212) 910-120.

Тюмень. Филиал в г. Тюмени. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алябашевская, д. 9А (ТЦ Перестройка+).
Телефон: +7 (3452) 21-53-96/97/98.

Краснодар. Обособленное подразделение в г. Краснодаре

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре
Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01 (02).

Республика Беларусь. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минск. Адрес: 220014,

Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Жукова, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet».
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92. Режим работы: с 10-00 до 22-00.

Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, д. 3 «А».
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91, 92, 99)

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вербова, д. 17а.
Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7 (812) 601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-04-092771-5

9 785040 927715 >

ISBN 978-5-04-092771-5

9 785040 927715 >

Руч@ды

Длинные Руки
В западне

